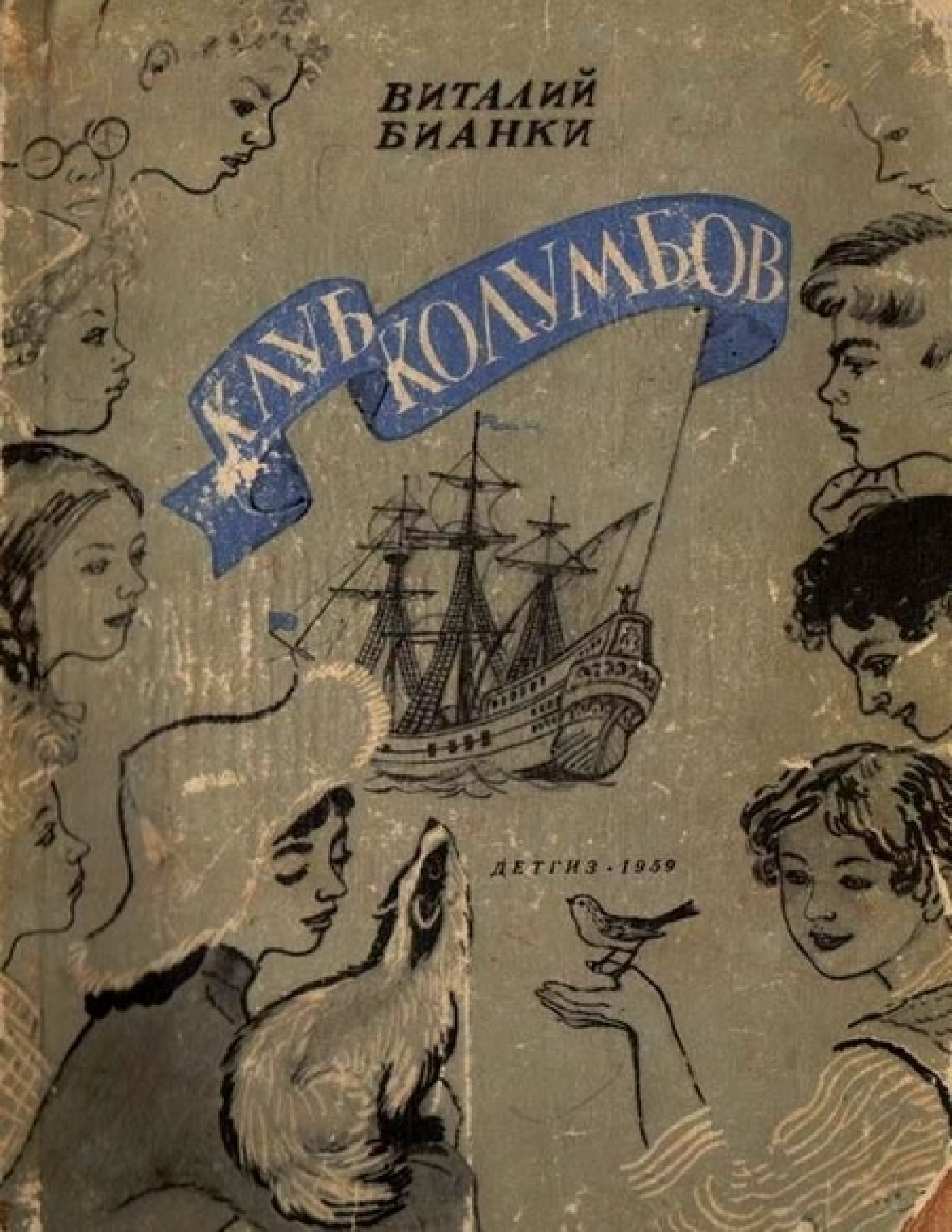

ВИТАЛИЙ
БИАНКИ

САМЪ КОЛУМБОВ

ДЕТГИЗ - 1959

Annotation

Спрашивается: какие могут быть колумбы-открыватели в нашей стране, когда она давным-давно открыта и всё в ней известно? Но ведь для ребят и старое всегда ново. И страна у нас такая, что, сколько её ни открывай, всё в ней каждый раз предстаёт в совершенно новом, чудесном свете. Для юных колумбов-первооткрывателей всегда найдётся много неизвестного, загадочного, что надо узнать, открыть, разгадать. В "Клубе Колумбов" Виталий Валентинович Бианки рассказывает о ребятах, которые отправились в лесной край, жили там, открывали для себя новую страну природы родного края, учились наблюдать, разгадывали загадки, раскрывали маленькие тайны и узнавали много нового. Может быть, и вы, прочитав эту книгу, станете в своём родном краю юными естествоиспытателями, — юнестами, маленькими колумбами.

- [Бианки Виталий Валентинович](#)
 -
 - [Месяц первый](#)
 - [Месяц второй](#)
 - [Месяц третий](#)
 - [Месяц четвертый](#)
 - [Месяц пятый](#)
 - [Месяц шестой](#)
 - [Месяц седьмой](#)
 - [Месяц восьмой](#)
 - [Месяц девятый](#)
 - [Месяц десятый](#)
 - [Месяц одиннадцатый](#)
 - [Месяц двенадцатый](#)
 - [Разные случаи, записанные в уют-компании Клуба Колумбов в Земле Неведомой](#)
 - [Гадание о погоде](#)
 - [Заключение](#)
-

Бианки Виталий Валентинович
Клуб Колумбов

Месяц первый

Открытие клуба. — Объяснение его названия. — Почему «юности»? — Приветствие.

В канун Дня Весеннего Равноденствия на улице разыгралась метелица, озорно свистела в переулочках и ляпала сырым снегом в стёкла окон. Прохожие, шагая против холодного, мокрого ветра, сгибались в три погибели и придерживали руками поднятые воротники.

Смеркалось.

В светлом и тёплом помещении редакции «Лесной газеты» запела тоненькая нежно-жёлтая птичка. Из своей клетки, висящей на окне, она приветствовала входящих в комнату юных лескоров такой

великолепной долгой трелью, как будто ждала от них, что вот они подойдут к её клетке и вернут ей давно потерянную свободу.

Собирались старшеклассники — члены кружка юнестов при редакции «Лесной газеты».

Всего их было одиннадцать человек: пять мальчиков, пять девочек и руководитель. Собравшиеся торжественно объявили открытие Клуба Колумбов.

Название ребята придумали сами.

«Клуб» — потому, что это добровольное, в свободное от школьных занятий время, собрание кружка; юных «Колумбов» — потому, что все члены Клуба — первооткрыватели новых земель или хотят быть ими.

Спрашивается: какие могут быть колумбы-открыватели в нашей стране, когда она давным-давно открыта и всё наперечёт в ней отлично известно?

— Ну, нет! — хором отвечают колумбы. — Не важно, что открыта. Важно, кем открыта. И для кого открыта.

Америку, например, открыл Христофор Колумб. Был он итальянец на службе у Испании — житель Старого Света, и для этого своего Света открыл Новый Свет — Америку. А для старожилов Америки — индейцев — Америка всегда была Старым Светом и нисколько не стала новее после открытия её Колумбом. Наоборот: наш Старый Свет был для них тогда совершенно неизвестным Новым Светом.

Есть такие скучные люди, для которых всё новое — старо. А мы такие, что нам и старое всё — ново. И страна у нас такая, что, сколько её ни открывай, никак в ней всего не откроешь. И если усталым глазам старожилов кой в чём она и примелькалась, стала привычной, а потому как будто и неинтересной, то нашим-то юным пытливым глазам и нашему пытливому уму она предстаёт в совершенно новом, чудесном и загадочном свете. Нам-то в ней всё ново, всё дивно, всё — тайна и, значит, мы — настоящие колумбы своей земли.

Остаётся объяснить, — почему мы называем себя не «юннатами», а «юнестами»?

Очень просто! Зайдите в любое помещение юннатского кружка. Вы увидите там клетки с птицами, клетки с разными зверюшками, аквариумы с рыбками, террариумы с ящерицами и змеями, инсектарии с насекомыми, горшки с цветами, может быть даже целые оранжереи с овощами. Юннаты ухаживают за животными, делают мичуринские

опыты над растениями, выращивают гигантские овощи и фрукты, работают в живых уголках, в специальных лабораториях, на огородах, в садах. Юннаты — это юные агрономы, животноводы, садоводы.

Всё это здорово интересно, полезно и необходимо. Но это лишь часть работы.

Другая часть — исследование, так сказать, инвентаризация и потом глубокое изучение нашего *дикого хозяйства* полевых, что называется, лесных, *естественных*, а не клеточных, не лабораторных условиях.

Наш кружок — при редакции «Лесной газеты», и главной своей задачей мы считаем работу в лесу: пытливые наблюдения над животными и растениями в естественных условиях их жизни, лесного, дикого *естества испытание*.

Вот и получается, что мы — испытатели, разведчики — *юнесты*.

Тут же, на первом собрании Клуба, решено было сразу же после окончания занятий в школе всем составом поехать в какой-нибудь «*медвежий уголок*» и заняться обследованием его с научной, а также с художественной точки зрения: среди колумбов есть художница, есть поэт. Постановили — на следующем собрании выбрать на карте место, куда ехать, и разработать подробный план работ экспедиции. О всех будущих открытиях посылать отчёты в «Лесную газету».

И новоиспечённые колумбы так размечтались о скором своём путешествии, что почувствовали необходимость немедленно послать кого-нибудь за мороженым и выпить чаю.

Сбегать за мороженым вызвалась светлокудрая Милочка и с ней весёлый Володя. Но в такую метель не так-то просто найти на улице мороженое.

Уже вскипел на электрической плитке чай, и общая любимица Рэмочка с живой, как ртуть, Дорой и мечтательной, пухленькой Лялечкой расставили на редакционном столе сахар, стаканы и блюдца.

Уже горячий охотник Николай затеял со спокойным, как гора, силачом Андреем спор о том, где поблизости от Ленинграда лучшие «медвежьи уголки», и оба обратились за разрешением своего спора к руководителю кружка юнестов, только что избранному президентом Клуба. А посланные за мороженым всё не возвращались.

Под шумок вздремнул толстяк и сладкоежка Павлуша, молодой поэт Славмир успел сложить целое пятистишие, а быстроглазая

художница Сигрид — зарисовать всех колумбов, когда в комнату порвались, наконец, покрасневшие на морозе Милочка с Володей, — и пиршество началось.

Все встали, и пламенноголовый поэт Славьмир, которого ребята называли Славкой-Рыжеголовкой, утверждая, что он одного рода с флейтоголосой славкой-черноголовкой, прочёл своё пятистишие-приветствие:

Да здравствуют колумбы
И вечно Новый Свет!
Привет ему, привет!
Пытливый глаз и ум бы
Сберечь нам до ста лет!

Тут все друг друга поздравили, стали сгрызать с палочек обжигающее мороженое и запивать его остывшим чаем.

На этом первое собрание Клуба Колумбов закончилось.

Месяц второй

Земля неведомая. — Подготовка к экспедиции: Лисий шаг.

— Птичий язык. Имена-оклики. Неожиданное превращение девочек в ноты.

На второе собрание Клуба руководитель кружка принёс подробную карту Новгородской области, показал на ней деревню Лысово, где жил одно лето, и посоветовал выбрать её базой для экспедиции, опорным, так сказать, пунктом, где колумбам поселиться и откуда начать свои научные и художественные исследования.

— Вот циркуль, — сказал он. — Вонзаю одну ножку в точку, обозначающую деревню Лысово, отставляю другую ножку на три вот таких деления — то есть на три километра — и очерчиваю ею круг. В

этом круге, радиусом в три километра, будем считать — нам ничего не известно. Пусть это Новый Свет — та Америка, которую мы с вами будем открывать. В кругу этом у нас имеется: а) лес хвойный — чудный сосновый борок; б) смешанный лес — кусочек настоящего дремучего леса, как на картине Васнецова «Иван-царевич на сером волке»; в) кусочек реки Ундинки, один берег которой крутой, а другой — низкий, весной заливаётся, и тут, конечно, г) *п о ж н я* — сенокосный лужок. Есть, конечно, д) поля — небольшие, как всюду в Новгородской области; ж) *ляд и н к и* — рощицы сырые — и з) очень интересное озеро Прорва: небольшое, неглубокое, но с чудными, покрытыми лесом островами.

Колумбы тут же принялись горячо обсуждать, как назвать будущую их Америку — заключённую в круг местность, которую они будут открывать и исследовать научно и художественно.

— Я бы назвал её, — задумчиво протянул Андрей, — Эн Зе.

— Тоже мне! — фыркнул Николай. — «Эн Зе» — по-военному — «неприкосновенный запас». Что же, нам совсем и не касаться этой местности?

— Может, Андрей хотел назвать её — Новая Зеландия? — ехидно вставила художница Сигрид.

— Нет, просто — Необыкновенная Загадка, — вступилась Рэмочка.

— А ну вас! — отмахнулся Андрей. — «Эн Зе» значит: «Новая Земля» или «Неизвестная Земля».

— Что ж, толково! — сказал руководитель. — Чуть только переделаем, — переставим буквы и назовём её «Зэ Эн» — «Земля Неведомая». Согласны?

— Идёт! — отозвались колумбы в один голос. И тут же постановили; со всех сторон обследовать Землю Неведомую, разузнать, какие тайны и загадки она в себе таит. Для этого первым делом составить подробные списки туземцев, то есть всего, что там растёт и водится: деревьев, зверей и птиц. Именно по этим туземцам имелись в кружке специалисты. Соответственно специальностям образовались три экспедиции:

Орнитологическая— птицеведческая; в состав её вошли: Рэмочка, Андрей, охотник Николай и Милочка.

Териологическая— звероведческая — в составе Лялочки и охотника Владимира.

Дендрологическая— древоведческая — в составе Павлика и Доры. И, наконец,

поэзохудологическая— или просто художественная, состоящая из художницы Сигрид и поэта Славьмира, или Славки-Рыжеголовки. Поэт обещал написать за лето целую книжку стихов под названием «Земля Неведомая», а художница взялась её иллюстрировать.

Охотники Николай и Владимир внесли предложение:

— Поскольку подавляющее большинство нас птичников и зверятников, всем нам придётся заранее кое-чему обучиться, чтобы не распугать в лесу всех птиц и зверей. Прежде всего надо нам обучиться фокстроту.

— Ну, вот ещё! — запротестовала Рэмочка, и девочки хором её поддержали. — Американским танцам, всяким там буги-вуги мы не желаем обучаться!

— Да нет же! — поспешил разъяснить Владимир. — Не о том речь! «Фокс тротт» в переводе значит: «лисий шаг». Тихо, бесшумно надо научиться ходить по лесу, высоко поднимать ногу и смотреть, куда её ставишь, и не делать никаких резких движений, и застыть неподвижно на месте, как лис. Иначе все лесные туземцы попрячутся, ни птиц не увидишь, ни зверей. А второе — придётся научиться разговаривать на птичьем языке: ведь нельзя же нам в лесу кричать и аукаться. Мы предлагаем нашу систему птичьих переговоров, — ту, которой мы с Николаем пользуемся в лесу на охоте. Вот она.

И Владимир принялся свистать — то коротко, то протяжно — и тут же объяснил, какой из птиц принадлежит тот или иной голос.

— Вот мы идём по лесу, — говорил он, — на некотором расстоянии друг от друга. Прочёсываем, так сказать, лес цепью. Чтобы не удалиться друг от друга, всё время пересвистываемся с соседями справа и слева свистом: «Ци-ви! Ци-ви!» Дескать: «Иду! Иду!..»

Вдруг один из нас что-то заметил впереди. Надо дать знать другим, остановить цепь, задержать, чтобы не спугнули, дали бы рассмотреть, кто прячется впереди. Тут даётся сигнал — Стоп! — голосом поползня, отрывистым низким свистом: «Твуть!»

Тут вам надо узнать, — почему «Твуть»? Почему остановка? Спрашиваете голосом чечевички — свистом, в котором так и слышится

вопрос: «Ти-в **и** -ти-в **и** у? Ти-в **и** -ти-в **и** у?»

Ответ: если это зверь, — тихим низким свистом, вроде: «Ууть! Уть-уть-ууть!..»

Если птицы, — высоким свистом: «Вить-ить-ить-ить!..»

Если человек, — протяжно, с переливом — снизу: «Фуу...» вверх — «Лит!» — голосом большого кроншнепа: «Фуу-лит! Фуу-лит!»

И последний сигнал, — если надо, чтобы сосед подошёл: «Иди сюда!» — флейтовым свистом иволги: «Ф **и** у-лиу! Ф **и** у-лиу!»

— Вот и вся наука, — закончил свой урок Владимир.

— Нет, постой! — сказал Николай. — Я считаю, что оклик по имени в лесу иногда бывает необходим. А у нас у всех слишком длинные имена. Надо все их сократить до одного слога. Одна гласная для слуха зверей и птиц звучит как предупреждение: «Внимание!» — не больше. И они настораживаются, но не убегают, не улетают: ждут повторения звука. Значит, все наши имена надо сократить до одного слога. Так и будем называть друг друга, чтобы не ошибиться, когда доведётся перекликаться в лесу.

Предложение было принято. Первым делом сократили все имена. Андрей превратился в Анда, Николай — в Колка, Владимир — в Вовка, Славмир — в Лава, а Павлуша — в Паф! И это всех рассмешило, потому что труднодум Павлуша никогда ничего не выпаливал: всё долго обдумывал, потом говорил медленно, душу тянул из собеседника.

А когда дело дошло до девочек, Вовк вдруг закричал:

— Братцы крольчихи! Чур, я первый открыл Америку! Вы все девочки — сейчас превратитесь в ноты: Дора — в до, Рэмочка — в ре, Милочка — в ми.

— Я — в ля, — подхватила Лялечка.

— А я — в си, — согласилась художница Сигрид.

— Ну, а уже нашему руководителю дадим всё-таки два слога, — предложил Анд: — по имени и отчеству. Из почтения. Пусть будет Таль-Тин, — согласны?

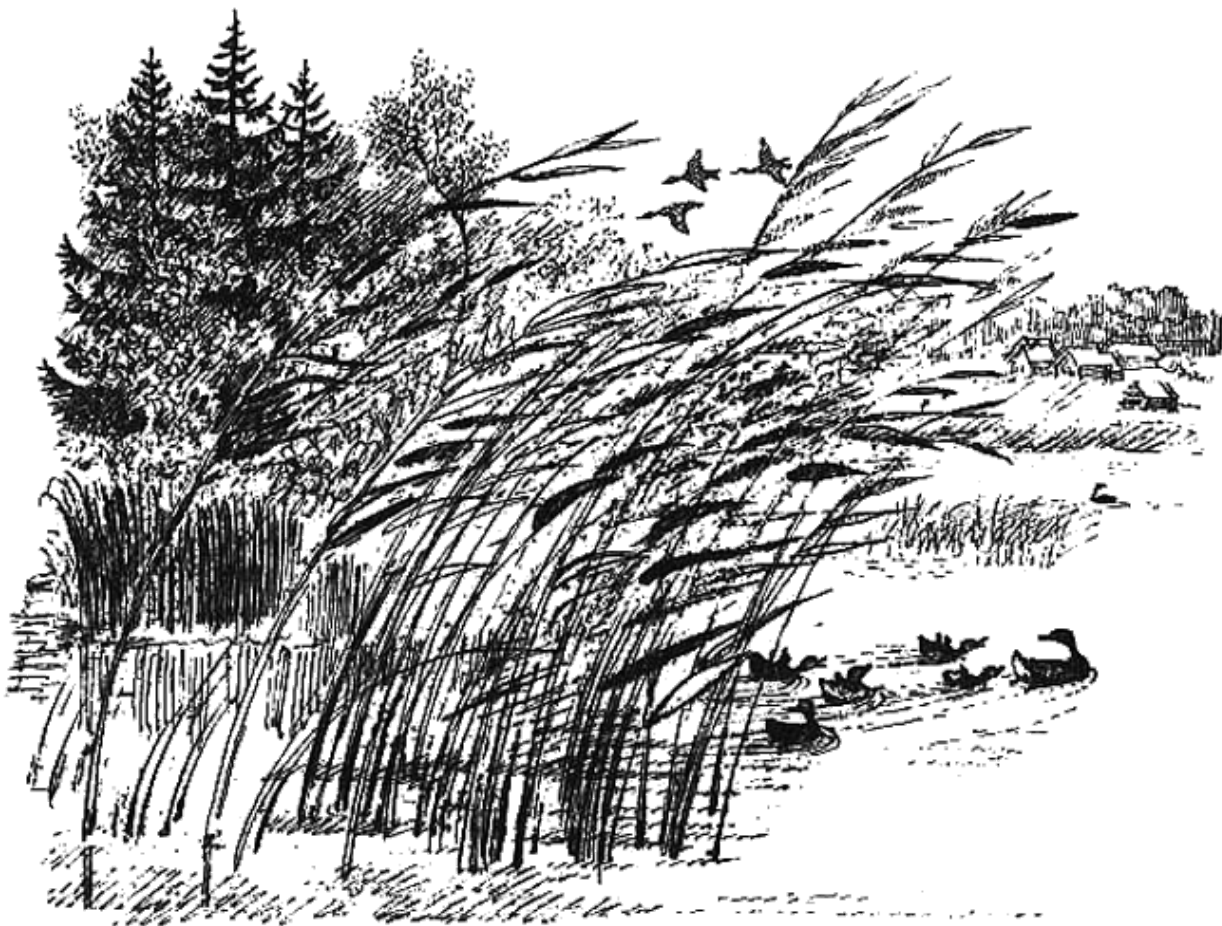
Затем началось обучение лисьему шагу и птичьему языку.

Клуб превратился в маленькую школу.

Месяц третий

В путь. — Медвежий угол — Откуда «кукид». — Гнездо чечевички. — Начало опытов. — Открытие уют-компани.

Настал счастливый день, и Клуб Колумбов в полном составе под предводительством самых старших — Анда и Ре — погрузился в вагон.

Каждый снимал с себя туго набитый рюкзак, а у Колка и Вовка было ещё по ружью в руках. Но этим и ограничивался весь их багаж.

Поезд шёл всю ночь, а утром, едва успели колумбы умыться и спеть шуточный гимн Клуба:

Мы едем, едем, едем
В далёкие края! —

как поезд уже подошёл к станции Хвойная, где колумбы и высадились.

Справились по карте, расспросили у местных жителей, где дорога на Лысово, и весело зашагали по ней.

Путь был дальний: добрых двадцать пять километров. Первые пятнадцать километров прошли ходко, с песнями. Утро было свежее, дорога шла хвойным лесом. Дважды деревья расступались, и путники переходили по гатям — настилам из брёвен — через маленькие мёртвые озерки, давно затянутые лугом, — *в ельипо-здешнему*. Только раз в пути встретили они небольшой отряд колхозниц с палками на плечах. На станции был канун праздника, и женщины шли туда босиком, с подоткнутыми нарядными юбками и баретками-туфлями — на палках.

Потом начались поля, крошечная речушка и на ней — деревня. Тут сделали первый привал и напились чудесного, густого, как сливки, молока. После этого идти стало труднее, но никто не жаловался, хотя полуденное солнышко начало припекать среди открытых полей.

Во второй деревне, тянувшейся по обеим сторонам дороги целый километр, пришлось сделать второй привал, потому что толстый Паф решительно уселся на лавочку у колодца с надписью на доске:

ПОИТ ЛО
ШАДЕЙ СТРО
ГО ВОСПРЕ
ЩАЕТСЯ

— Я... не лошадь! — обиженно заявил толстяк. — Я... этого... не обязан пешком сто вёрст... Не пойду, пока не напьюсь из этого колодца и... того... не отдохну.

— Смотри ты, братец Иванушка, — колко сострил Колк, — как бы тебе от этой водицы в козла не превратиться или, при твоей толщине, ещё, пожалуй, в другое какое животное.

Но добрая Ля опустила журавель и зачерпнула Пафу немного воды из колодца. Толстяк напился, посидел немного — и колумбы тронулись дальше.

За этой деревней опять начинался лес, но уж не сосновый бор, а смешанный дремучий лес, где древние, седые ели мешались с серебристыми стволами осин и высокими белотелыми берёзами. Весёлые разговоры как-то сами собой замерли. Здесь — на подступах к «Земле Неведомой» — встретил их Таль-Тин. И скоро утомлённые путники дошли до деревни Лысово и расположились в двух свободных избах: одна — для девочек, другая — для мальчиков.

Первое, что поразило здесь колумбов, — была непривычная горожанам плубокая тишина. Не было ни металлического скрипа трамвая, ни шума толпы, ни гудящих над головой самолётов, ни даже отдалённых гудков электровозов. Юнестам казалось, что они действительно забрели в какую-то неведомую, никем ещё не открытую страну за тысячу вёрст от их родного города.

Крик петухов, мычание коров нисколько этой живой тишине не мешали.

— Настоящий *медвежий угол*, — сказал Анд. — Да, кстати: в дремучем лесу на подступах сюда я заметил — не при девочках будь сказано! — разрытые медведем муравьиные кучи.

Девочки все хором заявили, что никаких медведей они и не думают бояться.

— И правильно делаете, — сказал Таль-Тин. — А с этим медведем, который разоряет муравейники, я надеюсь скоро вас познакомить, и вы убедитесь, что он вам не страшен.

— Конечно, — не утерпел хвастнуть своими знаниями перед девочками Вовк. — Ведь эти муравейники и овсяники — совсем маленькие звери.

Таль-Тин взглянул на него, хотел что-то сказать, но раздумал.

На следующее утро Таль-Тин повёл колумбов по кругу, в пределах которого лежала «Земля Неведомая». Обзор её занял больше половины дня. Колумбы восхищались всем виденным: и весёлой речкой, и кусочком настоящего дремучего бора, и тихим озером с лесистыми островами, и полями, на которых порядочно поднялась уже густая озимая рожь, и торжественным высокоствольным сосновым бором, где с ветки на ветку прыгали рыжие белочки.

Лав задумчиво сказал, что эти прямые стройные стволы наводят на мысль о каком-то фантастическом океанском порте, где собрались все парусные корабли мира, и мачты их, как лес. И он тут же сочинил

стихи, которые назвал просто ритмованными строками, потому что в них не было рифм:

Мачтовый лес. И хвоя —
Парус зелёный.
На реях
Рыжих матросиков вижу хвосты.

— А я твоих рыжих матросиков, — с улыбкой сказала териолог-зверятница Ля, — первыми записала в свой список туземцев Земли Неведомой: ведь это первые млекопиты, которых мы здесь увидели.

— Да, не густое у вас тут население, — вставила Ми. — Мы, орнитологи, за одно утро записали уже тридцать семь видов крылатых пернатых туземцев. Зд о рово?

Ничего, — у нас ещё всё в будущем. Наши туземчики все от нас прячутся. Но, конечно, так много, как у вас, у нас их не будет.

Тут девочки услышали свист под иволгу — и направились к Таль-Тину, который стоял за большим кустом и призывно махал рукой.

— Я обещал вам показать медведя, который разоряет муравьев, — сказал он таинственным шёпотом. — Вот, смотрите!

Девочки чуть не вскрикнули от испуга: впереди под сосной стоял у высокой муравьиной кучи какой-то большой мохнатый зверь. Он поднялся на дыбы, — и тут только девочки поняли, что это не зверь, а высокий старик и вывернутом шерстью наверх полушубке. Выпрямившись во весь свой огромный рост, он отбросил сук, который держал в руках, стряхнул с себя муравьёв, поднял с земли и перекинул себе за спину набитым чем-то мешок. При этом он обернулся и показал девочкам своё бородатое лицо, очень смахивающее на лицо сказочного лешего. Потом медленно удалился в глубину леса.

— Это девяностолетний дедушка Бредов, — объяснил Таль-Тин, — или, как его тут зовут, дед Бред. Раньше был лесником, теперь совсем оглох и еле ноги передвигает. Вот и выдумал себе работу: целыми днями бродит по лесу, бортничает — то есть ищет диких пчёл — старинное занятие новгородцев, — и собирает муравьиные яйца. Деревенские ребята зовут их «пирожками».

— А как же муравьишки? — огорчилась сердобольная Ля.

— Муравьиная матка снесёт новые яички, а работники быстро починят разрушенный муравей-город. А дважды в лето один и тот же муравейник дед Бред не разоряет.

Под вечер усталые колумбы собрались на Земляничной горке. Так называли они лесистый холм, весь усыпанный белым цветом земляники.

Прилетела кукушка и села где-то в ветвях высокой осины у них над головами.

«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» — куковала и куковала она, как будто хотела накуковать всем колумбам по сто лет жизни.

— Похоже, — улыбнулся Таль-Тин, — что эта особа старается вдолбить нам всем в головы свою идею. Пока самец кукует, самочка незаметно подлетает к чужому гнезду, клювом вынимает из него одно яичко и на его место откладывает своё. Хозяйка гнезда, в большинстве случаев, не выбрасывает кукушкино яйцо, высиживает его вместе со своими, и потом выкармливает прожорливого кукушонка. Блестящая идея! Значит, одни виды птиц отлично могут выкармливать птенцов других птиц! Человек ещё почти не пользуется этим для своих хозяйственных нужд. разве что изредка даст курице вывести утят из утячьих яиц или гусыне — индюшат. А что, если в гнёзда диких птиц начать подкладывать яйца тех птиц, которых по тем или другим причинам хочется развести у нас? Богатейшие возможности открывает нам эта кукушкина идея, в краткоречье — кукид.

— Во-первых, — подхватила всегда на всё горячо отзывающаяся Ре, — так можно спасать ещё не родившихся птенчиков, мама и папа которых как-нибудь погибли.

— А во-вторых, — поддержал всегда спокойный и задумчивый Анд, — можно закупать за границей целыми ящиками яйца каких

нибудь там калифорнийских куропадок или райских птиц, перевозить их на реактивных самолетах и разводить у нас под нашими куропатками и рябчиками.

— Пошли! — срываясь с места, решил буйный Колк.

— Куда? — удивились колумбы.

— Кукидовать, конечно! Проводить в жизнь кукушкину идею в самых широких масштабах.

— Больно ты... э-э-э... прыткий! — вставая сперва на колени, потом на ноги, промямлил Паф.

— Первым делом, — уже на ходу говорил Анд, — надо выяснить, — любые ли яйца соответствующих примерно размеров можно перекладывать из одних гнёзд в другие? Будут ли ещё принимать их на новых местах?.. Затем...

Но колумбы уже разошлись цепочкой — на полсотни шагов друг от друга — и *прочёсывали* кустарник между дорогой и берегом речки. Шли, пересвистываясь негромко синичьим посвистом:

«Ци-в **и** ! Ре! — Цив-в **и** ! Колк! — Ци-в **и** ! Ля!» — ровняли цепочку.

Как только из травы или куста вылетала птица, колумб останавливался и смотрел, нет ли тут у неё гнёздышка?

Вот Таль-Тин дал сигнал отрывистым свистом поползня. «Твуть! Твуть! Твуть! — пошло от него вправо и влево по цепи: — Стой!» Колумбы стали, прислушались.

«Ф *и* у-л *и* у!» — позвал Таль-Тин иволгой.

«Ф *и* у-л *и* у! Ре! — Ф *и* у-л *и* у! Ля! — Ф *и* у-л *и* у! Колк!» — понеслось по цепи, и все колумбы, бесшумно шагая, через минуту собрались к Таль-Тину.

— Здесь гнездо чечевички, — шёпотом сказал Таль-Тин, палочкой показав на куст черёмухи впереди. — Пожалуйста, подходите по одному и каждый говорите ей что-нибудь ласковое.

— Это зачем же? — шёпотом удивились колумбы.

— Может быть, я ошибаюсь, — тихо сказал Таль-Тин, — но мне кажется, что птицы совсем небезразлично относятся к человеческим голосам. Грубых, резких, злых голосов они пугаются. Разумеется, не смысла слов они боятся, а тона, каким произносятся эти слова. А вот добрая, негромкая, певучая речь, к ним обращённая, успокаивает их так же, как плавные движения. Птицы ведь отлично понимают, когда ты к ним обращаешься. Ласку каждое животное чувствует. Голос особенно на них действует, потому что птицы — прежде всего, конечно, певчие — удивительно чутки и музыкальны.

Один за другим колумбы подходили к кусту, слегка отстраняли руками его ветки и говорили несколько добрых слов невзрачной буренькой птичке, вроде воробьихи, сидящей на лёгком соломенном гнёздышке.

— Я уже приучил её к себе, — сказал Таль-Тин, — каждый день подходил к ней и разговаривал. Теперь она не особенно боится людей.

Но как раз тут чечевичка не выдержала, сошла с гнезда на веточку, показав колумбам в гнезде пять голубых яичек с чёрными крапинками на тупом конце. Но она не улетела, осталась тут же и нежным, взволнованным голоском, очень похожим на голос встревоженной канарейки, как будто спрашивала: «Че-и? Че-и? Че-и?»

— Свои! Свои! Не тронем! — смеясь отвечала Ре. — У тебя чудесные яички!

В тот же день колумбы ещё четыре раза побеспокоили чечевичку. Первой пришла Ре и, вынув одно голубое яичко, положила в соломенное гнездо маленькое белое в красных крапинках яичко пеночки-веснички. На глазах у чечевички.

Анд нашёл гнездо славки-черноголовки; второе голубое яичко вынул и положил вместо него славкино — мясного цвета в бурых точечках. Художница Си принесла серенькое яйцо серой мухоловки.

Даже большой буйный Колк осторожно — как росинку на травке — принёс зелёное яичко лугового чеканчика и бережно опустил его в чечевичкино гнездо. Ни одно хрупкое яичко не было сломано или продавлено колумбами при перекладке из гнёзд.

Таль-Тин смотрел на работу колумбов и радовался. Какая разница между теперешним у них отношением к птицам и тем, какое — он помнит — было в его школьные годы!

Девочки тогда почему-то совсем не интересовались гнёздами, а мальчишки... Ох, лучше бы и они не интересовались! Мальчишки хладнокровно, с полным равнодушием разоряли сотни, тысячи птичьих гнёзд. Это называлось у них «собирать коллекции яиц». Одни собирали почтовые марки, а другие птичьи яички. Но марки от этого только сохранялись, а маленькие жизни, заключённые в хрупких скорлупках, гибли. Живые желток и белок коллекционеры выдували, а пустые скорлупки оставались, чтобы через год-другой, когда пройдёт увлечение, — попасть в помойное ведро.

И вот, наконец, на смену бесчисленным поколениям безмятежных истребителей жизни идёт славное поколение юных колумбов. Им на роду написано любить жизнь, охранять её и открывать в ней всё новые и новые тайны, мимо которых с таким равнодушием проходили прежние мальчишки.

На следующий же день оказалось, что чечевичка — прекрасная мать она приняла всю пёструю компанию чужих неродившихся птенчиков и принялась терпеливо высиживать их.

Кукидом увлекались все члены Клуба Колумбов, независимо от их специальности. Все искали гнёзда и перекладывали яички. При Клубе были заведены толстые тетради. В них тщательно записывалось кем, когда, откуда и куда перекладывались яйца и что из этого получалось.

И скоро выяснилось, что в пределах одного вида одни птицы любвеобильные и самоотверженные матери, которым можно доверять высиживание и чужих птенцов. Другие, наоборот, никак не желают принимать чужие яйца. И разные виды птиц по-разному относятся к подкидышам. Одна серая мухоловочка, например, три раза выкатывала из своего гнезда в полудупле старой сосны подложенные ей яички, а на четвёртый день бросила своё гнездо, хотя там у неё лежало четыре своих яичка. Сорокопут-жуланиха — маленькая хищница из певчих — с благодарностью принимала чужие яички... и тут же съедала их.

Но не только кукидом занимались колумбы: каждый помнил о своей специальности, все составляли списки разных туземцев Земли Неведомой. Список орнитологов рос быстрее всех. Но подвигался и у дендрологов список пород деревьев-туземцев, несмотря на то, что Паф всё толстел, все ленивее становился и старался свои вылазки и лес делать покороче. Зато носилась по всей Земле Неведомой старательная До, изучила все её леса и лесочки и даже раз, неожиданно, в платье выкупалась в реке, — старалась оборвать ветки какой-то ивы. Ивы её особенно интересовали.

Медленнее всего рос список териологов: разных четвероногих туземцев вообще не так уж много на свете, и обнаружить их не так просто, как неподвижные деревья или птиц, которые именно подвижностью своей обращают на себя внимание.

Колумбы вставали утром рано и отправлялись кто куда поодиночке или группами в два-три человека. К полудню собирались на обед и, после короткого отдыха, опять расходились до ужина. В просторные летние дни им удавалось много сделать, а ещё того больше — повидать. Каждый день юнестам приходилось наткаться на неожиданности в работе по своей специальности, и на каждом шагу возникали недоуменные вопросы, обсудить которые не хватало у них времени. Им начинало казаться, что чем больше они узнают свою Землю Неведомую, тем непонятнее она для них становится.

Склонный к философии Лав острил:

— Ну вот: открыли мы свою Америку, а закрыть её не можем. Чем глубже копаем, тем больше открываем чудес. Туман тайны для нас всё сгущается. Кто живёт вокруг нас на нашей земле? Что под нами?

Колк соглашался с ним:

— В самом деле. Ну, составим списки туземцев, зарегистрируем, инвентаризуем их, так сказать. А что это даст? Ведь у каждого вида — да какой там «вида»! — у каждого туземца своя, полная или нас неожиданностей жизнь. Что мы о ней знаем? Ничего не знаем! Тайна.

Таль-Тин сказал:

— Что же, давайте перенесём ужин на час раньше и сразу после ужина будем собираться в кают-компанию. Там будем делиться друг с другом самым интересным, удивительным или непонятным, что пришлось увидеть за день. Только надо учиться рассказывать кратко и точно, а то времени не хватит.

«Кают-компанией» колумбы называли избушку Таль-Тина. Табуреток в ней на всех не хватало, и ребята располагались на двух больших шкурах — медвежьей и лосиной. Этих зверей — медведя и лося — застрелил на Алтае сам Таль-Тин; и летом то одна, то другая из них служила ему постелью, на которой он спал в своём спальном мешке путешественника.

Колумбы любили собираться в избушке президента своего клуба — в кают-компанию своего воображаемого корабля первооткрывателей в их воображаемом путешествии — и уютно устраивались в ней на звериных шкурах.

— Вношу предложения, — сказал Вовк. — Первое: переименовать кают-компанию Таль-Тина в «уют-компанию». Второе: объявить конкурс на лучший рассказ на наших сборищах в уют-компании.

— Одобрить! — загудели колумбы. — Одобрить предложение Таль-Тина и два предложения Вовка!

— Добро! — сказал Таль-Тин. — Боюсь только, что придётся раздать целых десять премий: у всех ведь *самые* интересные наблюдения.

— Сегодня же соберёмся! — загорелась быстрая До. — Тем более, — будет проливной дождь!

— Вон как! — насмешливо улыбнулся Анд. — Ай да До! Ты что ж, прогноз погоды получила из небесной канцелярии?

— Эх, ты! — презрительно скривилась До. — А ещё орнитолог! Не слышишь? Сегодня с утра зяблик рюм *и* т и рюм *и* т вон на тех высоких берёзах, — предсказывает дождь.

— Чепуха, суеверие! — рассердился Анд. — Кем это доказано? Мало ли что говорят! Другие уверяют, что ещё какая-то птичка перед дождём всегда жалобно кричит: «Пить! Пи-ить!» — а это просто пеночка-весничка беспокоится у своего гнезда. Я тоже вношу предложение: на сборищах в уют-компании обличать все и всяческие суеверия, предрассудки, устарелые представления.

— Очень правильно, — одобрил Таль-Тин. — В каждом из нас они есть, и мы будем корчевать их прежде всего в самих себе. Сила суеверий в укоренившейся привычке и некритическом отношении к явлениям. В частности, большинство примет предстоящих изменений погоды досталось нам от наших бабушек.

— Ага, ага! — обрадовался Анд и с торжеством поглядел на До.

— Рано обрадовался, — остановил его Таль-Тин. — Мы ещё не обсуждали утверждения До. Обсуждение состоится после ужина.

Вечером в уют-компании Ми сказала:

— Давайте, сделаем так. Сегодня воскресенье. Давайте все будем отмечать у себя в записных книжечках каждое рюменьё зябликов и тут же — при какой погоде они рюмили. В следующее воскресенье соберёмся здесь и решим, правильная ли эта примета.

Колумбы согласились на это, только Паф заявил, что он не станет записывать, потому что он ботаник и не обязан знать голоса птиц. С ним не стали спорить.

Затем колумбы обязали двух своих *художников слова* записывать все удивительные случаи, о которых будет рассказано в уют-компании, и, обработав их, сделать книжку с иллюстрациями художницы Си.

«Художниками слова» у них считались поэт Лав и охотник Колк, собиравшийся стать прозаиком, писать рассказы. У каждого нашлось, чем поделиться с товарищами, и с этого дня у Колка и Лава появилась новая забота записывать все рассказанные в уют-компании случаи и составлять из них книжку — «в назидание предкам и потомкам», как они говорили. Назвать эту книжку решили просто: «Разные случаи».

Работы с книжкой оказалось много; они выполнили своё обещание только в конце года.

Поэтому и здесь она помещается после описания трудов и приключений колумбов в течение круглого года.

Пора была светлая, дни длинные. В юности времени на всё хватает. После уют-компании колумбы играли в волейбол, писали «письма на родину» и, если погода была хорошая, — девочки сидели до сна на балкончике: у них домик был с мезонином; мальчики — внизу на завалинке.

Кто занимался своим делом, кто просто отдыхал, — и шутки весело летали снизу вверх и сверху вниз.

Один из таких вечеров Лав запечатлел в стихотворении:

Солнце село за лесами.
Месяц трубку закурил,
И в ложбинке меж холмами

Заяц пиво заварил.

Комары, толчась столбушкой,
Обещают тёплый день.
Си рисует за избушкой
Фиолетовую тень.

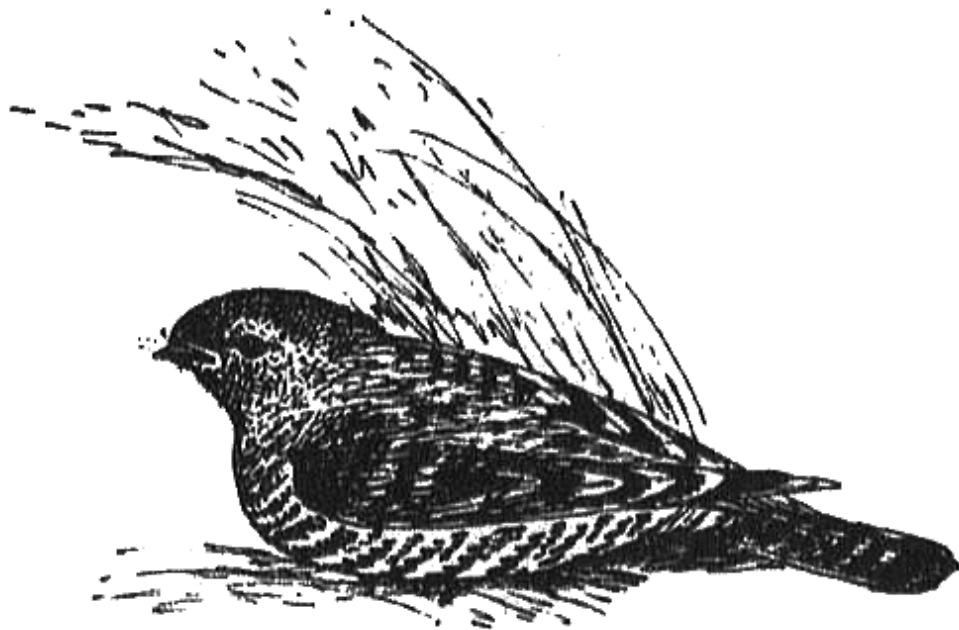
Колк посудю затренькал:
Он идёт в ночной поход.
Засыпает деревенька
Полуночник уж поёт.

Лав очень внимательно вслушивается в разговор колхозников и записывает все их словечки.

«Месяц трубку закурил» — это когда облачко кутает месяц. «Заяц пиво заварил» — вечерний туман в ложбинках, где прежде новгородцы сами пиво варили, опуская раскалённые камни в большие котлы с деревенским пивом, и дым от костров стелился в сырых логах.

Лав где-то вычитал, что новгородское наречие теперь самое древнее на Руси.

Сумеречную птицу, известную под именем козодоя, тут зовут полуночником.

Месяц четвертый

Продолжение опытов кукида. — Главмама. — Бибишка и птенчики. — Подарок тетёрке.

— Вода под лежащий камень. — Стихи и стихия. — Тревога.

Скоро птички-мачехи высидели у себя в гнёздах чужих птенцов. Яички, не похожие на свои, птицы, случалось, выкидывали из гнёзд. Но раз уж у тебя в гнезде выклюнулся желторотый, беспомощный птенчик, — пусть хоть и смешной какой-то на вид, — ни одна птица его не обидит и не откажет ему в своих заботах. Увидевшие свет и чужом гнезде птенчики просили есть, — и их кормили, не разбирая, свой он или чужой.

С чечевичкой кукид получился очень удачный. Маленькая мачеха высидела всех пятерых птенчиков и вместе с самцом — красноголовым, красногрудым красавцем — ретиво начала их выкармливать. Когда чечевички подлетали к гнезду, пять тонких верёвочных шеек, с болтающимися на них пятью слепыми головками, с пушинкой на темени, поднимались им навстречу. Три птенца с тонкими насекомоядными носиками — чеканчик, мухоловка и пеночка, два — маленькая чечевичка и зябличонок — с толстыми носами зерноядных птиц.

Но птенчиков, тех и других, родители выкармливают гусеницами и другими нежными насекомыми. Поэтому опасений за жизнь маленькой пёстрой компании птенцов в гнезде чечевички у колумбов не было.

Ещё колумбы переложили яйца тоненькой птички — белой трясогузки — к простым домовым воробьям и обратно — яйца воробьев к трясогузке. И воробьи выкормили трясогузочек на два дня раньше, чем полагается трясогузкам выкармливать своих птенчиков; трясогузки выкормили воробьят на два дня позже срока. А когда птенцы покинули гнездо и стали всё дальше от него отлетать, — и трясогузки и воробьи узнали своих детей по голосам — настоящие родители без труда переманили их к себе.

То же получилось и у чечевички. Она только до тех пор кормила чужих птенцов, пока они не научились летать и не перелетели каждый к своим настоящим родителям. Зато чечевичке остался её собственный птенец, и к нему присоединились ещё её птенцы, выкормленные в других гнёздах другими птицами. Так чечевичка доказала колумбам, что она — отличная мать и что в некоторых случаях перекладывать яйца из одних гнёзд в другие можно вполне безболезненно как для взрослых птиц, так и для их птенцов.

Появились воспитанники и у самих колумбов: они брали себе на выкорм слётков и — прямо из гнёзд — не совсем ещё оперившихся птенчиков.

Ре — старшая из девочек, добрая и строгая, энергичная и аккуратная — была признана *главмамой* всех птенцов. Кого только не было в её птичьей детской садике: маленькие овсяночки, конопляночки, зябличата, большеголовые сорокопутята, дятлята в пёстрых мундирчиках и вместе со всеми ними — будто из одного пуха

сделанные, но с крючковатыми хищными клювами — пучеглазые совята! Все эти « пченчики» — как нежно называли их колумбы — голодным писком и криком чуть свет поднимали плавмamu, а она будила других девочек — нянь. Все птенцы получали свой завтрак вовремя, а сытые хищные совята не трогали своих маленьких товарищей. Запасы муравьиных пирожков колумбы покупали у деда Бреда, а совята получали кусочки свежего мяса.

Из мальчиков один Анд принимал участие в трудном деле выкармливания птенцов. Ему это не мешало широко исследовать Землю Неведомую. Анд устроил несколько лёгких коробочек из берёсты, пришил их себе к поясу; одну из них наполнял муравьиными пирожками, а в остальные сажал « пченчиков» и спокойно отправлялся с ними в лес. Когда в коробочках начинало пикать, Анд отставал от товарищей, садился на первый попавшийся пень, раскрывал коробки и деревянным пинцетиком совал корм в широко раскрытые рты проголодавшихся малышей.

Колк и Вовк гоняли в это время по всем лесам, искали гнёзда, ставили капканчики на мелких грызунов и землероек, невидимками живших где-то под опавшими листьями и в траве; зарывали для них глубокие банки с приманкой — края наравне с землёй. Лав деятельно помогал им во всех их работах. Но иногда вдруг пропадал, *терялся*, как тут говорят, неизвестно где. Он прятался от всех где-нибудь в высокой траве на поляне или в яру над речкой, ложился на землю и, подперев рукой огненную голову, вглядывался в таинственную глубину омота или в бездну неба, где под надутыми парусами облаков медленно проплывали невидимые корабли, или в дремучую глубь леса, где перед его задумчивым взором мелькали сказочные образы.

Очнувшись вдруг, он с удивлением замечал, что уже сумерки. Вскакивал и, бормоча что-то себе под нос и в такт размахивая рукой,

спотыкаясь нога за ногу, возвращался домой. По задумчивому его виду встречавшие его товарищи сразу узнавали, что по дороге он складывал стихи, и до тех пор приставали к нему с просьбами *вытряхнутых* из себя, пока он не начинал читать. Всегда при этом художница Си схватывала бумагу, цветные карандаши и быстро-быстро набрасывала то, о чём он сложил стихи. Днём она рисовала пейзажи, а вечером населяла их поэтическими образами Лава.

— Хорошо, когда это просто белочки в бору, — жаловалась она цепочкам. — А вот как нарисовать его любимых героев — стихии? Помните, его четверостишие после ненастья!

Солнце вернулось!
Ветер — небесный дворник —
Начисто небо подмёл
И спать завалился.

— Так ты и рисуй дворника, Си, — посоветовала Ми. — Только не простого, а вправду небесного — с большущей бородищей...

— И как он спать завалился, — поддержала Ля. — Метлу уронил и валяется себе на облаке.

— Или вот ещё, — продолжала Си, — его стихи про иву над речкой:

Сколько длинных, острых язычков
У прибрежной любопытной ивы!
А ведь тайн полно у берегов.
Хорошо, что ивы не болтливы.

Или там разное другое про ветер:

Чутко дремлют под солнцем кувшинки
Вдруг тревога — бежит ветерок!
И мгновенно над сонной водою
Поднимаются листья-щиты.

Или вот:

Грянул ветер из-под яру,
Рябь погнал под берега,
Краснозобую гагару
Рыжим свистом напугал,
Сбил над берегом сороку,
Взвился в небо, в реку пал
И в волнах её глубоко
Захлебнулся и пропал.

— Ну, гагару мне Колк покажет, — говорила Си. — Она, слышать, у нас на озере живёт. Сорока — тоже ерунда, — их сколько хочешь кругом. А вот как ветер нарисовать, который рябь гонит и в пальцы свистит!

— А ты изобрази, — посоветовала Ре, — как в книжке Шекспира... Король Лир к нему обращается, говорит: «Дуй, ветер, дуй, пока не лопнут щёки!» И нарисована этакая рожа с надутыми щеками.

Так все колумбы по очереди помогали художнице рисовать, да и поэту частенько подсказывали образы для его стихов, — будто на весь клуб была у них одна поэтическая душа.

Особняком держал себя один Паф. Теперь, когда До натаскала домой целые вороха древесных и кустарниковых листьев и веточек, он и совсем перестал ходить в лес, а только всё сушил листья в бумаге под прессом, перекладывал их с места на место, нумеровал листы бумаги, — целыми днями занимался тем, что сам он называл «приводить в порядок гербарий». А когда однажды колумбы дружно набросились на него с угрозами, что будут таскать его с собой на верёвочке, что незачем было и ехать за тридевять земель киселя хлебать, из-за стола не вылезать, — он вдруг ошарашил всех насмешливым заявлением:

— Вот вы все... этого... гоняете с утра до ночи, высунув э-э-э... языки, а никто ещё из вас ничего такого не открыл.

— Ты-то открыл! — презрительно прервал его Колк. — Если что и нашла по вашей части, так это До, а не ты. Ты — лежащий камень, под который и вода не бежит.

— А-а вот... этого... и бежит! — с неожиданным торжеством заявил Паф. — Я — кабинетный учёный, а не... того... лесной скакун. Я, сидя на месте... э-э-э... больше сделаю... э-э-э, чем попрыгуша До. Слыхали вы о дереве алейне? Ага! Молчите! Никто не знает. Я во всех своих определителях смотрел: нигде нет. И на «А» смотрел, и на «О»: думал «oleyна», от «olень». Нет такого дерева! Моё открытие!

Паф так торжествовал, что даже тянуть и заикаться перестал.

— Интересно, — любопытствовала До. — Где же ты его видел?

— Ещё... того... не видел. Колхозники говорят. Кабы поближе, и давно бы посмотрел, — а то в деревне Минееве, говорят, за восемнадцать километров. В старое время помещики привезли неизвестно откуда, — наверно, из Африки или, может, из Австралии. Высокие, говорят, деревья. И медоносные — пчёлы так и вьются, жужжат. Замечательные деревья! Медовые. Пищу богов дающие — нектар.

— Так уж это не туземцы, — попробовал Вовк уменьшить впечатление, произведённое на всех неожиданным открытием толстяка. — Раз откуда-то из Австралии. И пока сами не увидим хоть одну их ветку, — всё равно не поверим твоему «открытию».

— Тем интереснее, — даже не взглянув на него, отрезал Паф. — Это переселенцы из далёких стран. А тут, говорят, такие вымахали, — глянешь на вершину — шапка валится. Столетние.

На следующее же утро Вовк принёс барсучонка, и впечатление от неожиданного открытия Пафа сразу померкло.

Барсучью нору со множеством ходов-выходов показали ему и лесу колхозные ребята. А у Вовка хватило терпения ещё затемно залезть на дерево и наблюдать оттуда за норой. Несколько часов он просидел на ветке, проголодался, хотел уже слезать, но вот — было это уже о полдень — из норы высунулась голова барсучихи, покрутила носом, скрылась... Минут через пять она вылезла из норы с барсучонком в зубах. Перетащила его на песчаную плешинку в траве на бугорке, на самом солнцепёке и пошла обратно в нору.

Вовк думает, — за вторым.

Но он не стал дожидаться её возвращения, быстро скользнул с дерева, подбежал к барсучонку, схватил его за шиворот — и бежать!

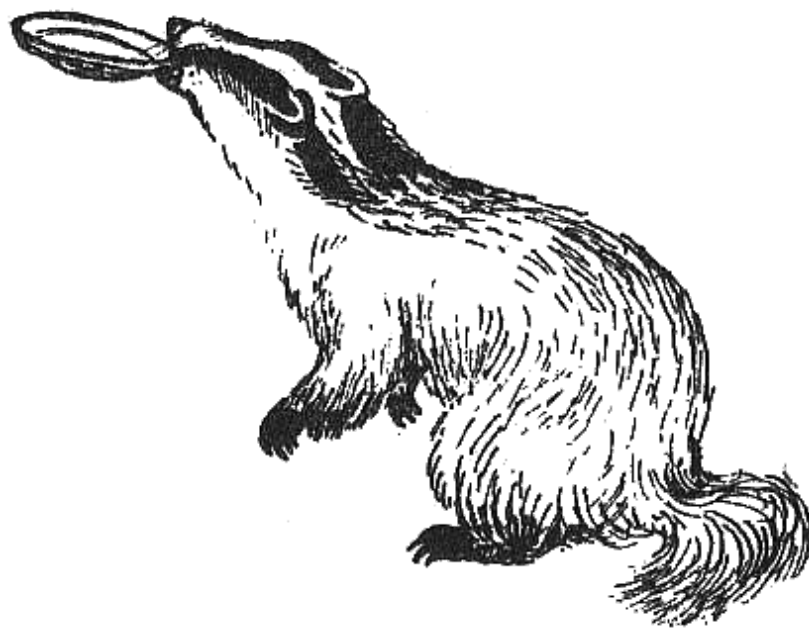
Вовк хотел подарить зверька Ми, но та отказалась: ей, сказала она, родители не позволят держать такого зверя в квартире. Привяжешься, а

потом всё равно придётся в зоопарк отдавать... Вовк и отдал зверёнка умильно глядевшей на него Ля.

Очень обрадовалась Ля питомцу! Дикий зверёнок не сразу привык к своей кормилице, и первые дни Ля ходила с перевязанными пальцами: чуть что, невоспитанный барсучонок давал почувствовать свои зубки воспитательнице. Но надо было видеть, как стойко, с каким мужественным терпением Ля переносила боль, как прятала от товарищей свои слёзы и покусанные руки! Ни разу она даже легонько не ударила, не шлёпнула своего Бибишку.

— У Бибишки испортится характер, — объясняла Ля, — если применять силу при его воспитании. Мой дядя Миша Малишевский, — знаете, у которого знаменитый лис живет в Москве на четвертом этаже, ещё в «Огоньке» был его снимок, — дядя Малишевский говорит, что будь он министром, он всем воспитательницам дошколят сперва давал бы воспитывать зверят, а потом уже — маленьких детей. Он говорит, — детишки, в общем, все одинаковы — и у людей, и у зверей, и даже у птиц. К ним нужна любовь, с ними надо терпение и настойчивость. Своего лиса дядя Миша так воспитал, что ребятки на Гоголевском бульваре — помните снимок? — ему пальчики в рот кладут и за язык его хватают, а он — хищный зверь — и не думает их кусать.

И правда: барсучонок уже через два-три дня не только перестал кусаться, но позволял своей воспитательнице хватать его за мордашку, за шиворот, валять на спине, даже подбрасывать в воздух, играя с ним. Зверёнок почувствовал к ней полное доверие и скоро так привязался, что бегал за ней, как собачка.

Собрания в уют-компании продолжались. Ровно через неделю после первого собрания, поужинав с колумбами, Таль-Тин направился с ними к своей избе — и не узнал её: над крыльцом была прибита широкая полоса материи, и на ней чуть не аршинными буквами надпись:

**— УЮТ-КОМПАНИЯ —
КЛУБА КОЛУМБОВ**

А внутри избы висел цветной плакат:

КАЮК-КАМПАНИЯ В УЮТ-КОМПАНИИ

и под плакатом были изображены в красках руки, срывающие разбойничьи полумаски со смешных и страшных рож.

Таль-Тин только руками развёл. Но художница Си тут же ему объяснила, гордясь своим произведением:

— Это кампания против предрассудков. Ведь сегодня воскресенье. Сегодня все мы будем читать свои записки о рюменьях зябликов и угробим старинный предрассудок, что зяблики рюмят к ненастью. У меня и гроб заготовлен.

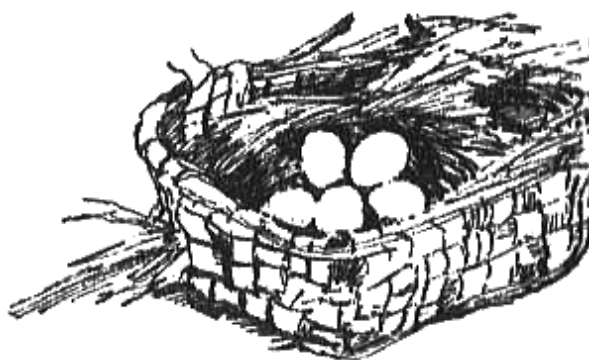
И Си развернула на столе Таль-Тина лист бумаги. На нём был чёрной тушью изображён гроб и рядом — открытая крышка, на нижней стороне которой написано: «Зяблики рюмят — быть ненастью».

Была прочтена одна только запись Колка, из которой выяснилось, что дождь шёл за неделю всего один раз и то недолго, а рюмили зяблики все дни и по утрам, и днём, и по вечерам. Все колумбы, глядя в свои записные книжки, хором подтвердили наблюдения Колка. Тут слово взяла сама председательница сходки — Ре — и сказала:

— Всем ясно: если зяблики рюмят шесть дней из семи в хорошую, солнечную погоду, то, значит, рюменье приметой ненастья быть не может. Похороним это суеверие. Методом статистики доказана его вздорность. Каюк ему!

До за спиной у Таль-Тина показала кулачок Андю, а Си тут же замазала тушью открытую крышку гроба и пририсовала закрытую. И рисунок был торжественно разорван. Собрание продолжилось.

Пришло двадцатое июля, сезон гнёзд кончился, почти все птицы вывели уже птенцов. И вдруг прибегают из лесу Ми и Ре — и, перебивая друг друга, возбуждённо рассказывают, что на опушке под нутом нашли гнездо тетёрки с пятью яйцами.

— Как так — удивлялась Ре. — Скоро уже охота начнётся, у всей боровой дичи выводки взматерели, а эта дурочка ещё яички парит!

— Видно, первая кладка у неё погибла, сказал Таль-Тин. — Весна нынче была ужасная. Куры, утки, все наземные птицы нанесли полные кладки, а тут вдруг ударили морозы. Кладки пропали. Да ещё и второй раз так: опять снеслись, опять все яйца померзли! Эта тетёрка, видно, в третий раз загнездилась. Ну что ж, нам это на руку: испытаем и тут кукид.

Таль-Тин сходил в хлев, согнал там пёструю курицу с гнезда-ящика и взял из-под неё одно яйцо. Ре и Ми побежали в лес и подложили там это белое куриное яйцо к жёлто-коричневым яйцам тетёрки. А взамен взяли одно тетёркино.

Дома его выдули; оно оказалось болтуном, — без зародыша.

— А я слышала, — сказала Ми, — как в яйце нашей пеструхи уже пикал цыплёночек!

— Да, интересно, — сказал Таль-Тин. — Что из этого получится? Уж очень бросается в глаза белое пятно в тетёркином гнезде. Неужели она всё-таки примет его.

— Ясно, — сказал Анд, — просто бросит гнездо. Сидела, сидела, — яйца все болтуны, — ничего не высидела, а тут ещё люди уродское белое яйцо подкинули. Ясно — испугается.

Разговор этот происходил за ужином. Колк, Ми и Си ещё днём ушли на озеро и где-то задержались.

Колумбы кончили ужинать, — а их всё нет. Смерклось. Настала ночь.

Ми, Си и Колк так и не вернулись.

Месяц пятый

*Поиски исчезнувших. — Страшная ночь. — Преисподняя
Америка. — Дикий кур. — Отлёт стрижей.*

Ночь была тёмная, дождливая. Никто из колумбов не спал. Больше всех волновался Вовк. Места себе не находил. Метался по избе, как зверь в клетке. То и дело выскакивал на дождь, ходил по дороге к озеру. Таль-Тин высказал предположение, что Ми, Си и Колк заночевали в деревне на берегу Прорвы. Вовк твердил своё:

— Я чувствую, что с Ми что-то случилось, какое-то несчастье. Недаром название у озера такое зловещее!

Когда ленивый рассвет забрезжил в окнах, колумбы всем составом отправились на розыски пропавших. Решено было идти прямо в деревню Бережок на Прорве, и по дороге прочесать дремучий лес, окружающий озеро.

Дождь перестал, но под ногами были лужи, грязь, слякоть, — особенно когда начался тёмный лес. Решено было, что Паф не торопясь направится по дороге и будет время от времени покрикивать, а остальные семеро цепью пойдут лесом, пересвистываясь, чтобы не потеряться. Главмама Ре осталась дома — накормить барсучонка и всех птенчиков.

Вовк энергично продирался сквозь чащу. Как только деревья и кусты расступались перед ним, воображение сейчас же рисовало ему мрачную картину. Что такое могло стрястись с его товарищами, — он не мог себе представить.

Справа и слева посвистывали синицей соседи по цепи. Вовк отвечал им. Он сильно вздрогнул, когда из кустов перед ним неожиданно что-то шумно взорвалось и умчалось прочь, с треском ломая сучья. Не сразу он сообразил, что это громадный петух наших лесов — плухарь. В утренних сумерках дремучий лес казался Вовку таинственным и жутким, полным фантастических чудовищ.

Вдруг Вовк стал: почудился ему какой-то не то крик, не то стон впереди. Но откуда он шёл, понять нельзя было. Вовк напряг слух...

Вот опять! Кричит кто-то хриплым голосом, а что, — не разберёшь: «... да!.. рож! Тут!..»

Вовк сорвался с места и, ничего перед собой не разбирая, ринулся в чашу густых ёлочек. Не успел он разглядеть впереди большую яму, как поскользнулся и ногами вперёд стремглав полетел куда-то под землю.

... Верно, он был оглушён падением и на минуту потерял сознание, потому что никак сразу не мог сообразить, где он и кто говорит у него над ухом хриплым голосом: «Добро пожаловать, Вовк! Давно ждём. Располагайтесь, как дома!»

— Ух ты! — прошептал Вовк. — Темно, как в преисподней!

— А тут и есть преисподняя, — прохрипел голос. — Вот и косточки покойников.

С трудом повернув голову — у него болела шея, — Вовк рассмотрел около себя белевшие в темноте косточки, а дальше — стоявшего во весь рост Колка.

— А где?.. — начал он, поворачивая голову. Но тут же увидел: с другой от него стороны сидела Си и держала у себя на коленях голову Ми.

— Что с Ми? — вскрикнул Вовк, вскакивая на ноги.

— Пустяки, пустяки! — ответила сама Ми. — Немножко ногу себе повредила, только и всего.

— А ну, поори-ка, — сказал Колк. — Я уж всю плотку себе сорвал.

И, вспомнив про разыскивающих их колумбов, Вовк стал кричать во всё горло:

— Сюда! Сюда! Таль-Тин, Анд, Ля, Паф!

А за ним девочки:

— Осторожно! Тут яма!

Через несколько минут послышался голос Таль-Тина:

— Эй, на дне! Зачем туда забрались? Как себя чувствуете?

— Изучаем Преисподнюю Америку! — весело отозвался Вовк. — Ми вывихнула себе ногу. Глубина шесть метров.

С трудом вытащили несчастных из глубокой ямы. Для Ми пришлось соорудить носилки. Могучий Анд с Вовком дотащили её до дому.

Дома Колк рассказал:

— Мы немного задержались на озере, шли лесом уже в сумерки. Ми шла впереди, в одном месте вдруг вскрикнула глухо так. Я побежал за ней, да и угодил вслед за ней в эту проклятую дыру. А за нами — просто уж из товарищеского сочувствия — съехала к нам на дно и Си.

Темно там, в подземелье-то, хоть глаз коли! Ну, когда глаза привыкли, огляделись кое-как. В одну сторону — коридор и в другую — коридор. Ясно: в подземный ход попали! Я было хотел пойти обследовать, куда ведут коридоры, — согнувшись можно пройти. Да девчонки просят: не уходи, мол, нам страшно! А выбраться из этого проклятого колодца с бедной Ми невозможно: колодец глубокий, стены глинистые, отвесные... И на вас никакой надежды: ночью где искать будете? Раньше утра помощи не жди. Да и то сомнительно вообще, — удастся ли вам разыскать нас?

Хорошо ещё — у меня с собой был полный коробок спичек. Зажёг я одну — да тут же и потушил поскорей: такая страшенина кругом! Всюду под ногами кости и скелеты, правда, — маленькие, но всё равно не очень-то подходящая компания для девочек, хоть и юнесток! Понял я: нап *a* дали сверху зайцы, лягушки, жабы, змеи, — края-то у ямы склизкие! — а наверх и им не выбраться никак!

Вот сидим мы, сидим, — темно, делать нечего, в голову разные мысли лезут, — всё думаем, что это за подземный ход такой, кто его тут прорыл да зачем? Си говорит, — наверное, сюда от фашистов

прятались. Партизаны, верно, вырыли. А Ми вспомнила, что где-то читала сказку: там один водяной другому водяному всего своего озера рыбу проиграл. Пришлось ему подземный ход прорыть из своего озера к другому. По нему и перегнал рыбу.

Только кончила рассказывать, — вдруг как взвизгнет:

— Ай! Глаза!.. Вон! Вон там!

И правда, я тоже увидел: два таких зловещих глаза загорелись при этих словах в полной темноте, что и у меня мороз по коже. Вспыхнули зелёным огнём, потом красным — и погасли.

— Это водяной за нами подглядывает! — шепчет Си дрожащим голосом.

Я ей:

— Молчи ты!

А глаза опять зажглись. Эх, как я тут пожалел, что не взял с собой ружья! Я, конечно, сразу подумал на волка. Грохнуть бы в него — и дело с концом! Девчонки прижались ко мне, дрожат, — а я что могу сделать? Нападёт кто, — разве голыми руками отобьёшься. Явно следят глаза за нами.

Тут я смекнул: «Ведь звери зд о рово боятся человеческого голоса. А ну — пугну его!» Предупредил девочек шёпотом да как гаркну

громовым голосом: «Ух-та-та-та!!!» Девчонки как завизжат, аж совсем оглушили.

— Гром-то хрипловатый у тебя получился, — заметила Си.

— Теперь — «хрипловатый», а там, небось, как обрадовалась, что глаза исчезли.

— Всё равно потом опять появились! — не сдавалась Си.

— Совсем-то ему, — продолжал Колк, — наверно, и не убежать было: может, скоро там коридор и кончается или просто завал там.

В общем я придумал не орать, а спички жечь. Как только начнут приближаться глаза, я — раз! — чиркну спичку — и в него! Хорошо, — лето: не такая уж длинная ночь. Вверху забрезжил, наконец, свет. А там и Вовкин голос услышали. Ми сразу его узнала!

Си подтвердила, что всё так и было, как Колк рассказывал, и честно созналась:

— Ох, и натерпелись мы, ребята, страха! Вы подумайте только, — как зажгутся эти жуткие глазищи, — сердце в пятки — бух...

Что за зверь сидел в подземном ходе, так и осталось неизвестно. Анд, Вовк и Колк решили выяснить это на днях. Но у всех было столько срочных дел, что обследование таинственного подземелья пришлось отложить.

5 августа началась охота. Вовк и Колк каждый день теперь приносили то тетерева, то утку, то куличков. Колумбы подробно рассматривали каждую птицу. Всё, до последнего пёрышка, в ней шло в дело: размеры и вес записывались, мясо жарилось, красивые перья шли в *птичьи альбомы*, куда их подклеивала тонкими полосками бумаги Си. У Колумбов было строгое правило: лишил жизни для науки или хоть для еды прекрасное существо, так сохрани о нём память. С более редких птиц снимали шкурки и набивали их ватой или мягкой куделью.

Выяснился тетёркин кукид. На следующее утро, после того как было подложено куриное яйцо к тетёркиным, девочки не застали тетёрку на гнезде: в нём были совсем холодные — покинутые, значит, — жёлто-коричневые яйца и валялись белые скорлупки. Куда исчез курёнок, — неизвестно. Уж не заклевала ли его дикая кура — со

злости, что её птенцы так и не вывелись? Её четыре яйца колумбы выдули, — все они тоже оказались болтунами, как и первое.

И вдруг однажды утром Колк приходит из леса и рассказывает:

— Иду кромкой поля у дремучего леса, — овёс там посеян. Вижу по росе — тетерева тут были, — наброды их в овсе, росу стряхнули. Фырр! — так и есть: тетёрка поднялась! А за ней маленький тетеревёнок, один всего, — да какой-то дурацкий: не жёлтый, а пёстрый весь, пегий!.. Я и ружьё опустил: что такое?

Тетёрка далеко улетела, а этот чудик тут и бряк на ветку! Вполдерева сел да так близко, что я без бинокля разглядел: курёнок это! Нашей пеструшки сынок. Вот зд о рово!

Тут тетёрка его нежно так позвала: «Ф и у! Ф и у! Ко-ко-ко!» Он сорвался и полетел. Да хорошо так летит, будто настоящий тетеревёнок! Скажи пожалуйста: мачеха его и летать научила! Перелетел на другое дерево — и в ветках спрятался, в хоронушки со мной играет. Ну, прямо — дикий кур, настоящая дичь для охотника! Слыхивал я про одичалых кур, а своими глазами первый раз вижу. Ведь этак мы, пожалуй, кукидом-то новую породу диких кур вывести можем: перевоспитанных домашних!

Рассказывал всё это Колк за завтраком, когда все колумбы сидели под большой елью. Подростие уже птенчики, жившие на воле, слетались к ним в часы еды, садились на плечи, прыгали по столу, подбирая крошки.

Барсучонок Бибишка послушно сидел у ног Ля и ждал, не перепадёт ли ему со стола что-нибудь вкусненькое.

Наступило 21 августа — ежегодный день исчезновения у нас последних стрижей. Об отлёте их в известный срок за неделю предупредил Таль-Тин, — и колумбы убедились теперь, что эти быстрокрылые птицы строго придерживаются своей календарной даты, хотя спешить им было некуда: в воздухе летало ещё сколько угодно их дичи — мух и комаров. Ласточки, козодой-полуночник, тоже питающиеся мухами, ещё и не думали об отлёте.

Пора было и колумбам собираться в город: с 1 сентября начнутся занятия в школах. Через неделю Клуб Колумбов вернётся в Ленинград.

Решено было накануне отъезда всей компанией собраться на озеро Прорву, — провести там целый день на каком-нибудь острове.

Месяц шестой

Из шалашек. — Путники издалека. — Флот. — На необитаемом острове.

— Плавающая Америка. — Американский житель. — Прощание.

Странное дело: вместо того, чтобы из Нового Света становиться для колумбов понемногу Старым Светом, Земля Неведомая делалась все более удивительной и загадочной. Кукид открывал перед юнестами совершенно новые возможности. Тайнственное дерево алейна — переселенец из неизвестных стран, взять листья которого, до сих пор так и не собрался тяжёлый на подъём Паф, — осталось не

определённым. Таинственный подземный ход, куда так неожиданно провалились Ми, Колк и Си, так и остался загадкой: кто, когда, зачем его вырыл? А в последние дни охотники Колк и Вовк начали приносить таких крылатых-пернатых, которые никак не могли быть сочтены за туземцев Земли Неведомой.

С самого начала охоты Колк и Вовк устроили себе на берегу озера Прорвы из камыша и веток шалашки; Колк — на одном берегу залива, Вовк — на другом. С рассвета до обеда — *полную упряжку*— как называют эти часы новгородцы, просиживали юнесты с ружьём и биноклем в своих шалашках, а Колк часто ещё и вторую упряжку, — с обеда до захода солнца. Много любопытного наблюдали охотники, скрытые от зорких птичьих глаз.

Первой обычно появлялась на берегу ночевавшая в лесу серая цапля. Махая круглыми, будто из тряпок сделанными, медленными крыльями, она снижалась, выпускала свои прямые длинные ноги и не спеша приземлялась. Расхаживая по самой кромке берега и оставляя на сыром песке большие следы трёхперстных лап, она внимательно обследовала мелкую у берега воду. Миг — и её клюв-кинжал молниеносно разил зазевавшуюся лягушку, длинная шея поднималась к небесам, словно благодаря их за вкусное угощение, — и судорожно дрыгающие ножки лягушонка исчезали в плотке большой сутулой птицы. Спокойным, размеренным шагом цапля отправлялась, дальше по берегу, и не раз случалось, что проходила так близко от притаившегося в шалаше охотника, что он мог бы достать её стволами своего молчаливого ружья.

Прилетали, снижались, опускались на гужку, поблёскивая изумрудным зеркальцем на крыле, садились в камыши чирки и большие, грузные кряковые утки, голубокрылые широконосики, стройные связи. Переходили из одной рощи камышей в другую кургузенькие болотные курочки. Медленно пролетал в вышине коршун, высматривая на берегу дохлую лягушку или рыбу, перевернувшуюся в воде белым брюхом вверх. Ружья юнестов всё молчали. Однако наука требует жертв. Появится на озере быстрокрылая стайка невиданных здесь летом куликов и рассыплется по берегу,

мелькая высокими тонкими ножками, — из шалашки вылетит быстрый огонёк и громыхнёт выстрел. На песке останутся лежать внезапно кончившие свой путь на далёкие зимовки крылатые странники.

Шёл валовой пролёт куликов, летевших из новоземельских, архангельских, кольских тундр в тропическую Африку. Чуть не каждый день теперь юнесты наблюдали невиданных здесь летом долгоносых куличков-воробьёв, чернозобиков, краснозобиков, песочников. А однажды Колк увидел из своей шалашки птицу, которую он совсем не знал. Пёстрая, с чёрным нагрудничком, не очень высокая на ногах и не длинноносая, она заглядывала под каждый сучок, под каждый камешек, валявшийся у воды, и семенила дальше. Стайки таких птиц нигде поблизости не было видно, это была одиночка.

Колку удалось добыть её, и, когда он принёс птицу домой, Таль-Тин ахнул:

— Да ведь это камнешарка! Это птица морских побережий. Как она очутилась здесь, в глубине континента? Интереснейшая находка, прямо маленькое открытие!

И загадка: как она сюда попала?

Накануне прощального похода всем Клубом на озеро большое беспокойство доставила колумбам До: утром никому не сказала, куда уходит, и не явились ни к обеду, ни к ужину. Хотели уже идти покричать её в дремучем лесу: не попала ли она в подземный ход? Но тут она явилась. Сказала только, что была с подружками в деревне Минеево, а что там видела, — отказалась отвечать.

Назавтра с утра начавший падать барометр не помешал колумбам чуть свет отправиться на озеро.

Собрались. Быстро прошли лес и в деревне Бережок достали у рыбаков лодку и две ройки. Поплыли на вёслах.

Флагманским судном была лодка, а Колк и Вовк сопровождали её на *ройках*— первобытных посудинах, ещё от каменного века сохранившихся кой-где на новгородских озёрах. Ройки — это два выдолбленных осиновых ствола — длинные корыта, — скрепленные дощечками. Судно очень неповоротливое, очень небыстрое на плаву, — спешить людям в каменном веке было некуда. Зато замечательно устойчивое: хочешь — рыбу лови с него, хочешь — в воду прыгай: не перевернётся.

А впереди ехал — вёл всю флотилию — тоже на ройках новый знакомый ребят — Ванятка: смешной толстощёкий колхозничек, весной перешедший в шестой класс. Он хорошо знал озеро и где какая

в нём ловится рыба. Он с гордостью поехал показывать горожанам *своё озеро*, и ему очень нравилось, что колумбы называли его местным *старожилом*.

Скоро корабли пристали у необитаемого острова. Колумбы высадились и тщательно обследовали его. На это ушло не много времени: остров оказался четыреста шагов в длину и двести пятьдесят в ширину в самом широком месте. Но на нём, как Ванятка и говорил, — оказался целый выводок тетеревов. На удивленье дендрологам, росли тут величественные сосны, по уверению До как две капли воды похожие на растущие в Америке гигантские *секвойи*.

Здесь — на необитаемом острове — колумбы сразу почувствовали себя туземцами — и превратились в индейцев. Мальчики украсили головы тетеревиными перьями — и стали вождями. Девочки превратились в краснокожих сквау, что было им совсем не трудно, так они загорели за лето. Все вместе очень быстро построили островерхий шалаш — вигвам, чтобы было куда прятаться от дождя: небо начинало хмуриться.

Ванятка, как опытный рыбак, руководил рыбной ловлей: учил вождей насаживать наживку на крючок, указывал, на какое расстояние от крючка оттягивать по леске поплавков.

Вовк не хотел удить. Напевая про себя, но так, чтобы слышали прилежные рыбаки, песенку собственного сочинения:

Январь, февраль, март, апрель, —
Дурачков удит артель! —

он отправился бегом выяснять, какие на острове водятся звери.

Не успел он пройти и ста шагов, как увидел на земле свежие следы неизвестного зверя, вышедшего из воды. Это не могла быть водяная крыса, каких было много на озере: следы были слишком велики. А для норки — водяного хорька — они были, пожалуй, маловаты.

Следы вели на травянистый мысок острова. Вовк, крадучись, чтобы не спугнуть зверя, пошёл рядом с непонятными следами. На мыску земля у него под ногами начала слегка колебаться.

«Трясина, — подумал Вовк. — Не провалиться бы!»

Но едва сделал он несколько шагов, как в траве что-то прошуршало — и сразу же раздался плеск воды: какой-то бурый зверь метнулся из травы в воду. Вовк не успел его разглядеть, не понял даже, какого он роста. Шагнув ещё, юнест увидал в траве у самой воды метровую площадку, так называемый *кормовой столик*— с накрошенными и наполовину недоеденными стеблями водяных трав. Сразу ясно стало, что тут хозяйничал какой-то грызун и, судя по остаткам его обеда, немалого роста, — верно с сурка.

«Нет у нас таких больших водяных грызунов, — подумал Вовк. — Кто же это может быть? Не бобёр же!»

Он так задумался, что опомнился, только когда вдруг с необычайной силой дунуло из-под налетевшей тучи. Вовк почувствовал вдруг, что земля под ним заколыхалась, как плот. Поднял голову и тут только увидал, что высокие деревья на острове гнутся, как тонкие тростинки, вихрь несёт, крутя, в лицо ему песок и обломанные сучья, а конец мыска, на котором он стоит, отделился от острова, и полоса воды между ним и землёй с каждым мигом ширится и ширится.

«Смерч!» — сообразил Вовк и хотел броситься к берегу, но споткнулся об низенький кустик и упал на колени.

Вовк был парень не из трусливых, но тут ахнул. Плавать он не умел. Озеро было — по словам Ванятки — «у самого берега с покрывкой, а дальше и дна нет; одно слово — прорва!» Кусок земли с травой, на котором он ехал, странным образом не погружался в воду, только колыхался под его тяжестью, как сказочный ковёр-самолёт.

«Батюшки! — вспомнил вдруг Вовк. — Да ведь это сплав *и* на!»

Давно уже Вовк слышал от старожилков-колхозников, что у них на озере есть такие хитросплетения из растений в виде небольших островков. Растения эти не связаны корнями с землёй, и островки свободно плавают на поверхности озера, пока ветер надолго не прибьёт их к земле, и они не успеют сплестись с ней корнями, закрепиться и стать трясинной. Очень это тогда заинтересовало всех колумбов. Рассказывали даже, что однажды парочка камышевок свила себе гнездо на мыске, а мысок вдруг оторвало и понесло по озеру.

Могучий порыв ветра — «вихорь», как тут говорят, — оторвавший сплавину от острова, затих. Взбудораженное им озеро волновалось. Сплавина всё сильнее качалась. Медленно-медленно её несло вдоль острова, всё отдаляя от берега. Вовк боялся пошевелиться, встать на

ноги: непрочный пол под ним мог прорваться под его тяжестью, и тогда... От страха Вовку лезли в голову всякие несуразные мысли. «Вот, — думал он, — попал Колумб на плавучую Америку! Эх, умел бы я летать, как камышевка, или плавать, как рыба... Этой же осенью начну учиться плавать в бассейне», — решил Вовк, и от этой мысли ему как будто стало легче.

Но приключения его ещё не кончились: он неожиданно увидел на воде усами расходящуюся от чьей-то плывущей головы волну. Волнишка быстро приблизилась к сплавине, — и на кормовой столик вылез мокрый... самый настоящий американский зверь! Вовк сразу узнал его: это была большая, гораздо больше нашей, американская водяная крыса — *ондатра*.

«Вот это так открытие! — подумал Вовк. — Встретить американского зверя в глубине России, на озере, где её никогда никто не разводил! Знают ли об этом местные старожилы?»

Радуясь своему открытию, Вовк совсем забыл, где находится. Он быстро поднялся с колен, шагнул — и тут же провалился одной ногой и поду выше колена.

— Эй, на сплавине! — раздались вдруг весёлые голоса с острица. — Вовк, куда поехал? Возьми и нас! Привет Вовку — мореплавателю! Где достал плавучую землю? Каких зверей везёшь?

Оказывается, зелёный плотик Вовка, медленно двигаясь вдоль острова, обогнул мысок и плыл теперь мимо рассеявшихся на берегу

удильщиков — Ванятки, Анда, Ре и Пафа. И рядом с ними стояла Ми.

Вовк мгновенно оправился от испуга. Незаметно вытащил он ногу из воды и, подбоченясь, чтобы скрыть от робинзонов, какого страха только что натерпелся, насмешливо ответил:

— Ага, завидно?! Я не простую открыл Америку, — плавучую! Да ещё с американским жителем. Видали?

При первых же криках ребят ондатра плюхнула со сплавины в воду и исчезла. Но все удильщики успели её заметить.

Лодка стояла тут же. Анд и Ре вскочили в неё, подъехали к сплаvine и приняли к себе на борт Вовка. И вовремя: ноги Вовка все глубже погружались в травяной ковёр и вот-вот могли совсем порвать его.

Невольного мореплавателя благополучно доставили на берег, а его плавучую Америку опять приткнули к берегу: туча уже прошла, и с нею и бешеные порывы вихря. Озеро быстро успокоилось. Колумбы тщательно исследовали сплаvinу. Хороший пловец Анд даже разделся и, поднырнув, осмотрел её из-под низу. Там густо переплелись корешки трав.

Скоро опять заиграло солнце, настроение у всех поправилось, — и день на острове прошёл необычайно весело. Главному его герою — колумбу плавучей Америки — было тут же присвоено почётное звание Старого Морского Волка.

Девочки просили Лава, чтобы он сочинил стихи про отважного Морского Волка. Но поэт отказался, сказав:

— Я приключенческих стихов не пишу, и о сплаvine у меня уже есть ритмованные строчки:

К берегу ветром сплаvinу прибило.
Парочка шустрых кам **ы** шевок здесь
Домик затеяла свить на кусте.
Птенчиков вывела.
Вдруг
Вихрь сплаvinу рванул и повлѣк
В озеро! Трудно пришлось
Бедным камышевам: н **а** берег дальний,
Жизнью рискуя, у всех на виду
Мчатся за кормом для птенчиков

Через широкий плёс..

Перед отъездом девочкам непременно понадобилось побывать во всех дальних уголках Земли Неведомой, в последний раз полюбоваться озером, посмотреть в тихое зеркало его вод, поклониться тёмному лесу дремучему, полям опустевшим, сбегать проститься с быстрой реченькой родной.

А какая славная получилась прощальная танцулька на *горячем поле*, как тут называют вытопанную под деревом площадку, где деревенская молодежь танцует старинные танцы под гармошку колхозного деда. Он играл вальс «На сопках Маньчжурии», танец «паде катер» и танец «поди спать», как он называл падекатр и падеспань, и старинную польку — серберьяночку:

«Серберьянка, серберьянка,
Серберьянка модная!
Серберьянка, ешь картошку.
Не ходи голодная!» —

так сами ноги и идут в пляс. Танцевать заставили всех — даже стариков, даже упрямого Бредьку-внука. Тот долго отговаривался, говорил, что ноги у него не парные: одна правая, другая левая.

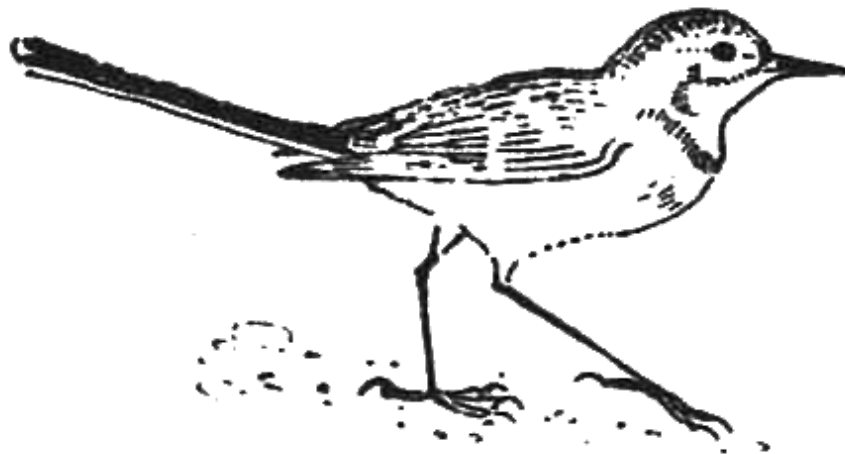
А когда пошли провожать отъезжающих по домам, пели под гармошку новгородские смешные частушки, и Бредька сложил на прощанье:

Полюбили мы колумбов.
Всех десятерых зараз.
Летом к нам опять бывайте,
Пирогамы встретим вас!

А Лав не остался у него в долгу и сейчас же спел в ответ:

Будем, будем, не забудем
К вам дорогу за зиму.

А забудем — раздобудем
На Лысово азимут.

Месяц седьмой

Письмо старожила. Таинственное исчезновение озера. — Срочная командировка.

— Тайна Преисподней Америки. — Закон физики. — Очей очарованье.

Не успели колумбы хорошенько втянуться в школьную жизнь, как пришло письмо из «Земли Неведомой». Получил его Колк и сейчас же прочитал всем членам Клуба:

Дорогой Колк!!!

Как ты просил сообщить, какие будут в наших краях происшествия, то вот тебе новость: потерялось известное вам озеро Прорва! Вечером было, а утром встали, — нет его, ушло! На котором острове мы всей артелью на лодке да на ройках были, то нонечь я на колхозной телеге за хворостом ездил: вовсе сухо. А рыбы-то, рыбёшки на Прорве было, когда воды не стало! Ребята прямо руками собирали по лывам. Сила была щурят, окушков, подъязиков, — я сам три ведра набрал. А большая рыба, умная, та спозарань ушла, поди знай — куда!

Четвёрты сутки, как Прорва ушла, а обратно, не показывается.

Старики говорят, — может, и вовсе не придёт, на зиму-то глядя. Ещё слышать, Ямное озеро и речка Ямная тем же манером потерялись и другие невеликие озёрцы накрест. А командует всем, слышать, большенькое озеро Карабожья, что за деревней Минеево, и шибко, говорят, глыбкое.

А других новостей покамест у нас нет.

Привет всем и девочкам.

Остаюсь известный вам местный старожил Ванятка.

Жду ответа, как соловей лета.

— Вот уже правда — неведомая земля! — развела руками Ре. — Как это так: давно ли по озеру на лодке ездили, давно ли Старый Морской Волк чуть не утонул в нём, — и вдруг в одну ночь исчезло озеро, потерялось — как не было! И по его дну можно ездить в телеге. Куда исчезло? Неизвестно...

Сага Тетёркин — один из только что принятых в Клуб — уверенно сказал:

— Я так мыслю: тут тайна! Скорей всего — солнце выпило озеро. То есть испарение. Озеро испарилось, сделалось облаком и потерялось в небе.

Анд объяснил ему, что так быстро озеро не может испариться. К тому же Прорва исчезла ночью, никакого солнца не было при этом.

Паф глыбокомысленно заявил:

— Я полагаю, тут сложный комплекс явлений. Будущим летом придётся... эээ... нам его распутывать всем... этого... без разбивки на специальности.

— Какое там «будущее лето»! — горячился Колк. — Немедленно надо исследовать озеро, пока воды в нём нет. Таль-Тин, добудьте нам с Андом и Вовком разрешение директора школы не приходить на занятия три дня. Потом, конечно, догоним. И пошлите нас в научную командировку — обследовать ушедшее озеро. Через четыре дня — четвёртый воскресенье — тайна будет раскрыта!

Таль-Тин согласился попросить директора, — и на следующий же вечер колумбы выехали в срочную командировку. С ними отпросился и Лав: ему очень хотелось посмотреть, похожи ли новгородские леса осенью на его родной уральский урман. Родом Лав с реки Чусовой.

20 сентября — в канун Дня Осеннего Равноденствия — Клуб Колумбов собрался в полном составе. В повестке дня стоял единственный вопрос: «Причины исчезновения озера Прорвы с лица „Земли Неведомой“».

Начал доклад Анд, как самый солидный из членов экспедиции.

— Картина в общем такая: вместо озера Прорва предстала нашим глазам неглубокая тарелкообразная котловина со вздымающимися с её дна высокими колоннами поросших лесом островов. Вода в озере действительно исчезла, или, как тут говорят, *потерялась*. Только в восточной части сухой котловины, в глубокой впадине, была большая лужа, — по-новгородски — *лыва*. В ней-то и оказалась *прорва*, или *понор*, то есть провал, куда ушла вода озера. Сразу нам стало ясно, что тут мы имеем дело с так называемыми *карстовыми явлениями*.

— Чего, чего? — быстро переспросил Сага. — Какие явления?

— Как прикажете докладывать, — улыбаясь спросил Анд, — по-научному или по-простецки?

— Ясно, по-научному, — важно заявил толстяк Паф. — Не маленькие.

— Хорошо, — согласился Анд и стал читать по бумажке. — Вот из Большой Энциклопедии: «Карстовые явления — это явления в растворимых водой горных породах и связанные с химическим процессом растворения последних. Выражаются в комплексе специфических поверхностных и глубинных форм и своеобразии свойств речной и озерной сети и циркуляции подземных вод». Понятно?

— Я маленькая, — сказала Ми. — Мне непонятно. Объясните мне, пожалуйста, без «последних» и «специфических комплексов».

И Ми ласково подмигнула Саге, слушавшему с расстроенным видом, мучительно наморщив лоб и нос: он старался и ничего не мог понять.

— Дай я, — сейчас же вызвался Вовк. — Попросту говоря, Си была права: подземный ход, в котором ночевали ребята, прорыл водяной, чтобы ходить в гости к другому водяному. Прорыло эту нору озеро Прорва в известковых отложениях под почвой, и, когда уровень воды в глубоком озере Карабожья понизился, связанное с ним теперь озеро Прорва ушло в него через эту нору. Здесь — закон о сообщающихся сосудах, — помните по физике? Вот я нарочно начертил. Из всех мелких, как тарелки, озёрец — Прорвы, Ямного, — связанных с большим озером Карабожья, глубоким, как миска, ушла вода. Вот тут это всё видно. Теперь тебе понятно, Сага?

— Как утро! — сказал Сага, вместе с Ми рассматривая чертёж Вовка. А художница Си тут же нарисовала карандашом тарелки и миску, связанные друг с другом резиновой трубкой-кишкой, и тоже всем показала.

— Кой-где, — продолжал Вовк, — вода неожиданно промывает сверху провалы и карстовые подземные ходы, образует воронки, колодцы, поноры. В такой понор и ахнули Колк, Ми и Си. В своём роде ловушка, «волчья яма» для лягушек, змей, жаб, зайцев и другого зверья. Они скользят вниз, а выбраться из подземелья по склизким отвесным глинистым стенкам понора не могут — и гибнут там.

— Значит, это всё-таки был волк! — воскликнула Си. — Эти ужасные, светящиеся фосфорическим зелёно-красным огнём, такие зловещие глаза! Почему же он не набросился на нас?

— Наверно потому, что он был лисицей, — спокойно сказал Анд. — Коллега Вовк больше полагался на рассказы нашего старожилы Ванятки, и многое в его объяснении того... не совсем соответствует

действительности. Так, «командует», как писал Ванятка, уходом и приходом «тарелок» вроде нашей Прорвы совсем не «миска» Карабожья; совсем не ему, как говорят новгородцы, «подсудна» Прорва и другие карстовые озёра. Пропускная способность карстовых ходов далеко не такая, как у сообщающихся сосудов прибора в физическом кабинете. Основная причина больших колебаний уровней карстовых озёр в колебаниях уровня подземных вод в прилежащих известняковых массивах.

— Вот те раз! — не выдержал Сага.

— Да, — продолжал Анд. — И ещё должен вам сказать, что карстовые поноры и воронки в наших краях никогда не бывают так велики, чтобы в них могли провалиться один за другим четверо колумбов. Лягушке в них залезть, но не лисе.

— Ещё чего! — рассердился Вовк. — Скажи уж, что мы никуда не проваливались и вы ниоткуда нас не вытаскивали.

— Тащили, — сказал Анд. — Но, по наведённым мной справкам, совсем не водяные прорыли этот подземный ход, а молодые люди, вроде нас с вами. Найдя среди дремучего леса понор — такой узкий, что в него можно было только руку просунуть до плеча, а голова не входила, — парни из деревни Дьяковищи решили, что это одно из мест, где новгородцы — их предки — зарыли клад во времена татарского нашествия. И вырыли здоровую яму и ходы из неё в одну и другую сторону, — по направлению карстового каналца. Но скоро убедились, что поиски их тщетны, и бросили рыть. Это было много лет назад, — и края ямы обвалились, стали отвесными. Вот и образовалась настоящая ловушка, вроде ловчей ямы, куда попались не только неосмотрительные наши юнесты, но даже такой хитрый зверь, как лисица.

— Итак, — задумчиво подвела итоги Ми, — наше страшное летнее приключение-загадку можно считать объясненным целиком и полностью. В ту ночь мы погрузились в геологическое прошлое Земли Неведомой. А я — единственная в этом приключении пострадавшая — очень рада, что моя нога первой ступила на землю этой Преисподней Америки.

— Ванятка, — сообщил Лав, — сводил нас к девяностолетней бабке Фишке, уроженке озера Ямного. Лет было восемьдесят назад, — помнит она, — однажды ушло Ямное озеро среди зимы. Вот была

картина! Фишка была тогда девочкой. Она пошла с вёдрами за водой, — а воды нет! Спустилась в прорубь — там волшебный дворец — серебряная крыша холодным огнём горит, переливается. Быстрые рыбки там по дну бегают: есть всё-таки немножко воды в лужах. Подводное царство — как в сказке! Вот красота!

— А как ты нашёл новгородский лес? — спросила Си. — Похож на осенние твои уральские леса?

— Точь-в-точь такой же! То же пушкинское «очей очарованье»! Глядя на здешний лес осенью, я вспомнил многоцветный наш урман.

— Сочинил про него что-нибудь?

— Вот что сочинил. — И Лав прочёл:

ОЧЕЙ ОЧАРОВАНИЕ

Как в небе на заре, — в урмане
Пылает призрачный пожар.
И взор мой восхищённый манит
Багрец и прозелень, и ржа.

С ума сойти, — какие краски!
Ни нежных ландышей, ни роз,
Ни синей васильковой ласки,
Но — кровь осин, руда берёз

Фонтаном хлещут, машут стягом.
Пойми их яркую игру!
Крутые слёзы — гроздь ягод
Рябины — рдеют на ветру.

И птичьего не слышно пенья,
И громы грозные молчат;
Сухим огнём самосожженья
Урман в безмолвии объят.

Осенний пир — залог бессмертья.
Ведь смерть здесь — только краткий сон,
И верьте, люди, люди, верьте
Обетам пышных похорон!

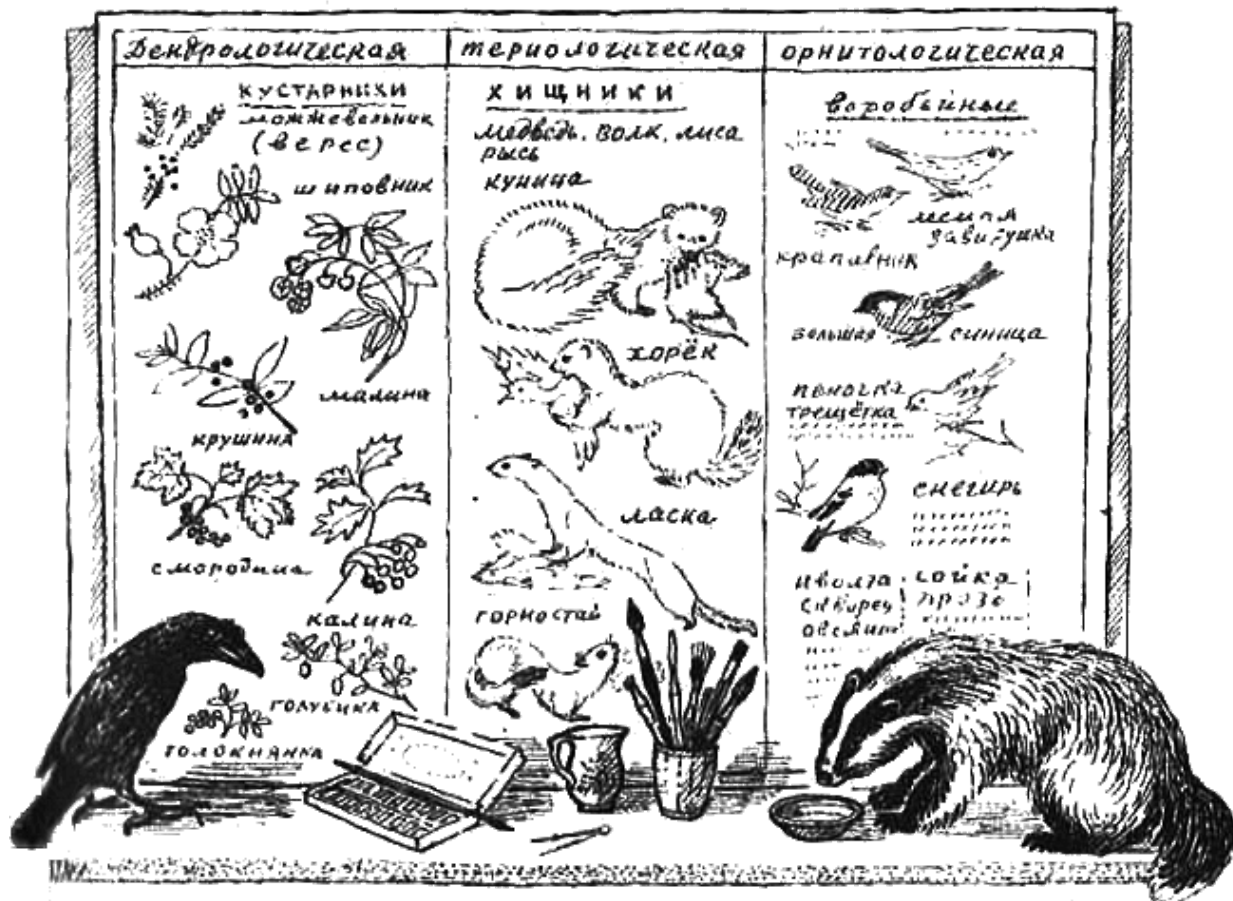
Не зря таинственные ели.
Творя лесную глубину,
Ещё суровой потемнели:
Они в хвое таят весну.

Да, «всё на земле умрёт — и мать, и младость»,
Но крепко веруй: смерти нет.
Твою младенческую радость
Тебе вернёт весенний свет.

Месяц восьмой

Отчёт летних экспедиций: орнитологической, териологической, дендрологической. — Воспитанники.

Пришло время посмотреть, что сделано колумбами за лето. Первыми на собрании Клуба отчитывались орнитологи.

— Всем пятерым, — докладывал Анд, — то есть Таль-Тину, Ре, Ми, Колку и мне, удалось установить пребывание в Земле Неведомой ста пятидесяти одного вида птиц, или, как мы их называем, крылато-пернатых племён.

— Ух ты! — вырвалось у Старого Морского Волка. — Мы и малой части того не наберём наших млекопитов!

— И это совсем не так много, — продолжал Анд. — В сводке русского учёного, заведующего Орнитологическим отделением Зоологического музея Академии наук — Валентина Львовича Бианки — «Наши сведения о птицах Новгородской губернии» — теперь области — насчитывается двести шестнадцать видов. Надо исключить из них семь совершенно случайно залётных к нам птиц — вроде чёрной казарки или белощёкой крачки. Исключить девять только на зиму прилетающих к нам птиц — вроде полярной совы или снежных и лапландских подорожников, которых летом мы никак не могли увидеть. Да несколько десятков пролётных через нашу область видов, которых на нашей маленькой Земле Неведомой мы могли разве случайно увидеть. Тогда выйдет, пожалуй, что мы основательно познакомились с крылато-пернатым населением нашей Америки. Ручаюсь, что ни один местный старожил понятия не имеет, сколько разных птиц водится в его крае, из чего состоит его дикое птичье хозяйство. А мы обследовали его и записали все племена в инвентарный список.

Круглый год живущих пернатокрылых племён туземцев, то есть, попросту, оседлых видов птиц, пятьдесят один. Таких, которые весной прилетают к нам, в Землю Неведомую, строят себе в ней гнёзда и выводят птенцов, а осенью улетаются, — то есть перелётных, — по нашему подсчёту восемьдесят девять.

Прилётных в конце лета с севера мы насчитали десять. Случайно залётных — всего одну камнешарку; и это настоящее открытие, потому что в «Наших птицах» В. Л. Бианки этот вид птиц вообще не значился и открыт здесь только Колком. Гнездо чечётки, прежде считавшейся в Новгородской области только зимовавшей птицей, нашла Ре, а честь открытия гнездования в Земле Неведомой флейтоголосого щура принадлежит Ми. Щур тоже считался прежде

только на зиму прилетающей в наши края птиц. Случайно они остались тут летовать или они начали понемногу осваивать для своих гнездований наши края, — покажет будущее. Значилась ведь в «Наших сведениях» чечевичка редкой птиц, а сейчас уже гнездится в каждом подходящем месте.

Опытов перекладки яиц от одних птиц другим — «кукидов» — произведено было за лето двадцать семь. О неожиданных результатах их вы уже знаете.

Окольцовано нами птиц всего пятьдесят семь, из них птенцов пятьдесят четыре, а три — случайно пойманные взрослые.

Выкормлено на месте тридцать два птенчика. Взято с собой на воспитание: кукуш — одна, воронов — один и одна синичка-московочка. Результаты воспитания их будут продемонстрированы в конце собрания.

О всех работах велся подробный «судовой журнал» экспедиции и подробные записи особо интересных наблюдений.

После обсуждения доклада Анда выступил Старый Морской Волк.

— Наша териологическая экспедиция, — сказал он, — таким огромным списком зарегистрированных видов похвастать не может. Всего мы наблюдали за лето тридцать один вид млекопитающих. Даже не наблюдали, а записали, потому что некоторых мы зарегистрировали по олухам, — как наш уважаемый Паф. Так, ни с крошечной лаской, ни с прекрасным небольшим оленем — так называемой косулей или дикий козой, — ни с грозным косолапым медведем ним в Земле Неведомой встретиться не удалось, и сожалению.

— Скажи лучше — «к счастью», — вставил Сага. — Встретили бы медведя, да ещё без ружья, так ой-ой!

Все засмеялись, и Вовк продолжал:

— В общем наших млекопитов так мало, что можно по пальцам пересчитать их. Хищные: медведь, волк. Волка до войны совсем уж не было, после войны развёлся. Лисица, барсук, куница и хорёк — редки, горностаи и, говорят, ласка есть. Рысь тут зверь проходной, последние годы и не слышать было. Вот и всё. Насекомоядные: крота много, ёж редок, землеройки — две сухопутных да водяная. Копытных два: лось да косуля. Рукокрылых... Ну, это звери ночные, мало про них знаем мы. Всего трёх и поймали: большого кожана, вечерницу да ночницу одну. Грызунов, конечно, больше всех: два зайца — русак да беляк, две

белочки — простая рыженькая и полетуха — летучая на парашютике, серенькая такая белочка. Мы бельчат её нашли в дупле осины; через полчаса прибежали за ними, а их уж нет: мамаша куда-то за шиворот перетаскала! Ни хомяка, ни сусликов в Земле Неведомой, — к счастью, и следа нет: ужасные вредители.

Ну, обыкновенная крыса, серая, есть в достаточном, так сказать, количестве, равно как и мышь домовая. Водяная крыса, полевая мышь с чёрным ремнём на спине, лесная мышь и полёвок три разных вида. Вот и весь наш список.

— А медведь какой? — деловито спросил Сага. — Белых нет?
Вовк засмеялся.

— Серых нет: они только, в Скалистых горах в Северной Америке
водятся, читал у Майн-Рида, — гризли называются? И чёрного

гималайского, что в дуплах живёт, нет. Да и белого медведя нет: он только в Северном Ледовитом океане живёт. Можешь спать спокойно.

— Я сам новгородский. У нас говорили, случаются и белые в лесах... — смутился Сага.

— Просто, верно, очень светлая шкура. Бывает. Из особо интересных наблюдений можно отметить, как семейство хорей жило под крыльцом у одной колхозницы. Во дворе куры ходят, петух расхаживает, а они не трогают. Всё равно как волки из ближней деревни никогда ягнят не берут, подальше стараются. Так хозяйка и не знала, что у неё целый выводок таких бандитов живёт, не подозревала даже.

А ещё зд о рово интересный у Ля Бибишка — барсучонок. Такой воспитанный — лучше нас! Ну, да Ля потом сама вам покажет.

Кончил свою речь Вовк сообщением об открытии им «американского жителя» на плавучей Америке — ондатры на сплавине.

Отчёт дендрологической экспедиции начал делать Паф. Но он так тянул «э... э... э», да «того...», да «этого», что ребята замахали на него руками:

— Закройся! Добро бы зайкой был, а то так — одна распушенность! До, просим До!

Пылкая До, наоборот, как начала горох сыпать, — то и дело приходилось останавливать её и переспрашивать.

— Великанских племён туземных — больших деревьев — у нас в Земле Неведомой, — тарактела До, как на пишущей машинке, — тоже немного, совсем немного — раз, два и обчёлся, меньше, чем у териологов млекопитов. Особенно которые толпами живут: сосны, ели, берёзы — пушистая да бородавчатая; клейкая да серая ольха, осина — и всё. Некоторые в этой толпе поодиночке живут: рябина, черёмуха, дуб, яблонька лесная, вязы там — гладкий и шершавый, тополёк, бывает, к ним в компанию затешется, клён, ясень, а у реки, у болот, — вётлы большие. А самое интересное — это ивы, то есть, они, ивы, и ещё по-всякому называются: ракита, верба, тальник. Ужас сколько их: ива русская, и лопарская, и белая, и чернеющая, и синевато-серая, и пепельная, и ушастая, — вот челово, что ушастая! — сама себя прерывала До, заметив, что ребята улыбаются. «Честное слово» ей было не выговорить: слишком долго, — и она произносила в одно слово — «челово!» — Челово ушастая, и ещё трёх- и пятитычинковая есть, и розмарино-листная и шерстито-подбег... — тьфу! Не выговоришь! — шер-сти-сто-побе-гая! И то ещё не все: двадцать ив всяких разных у нас растёт! А ещё кустарников сколько! Кустарниками считаются: можжевельник, или — по-деревенски — верес, шиповник, малина, крушина, калина, лещина, волчья ягода, вороника, жимолости две, бересклет бородавчатый, смородины красная и чёрная, багульник, вереск, толокнянка, голубика...

— Стой, стой, стой! — взмолился Колк. — Эк ты кудахватила! Толокнянка, голубика, надеюсь, всё-таки ягоды, а не кусты?

— И ничего преподобного! — торжествовала До. — Хоть они и ягоды, а всё равно кустарниками считаются. А ещё есть и

полукустарники: грушанки, кизил, чебрец, паслён сладко-горький... И ещё кустарнички! Брусника, черника, клюква, подбел...

— Ой, ой, ой! — закричал Колк, хватаясь обеими руками за уши. — И вся эта благодать растёт у нас, в Земле Неведомой?

— Можешь спросить у Пафа, если мне не веришь, — обиделась До. — Я же всё это ему для гербария собрала.

Осмотр гербария — подклеенных на больших листах узенькими белыми полосками бумаги стебельков и листьев — занял много времени. На каждом листе было аккуратно написано название растения — русское и латинское. Колумбы хвалили Пафа: «Настоящий кабинетный учёный!»

— Я ещё не кончила, — сказала До. — А кусты и деревья-переселенцы, а знаменитое австралийское с ног до головы полное мёдом гигантское дерево *алейна*?

Все с интересом опять уселись.

— Много у нас в Земле Неведомой переселенцев, вроде Вовкиной ондатры, — важно начала До, стараясь сдержать свою тарахтелку. — Простая картошка, например, тоже ведь из Америки, а самый теперь наш овощ. В садах у нас — сирень, жёлтая акация, боярышник, барбарис, крыжовник, бузина, туя, серебристый тополь; это ведь тоже привезено — что с юга, что с востока. И вот привилось прекрасно и зимы наши терпит — ничего! А самое наше замечательное дерево-гигант из Австралии — плянесь, — шапка с головы валится! — аллеина. Паф его открыл близ Земли Неведомой. Сказать, как оно ещё называется?

— Ну?! — зашумели все. — Давай, давай! — Один Паф отвернулся.

— Ты что же молчишь? — невинным голосом спросила До. — Тебе разве не интересно? А я нарочно сходила с подружками за тринадцать километров, чтобы разгадать, почему это пчёлы вокруг аллеин кружат. С ума сходят от радости, что им нектара столько с края света привезли да здесь вырастили, — а, Паф?

— Разузнала, так и... этого... выпаливай, — насупился Паф.

— Я-то разузнала. А ты у себя из пальца взял и высосал. Никакую аллеину никакие помещики ни из какой Австралии не вывозили. Тут она, правда, редковато встречается, а в Средней России — сколько хочешь, прямо на каждом шагу. И называется что дерево — ли-па! Слышал про такое, кабинетный учёный? Вот тебе её засушенную веточку. Получай для гербария: медоносное дерево-туземец — ли-па. Нот тебе и всё.

— А... — теперь уж по-настоящему заикаясь от неожиданности, начал Паф. — А... по-почему... этого... почему ж её тут аллеиной называют?

— А называется она здесь так, — объяснила До, — потому, что в лесу здесь крестьяне липы не примечали: тут только мелколистая, и то редка; а помещики у себя в усадьбах аллеи лип сажали. Вот от незнакомого слова «аллея» и взялось название незнакомого крестьянам дерева: *аллеина*.

— Замечательно! — сказал Таль-Тин. — Это если и не дендрологическое открытие, то, во всяком случае, филологическое. Красивое северяне-новгородцы сделали местное название для простого дерева липы!

Потом Ре, Ми и Ля показывали своих воспитанников.

Молоденький ворон, наученный Ре, кланялся всем по очереди и представлялся: «Карл Кралч Клок!»

Он давал себя гладить по голове и при этом блаженно приспуская веки. «Строит глазки», — говорила Ре.

Черномазая москвичка, воспитанница Ми, порхала по всей редакции, садилась на окна, заглядывала во все щёлки на книжных шкафах, прицеплялась коготками за чуть отошедшие под потолком обои и оттуда осматривала всех быстрым глазком. Но стоило Ми тихонько свистнуть по-синичьему: «Ци-ви!» — и протянуть руку ладонью вверх, как москвичка сейчас же слетала к ней на пальцы.

Очень всем понравились воспитанники терпеливой Ля: её маленькая желтовато-кофейного цвета лесная ворона кукша, по имени Кук, и барсучонок Бибишка. Ля принесла их вместе, в одном ящике, с двух сторон затянутом проволочной сеткой. Поставила на пол и выпустила Кука. Барсучонок лежал, свернувшись пушистым клубочком, и поднял голову, только когда Ля позвала его нежно: «Бибишка, Бибишечка!»

— Последнее время он сонный какой-то, — говорила Ля. — Ему, верно, время в зимнюю спячку погружаться.

— Ну, Бибишка, ну, милый, — обратилась она опять к нему. — Принеси-ка мне твою мисочку.

Ленивый толстячок нехотя поднялся, взял в зубы стоявшую в ящике мисочку и вышел с ней из клетки.

— Ну, послужи, послужи! — добрым голосом сказала Ля.

Бибишка, уже бросивший свою мисочку на пол, опять взял её и сел на задние лапы, как собачка по команде «служи!»

Пока он держал мисочку, Ля накрошила в неё принесённой с собой булки и кусочки печёной брюквы, взяла мисочку у барсучонка, поставила на пол и свистом подозвала Кука, прыгавшего по шкафу.

Кукша сейчас же слетела на край мисочки, нисколько не опасаясь зверя, уже принявшегося за еду. Склонила голову набок и — тюк носом кусочек булки.

— Кук! — строго сказала Ля. — А что надо сказать?

— Пожалуйста! — вдруг ясно, чуть только пришепётывая, произнесла кукша человеческим голосом. Все так и ахнули.

— Кук ведь тоже из вороньего рода, — объяснила Ля. — Ворон, грач, сорока, сойка, кукша — все они очень способные. И скворец тоже. У нас в Ленинграде на улице Плеханова у одной моей знакомой живут два скворца. Одному девять лет. Он небольшого роста, тёмненький. Зовут Сашей. За свою жизнь он выучил целых сорок два слова. Прямо талант!

Хозяйка говорит, — такие способные редко бывают. Миша — тот молодой, ему всего три года, и он не такой внимательный. А Саша, бывало, так и вопьётся в хозяйку глазами, — так, кажется, и ущипнёт её клювом за губы! Очень прилежный был ученик, не рассеивался, ничего себе под нос такого скворчиного не насвистывал, как это Миша себе позволял. А некоторые слова и сам выучивал. Когда ребята приходили, хозяйка им часто говорила: «Тише! Тише!»

И вдруг скворец из клетки тоже им: «Тише! Тише!» А вот моей кукше очень долго пришлось твердить «Пожалуйста! Пожалуйста!» — пока она выучила.

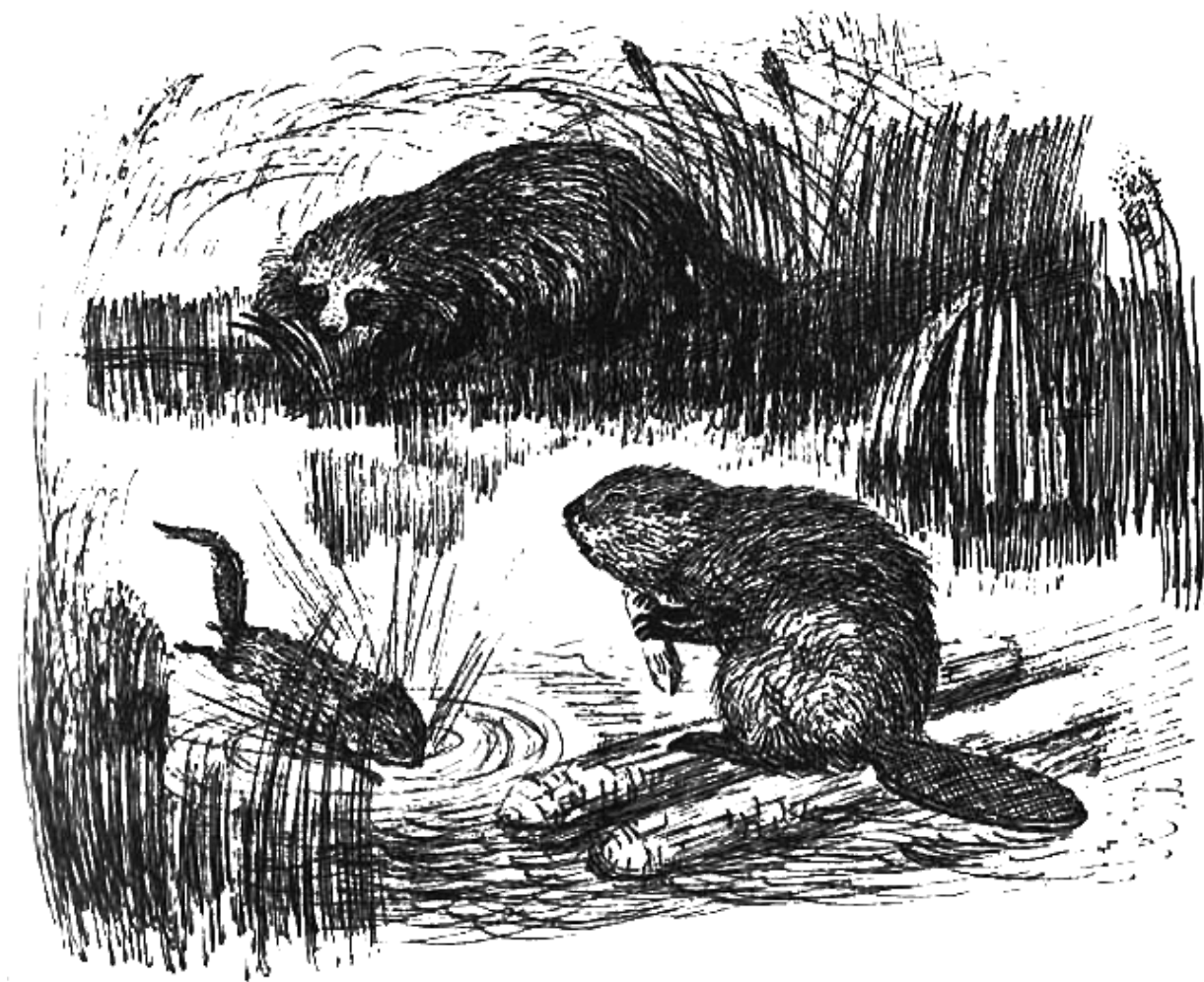
Ребята много раз заставляли чёрного ворона повторять своё имя, отчество и фамилию, а весёлую кукшу: «Пожалуйста, пожалуйста!» — и просили, чтобы Ре и Ля научили их ещё каким-нибудь словам.

Месяц девятый

Доклад: «Новые звери». — С Дальнего Востока. — Из истории Руси.

*— Переселенцы из Северной и Южной Америк. — Для красоты. —
Мечты и планы.*

В октябре, на очередном собрании Клуба, Ля и Старый Морской Волк сделали доклад на тему: «Наши новые звери».

— В наше время, — начал Вовк, — частенько в конфузное положение попадают старики-старожилы. Недавно произошёл такой случай. Сидел на завалинке, грелся на солнышке дед, местный

старожил. У нас в Ленинградской области он поселился ещё в те времена, когда она называлась Санкт-Петербургской губернией; тогда дед ещё промышлял охотой и хорошо знал, какие у нас в области водятся звери.

Вдруг бежит из лесу шумная ватага ребятишек.

— Деда! — кричат. — Глянь, какого мы зверя поймали!

И показывают ему совершенно незнакомого молодого зверька в пёстрой шкурке, с острой усатой мордочкой.

Дед посмотрел и говорит:

— Собачонок это, щенок чей-нибудь. Ступайте узнайте, у кого такой породы собака, у дачников, — отдайте хозяевам.

Ребятишки — клясться, что в лесу нашли, в норе под корнями, что там ещё было таких щенят поболее десятка, да разбежались все. Дикий это.

Дед обиделся даже:

— Что я, зверей не знаю? Значит, беглая собачонка в лесу оценилась, — только и всего! Раз не лисёнок, не барсучонок, не волчонок, — значит, собачонок. А диких собак у нас отродясь не водилось.

И прав был дед: именно что «отродясь не водилось». А теперь развелось. Водилась дикая собака за десять тысяч километров от наших мест, на другом краю нашей страны — на Дальнем Востоке, в Уссурийском крае. Хорошая дикая собачка — ценный пушной зверёк, похожий на маленького американского медведика — енота. Так и называлась: енотовидная собака или уссурийский енот. В 1929 году наши охотоведы впервые попробовали переселить двадцать собачек с востока на запад. Опыт удался: зверьки прижились на новых местах. Тогда в 1934 году приступили к массовому расселению уссурийского енота, — и сейчас он отлично живёт больше чем в семидесяти областях нашей страны. Селится в светлых лесах, в кустарниках, в высоких травах, в тростниках. Ежегодно каждая пара приносит штук до пятнадцати щенков. На зиму — где сильные морозы — впадает в спячку в норах. И размножился всюду, где на него и разрешена охота.

Зверёк полезный не только своей шкуркой — она идёт на шубы, — но и тем, что поедает много мышей, полёвок и других грызунов. Один за ними грех: где тетеревиное, куропадье, утиное гнездо найдёт, — разорит обязательно! Не любят его охотники...

Но я про деда начал. С ним ещё похуже конфуз вышел.

Вот усвоил дед, что теперь у нас не только уничтожают испокон водившихся зверей, как уничтожили в нашей стране диких быков — тура и зубра, — но и переселяют к нам новых зверей — бац! — прибегают ребяташки с Чёрной речки и рассказывают о звере неслыханном. Поселилась парочка таких зверей на речке в лесу, землянку себе в берегу вырыли, крыша — бугром, твёрдая — не расковыряешь, а выход под воду. Развели там своих зверят, теперь с ними работают всей семьёй. Сами деревья в лесу валят, сами их на брёвнышки перепиливают зубами, сами на себе в речку таскают, сами речку перегораживают — плотину строят! Ну, чисто инженеры! А видом из себя — как толстые собаки, шкура бура, а хвост кожаный, широкий, лопатой! Как плеснут хвостом по воде — за версту слышать!

Не выдержал тут дед.

— Вы что же, — говорит, — ребята, сказки мне рассказываете? Из ума, думаете, старик выжил? Думаете, — необразованный старик, не знает, что такие звери были у нас при царе Горохе: в те времена, когда князь Владимир Мономах бил туров и вепрей, ловил бобров по рекам? А вы что же, — хотите уверить меня, что бобра переселили, к нам, как эту вашу дальневосточную псину?

Не знал дед, что не до конца все бобры были уничтожены в России, что кое-где до нашего времени сохранилось ещё бобров общим счётом в разных местах меньше тысячи штук. После революции мы дали им размножиться в заповедниках и расселили в пятидесяти областях и краях.

Мною открытая на озере Прорва ондатра — большая североамериканская водяная крыса, — впервые выпущена у нас в 1929 году. Теперь она с невероятной быстротой сама расселилась и размножилась чуть не по всей нашей стране, уже с 1937 года включена в государственный план заготовок пушнины и даёт сорок процентов всех пушных шкурок в общесоюзных масштабах. И мясо её охотники едят да похваляют.

Другой американский житель — нутрия — крупный грызун, образом жизни тоже земноводный, вроде ондатры — попал к нам из Южной Америки и живёт в наших субтропиках. Длинные, жёсткие остевые волосы выщипывают из их шкурок, и нутрия идёт обычно под названием обезьяньих шкурок. Последнее время мы успешно

продвигаем нутрию на север — уже до Ярославской, Омской и Курганской областей.

Смешной древесный медведик енот, на которого так похожа ниша уссурийская собачка, благополучно прижился у нас на севере Кавказа и на юге Киргизской области. Если где-нибудь в лесу увидите небольшого серо-бурого чудака-мохнача, который поймает мышь, но есть её не станет, а пойдёт сначала к речке, хорошенько выполощет её в чистой воде, а потом, позавтракав, залезет на дерево и заберётся там в дупло спать, знайте, что это и есть настоящий американский енот или полоскун, как его ещё зовут за то, что он всегда перед обедом полощет мясо в воде.

Совсем уморительный зверёк с крошечными глазками, расплюснутым посерединке хвостом и длинным, очень подвижным хоботком, может встретиться вам в ближайшие годы где-нибудь на тихой речке, на старице. За животики возьмётесь, увидев, как этот носатик поводит своим хоботом из стороны в сторону и уплетает улиток и пиявок. Этот зверёк тоже почти совсем был уничтожен человеком, но мы успели спасти его последних потомков — и вот возрождаем. Зовут его выхухоль. Это большая водяная землеройка. Шкурка её идёт под морского котика.

В Крыму никогда не было белок. А лесов с орехами и шишками там сколько угодно. Вот мы взяли и переселили туда сибирских белок, и они отлично там зажили, кормясь орехами, семенами хвойных деревьев, желудями, дикими ягодами, грибами.

А в Сибири в древности не было зайца-русака. А теперь — пожалуйста! — охотиться на него не только в Западной, но даже и в Восточной Сибири: в Красноярской, Кемеровской, Иркутской областях. Там теперь новое жарк *о* е в шубе бегают!

Но не всё же об еде и одежке думать: надо и о красоте позаботиться.

— Стой, Вовк! — прервала его вдруг Ля. — Об этом уж я скажу.

Видели вы когда-нибудь пятнистого оленя? На Дальнем Востоке у нас водится. Это сплошная красота! Глаза, как у мадонн Рафаэля, уши — цветы, точёные ножки, шерстка вся в солнечных зайчиках, а у самца на голове вдобавок ещё чудесный костяной куст! Ну, не диво?..

Так вот это диво, чуть было совсем не уничтоженное в далёком Приморье, перевезли в наши заповедники, где не только запрещено на

них охотиться, но где ещё и защищают их от главных их врагов — от волков. А недавно привезли их в подмосковные леса и парки. Для красоты! И всюду они живут и размножаются. Зд о рово!?

Все члены Клуба Колумбов согласились, что здорово. И стали придумывать, каких ещё зверей они переселять будут, как это называется, *акклиматизировать* в нашей стране, когда кончат вузы и станут учёными.

Анд придумал перевезти с Командорских островов замечательного зверя — калана — камчатского бобра, или, вернее, морскую выдру. На всём земном шаре осталось несколько десятков штук каланов, на мысе Лопатке и на острове Медном. Каланы едят морских ежей, которых сколько угодно в Белом море. Пусть они, высунувшись по пояс из моря, нянчат, подбрасывают на руках своих млекопитающихся детёнышей.

Девочки дружно постановили разводить в наших краях красавиц газелей, а художница Си поклялась приучить к нашему климату длинношеюю жирафу.

Колк молчал, крепко о чём-то задумался. А когда его окликнули, встрепенулся и брякнул:

— А я поеду в Антарктику и переселю оттуда к нам в Арктику пингвинов.

Дружный хохот был ответом на его неожиданное выступление.

— Да ведь пингины, как тебе известно, птицы. А мы о зверях.

Колк густо покраснел, рассердился и выпалил:

— Ну и что же что птица! Ещё лучше всякого зверя. И не летает, и птитёныши как в шерсти. Почему бы пингвинов не развести у нас в Северном Ледовитом? Наверное, приживутся! Пора и о птицах подумать, начать их акклиматизировать.

Колумбы согласились, что пора и что пингвинов очень надо бы попробовать поселить у нас где-нибудь на северных островах.

На этом собрание и кончилось.

Месяц десятый

*Доклад Кита Великанова: Лесные игры и спорт. Дети и детёныши.
Бег на скорость. Прыжки в высоту. Прыжки в снег.*

*Слалом. Прыжки в воду. Воздушные акробаты. Бег под землёй.
Прыжки с парашютом. Птичья эстафета. Сонное состязание.*

Хорошо известный специалист по лесным былям и небылицам Кит Великанов попросил принять его в Клуб Колумбов. Ему предложили прочесть вступительный доклад на какую сам хочет тему.

Вот его доклад:

— ЛЕСНЫЕ ИГРЫ И СПОРТ —

— Дети и детёныши, — сказал Кит, — на всём свете одинаковы. Они все беззаботны и любят играть. А почему беззаботны? Потому что о них заботятся родители: накормят, напоят, спать уложат; потом гулять из норы выпустят: играйте, сколько хотите, под нашим присмотром, а цыкнем, — пулей в нору: врагов-то полно кругом! Как же тут не играть?

Когда у взрослых людей забот нет и всё кругом спокойно, взрослые ведь тоже играют: в картишки в преферансы там разные или в козла, в домино, в футбол, в городки...

Дети-детёныши у зверей как играют? Подражают взрослым — и так жить учатся. Видят, как взрослые друг друга ловят, друг от друга прячутся, и давай тоже гоняться друг за другом и в прятки играть. Видят, как взрослые дом себе строят, защищают его от врагов, как деток своих нянчат, и дети с них обезьянят. Только у взрослых всё на самом деле, а у ребят — понарошку. Детёныши-то ведь все добрые: не убивают друг друга и не едят. Раз сытые, так и не сердитые. Зачем другого кушать? Вот поиграть с ним — это да! Это весело.

И ещё: в игре все детёныши равны: сейчас ты пятн *a*, и я от тебя убегаю; а поймал, — я пятна, а ты удирай; или я ищу, а ты прячешься, а сейчас я прячусь, ты ищешь. Вот и у взрослых зверей так было бы, чтобы все правилам одним подчинялись. А взрослые — волк так уж волк, а заяц так уж заяц, кошка — она кошка и есть и с мышкой местами не поменяется, не в кошки-мышки играют. А вот на молодёжных площадках в зоопарках, там какой-нибудь собачонок за маленьким медведем гоняется, козлёнок — за волчонком, лисёнок от зайчонка прячется, а потом наоборот. И никто ни с кем не дерётся. Нашли тебя — вылезай; запятнали, — лови, кто б ты ни был — зайчонок или медвежонок.

Один охотник рассказывал, — я слышал.

Купил он весной гончара — гончую собаку. Это которые зайцев и лисиц гоняют. Щеночком купил. И отдал знакомому колхознику в деревне, на воле содержать, пока не подрастёт. Сам выбрался из города

навестить своего гончака Догоня — такое имя ему дал — только в самом конце осени: уже снег выпал. Приехал, ночку переспал у колхозника, а с утра пораньше — в лес с Догоняем. Догоняй уже в крупного пса вырос — чистый волк на вид.

Дошли до леса. Охотник Догоня спустил со сворки, — тот махнул в лес. Десяти минут не прошло, — взял след, залаял, — на охотника зайца выгнал. Охотник того зайца убил — и в сумку. А пёс — опять в лес. Скоро опять голос даёт. Только не такой, как в первый раз: смешно как-то, по-щенячьи тьявкает...

Охотник занял лаз — это где зверю идти, в редколесье на опушке, — ему хорошо кругом всё видно. Смотрит, — лисица! А за ней в пяту — Догоняй с тьявком. Лисица — раз в кусты! И села. Догоняй помчался до куста, припал на передние и давай повизгивать, как визжат собачонки, когда играют с человеком или с другой собакой.

Лисица ничуть не испугалась, вскочила — и на Догоняя! Пёс круть хвостом — и от неё! Лисица за ним. Охотник стоит — ничего понять не может!..

Минуты не прошло, — бегут: Догоняй впереди, лисица за ним в пяту. На глазах у охотника догнала и — тьяп Догоняя за бок тихонько.

И вдруг оба остановились, легли друг против друга, дышат тяжело, языки в сторону. Тут охотник вышел из-за дерева, — лисица его увидела, вскочила — и ходу! Пёс за ней и, как его охотник ни звал, пропал! Пришлось охотнику одному домой возвращаться.

Рассказал охотник хозяину эту историю с возмущением, а колхозник смеётся.

— Что ж, — говорит, — на него сердиться? Зайца он на тебя выставил? Выставил. Обязанность свою, значит, выполнил. Имеет, значит, право и поиграть с приятелем.

— С каким приятелем? Я тебе говорю — лисица!

— Лисёнок это. Летом ещё Догоняй с ним встретился, да как-то и разыгрались. Известно: щенята. У обоих баловство на уме. Ну и подружились. Сколько раз их потом на той опушке видели. Сойдутся — и ну в догоняшки играть, а то в хоронушки. Любо-дорого смотреть: что твои ребята!

Вот видите, не всё у зверей — зверства, — бывает и весёлая дружба и настоящая любовь. Ещё рассказывал один дяденька — в Белоруссии это было, — одна собака старой волчице каждый день в кусты еду носила. Точь-в-точь как в сказке. Люди, конечно, проследили, куда она мясо таскает, и волчицу убили. Старая оказалась: зубов уже не осталось. Вот и кормила её собака — друг заклятый!

Ну, это уж не игры! Простите, — маленько забылся!..

А игры на всём свете у всех детей и детёнышей одни бывают: пятнашки — раз, прятки — два! А ещё в городок: один стоит на горке, дом свой защищает, а другой на него налетает снизу, сшибить старается. Сшибёт — на его место становится. В эту игру олешки да козлята больше играть любят, а в догоняшки да хоронушки — все зверята и все птичата.

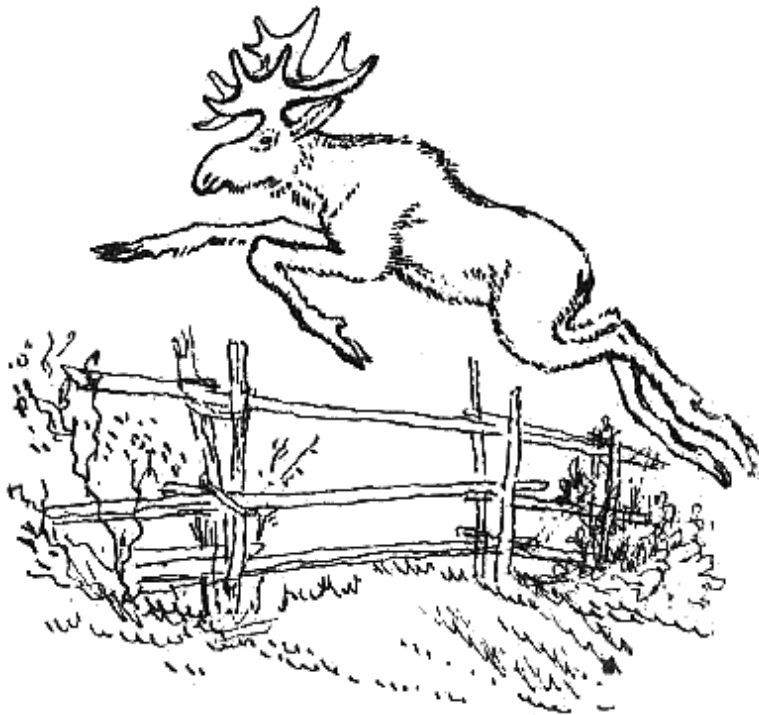
— Ну, это так, — согласились колумбы. — А что это ещё за «спорт лесной»?

— Ну и спортом они тоже занимаются, — сказал Кит. — Только их спорт, как бы это сказать... как бы кверху ногами против нашего, У нас спорт вроде как игра, — понарошку у нас состязания, для здоровья больше, а у зверей всерьёз, и прямо, бывает, насмерть.

Бег на сто метров. Собрались, скажем, на большой лесной поляне разные быстроногие звери. Вдруг кто-то крикнул: «Охотник!» — и раздался выстрел.

Заяц как даст стрекача — на все сто метров! Задние ноги вперёд передних бежали. Первым в лес прискакал. Мировой рекорд скорости бега со страху поставил!

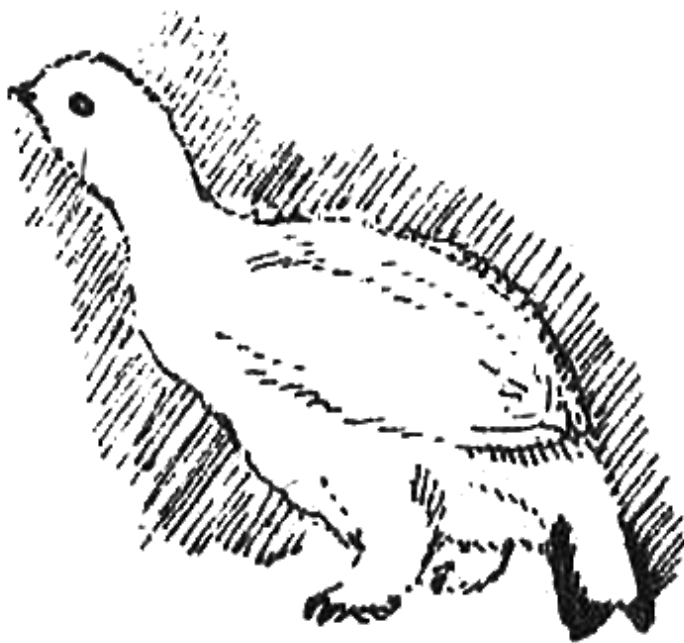
Прыжки в высоту. В этом виде спорта чемпионом неожиданно оказался — кто бы вы думали? — тяжеловес лось! Лес, где он жил, окружили изгородью высотой в два метра пятнадцать сантиметров. Громадный зверь, подойдя к изгороди на несколько шагов, почти без разбега птичкой махнул через неё.

Вес этой «птички» — 407 килограммов 255 граммов.

Прыжки в снег. Некоторые лесные куры ночуют под снегом. Мастера этого дела — тетерева и тетёрки. Днём они сидят высоко на берёзах, — объедают берёзовые серёжки. А как солнцу заходить, —

один за другим кувыркаются с веток в глубокий снег. Тепло им там и уютно — в снежных норках. А дырки, что они, падая, пробили в снегу, сами засыпаются снегом. Попробуй найди их в таком убежище!

Слалом, или бег с горы с препятствиями. Беляк, именуемый также *лыжным зайцем*, поднятый лисицей на лёжке под кустом на самой вершине холма, пришёл к подножию его первым. Всем известно, что он талантливый «на гор *e* увёртыш»: ведь задние ноги его гораздо выше передних, и потому в гору бежать ему куда удобнее. Мчась от лисицы под гору, он трижды прыгал на крутом склоне через пни, летел кувырком через кусты и так — кувырком, кувырком, через голову — и прибыл к подножию холма... в виде большого снежного кома. Внизу этот ком подскочил, отряхнулся от снега — и исчез в чаще.

Прыжки в воду. «То есть как это в воду? Сейчас зима, — и все реки и озёра закрыты крепким льдом и засыпаны снегом», — спросите вы меня. «А проруби на что? — отвечу я вам. — А незамерзающие полыньи от бьющих на дне горячих родников?»»

Чернобрюхая птичка со скворца ростом попрыгает-попрыгает по льду, споёт весёлую песенку да — бултых! — в прорубь вниз головой. И вот она бежит под водой, цепляясь кривыми коготками за каменистое дно, вся в серебряной рубашечке: это на ней воздух пузырится.

Вон на бегу колупнула носом небольшой камешек, подхватила из-под него носом водяного жучишку, замахала крылышками, взлетела под ледяную крышу и вылетела из другой проруби!

Это знаменитый чемпион СССР по нырянию в ледяную воду — водяной воробей или оляпка. Пожалуйста, вы можете видеть её хоть сейчас у нас в Ленинградской области, например в Петродворце, в Токсове, на реке Оредеже.

Воздушные акробаты. В этом виде спорта особенно отличаются лёгкие, грациозные, пышнохвостенькие зверьки, которых народ зовёт *векшами*, а мы — белочками. Под зелёным куполом леса они проделывают головокружительные номера. У них в программе:

- бег винтом по стволу вверх головой;
- бег винтом по стволу вниз головой;

- прыжки под куполом с твёрдого сука на сук;
- прыжки под куполом с конца одной качающейся ветки на другую;
- прыжки с трамплина, то есть с упруго пружинящей ветки;
- неожиданные для самих акробатов сальто-мортале в воздухе, то есть прыжки кувырком через собственную голову.

Во всех этих видах воздушных упражнений векиши признаны чемпионами чернолесья и краснолесья.

Бег под землёй. Единственный заслуженный мастер этого вида спорта — крот. Землеройки далеко отстают от него в этой области. Крот разгребает перед собой землю передними когтистыми лапами — они у него ладошками врозь и наружу — и может бежать под землёй со скоростью человека, идущего у него над головой по земле.

Прыжки с парашютом. Специалист — серенькая белка-летяга, или полетуха. Парашютик из собственной тонкой кожи натянут у неё по бокам между передними и задними лапками и сверху покрыт короткой мягкой шёрсткой.

Забравшись на вершину дерева, полетуха отталкивается вдруг всеми четырьмя от ветки и летит себе, растянув свой парашютик растопыренными лапками. Метров двадцать пять пролетает по воздуху, пока не приземлится где-нибудь по ту сторону лесной полянки уже мл нижних ветвях дерева.

Птичья эстафета. Охотник шёл на лыжах по следам стада кабанов. Кстати: знаете вы, что дикие кабаны, или, попросту, хрюшки-чушки, совсем уже было уничтожены у нас до революции, теперь взяты под защиту охотничьего закона и очень сейчас у нас размножились? Доходят теперь по лесам чуть не под Ленинград.

Так вот, охотник шёл по следам небольшого стадечка кабанов. Следы вели с поля в лес. И как только охотник подошёл к опушке, его заметила с дерева сорока, хоть он и был нарочно в белом халате, чтобы неприметным быть в заснеженном лесу.

«Чек-чек-чек! — громко зачекотала сорока. — Чек-чек-чек, человек-век-век-век-с-чем-чем-чем-чем-чем? Чек-чек-чек!»

Небольшое стадо чушек, набив себе животы вкусными желудями, спокойно спало в снегу под громадным дубом на поляне в самой середине леса. Конечно, чушки не слышали тревожного крика сороки.

Услыхала сороку голубокрылая лесная ворона — сойка. Подхватила сорочий крик и сама с резким криком: «Враг-врак-рак-ра!» — помчалась в чащу.

В чаще подхватили сойки крик маленькие кофейно-жёлтые лесные вороны — кукши. «Кей-кей-кей-кей!» — по-св *о* ему заорали они неприятными голосами так громко, что большой чёрный ворон, дремавший на вершине высокой ели, вздрогнул и тут же подхватил воронью эстафету:

«Крок! Кррок! Врраг!» — крикнул он басом.

И не успел замолкнуть его крик, как малюсенький пичуг — крапивничек-орешек — затрещал под дубом своим тоненьким-тоненьким крапивным голоском:

«Трррррррревога, трррррр!» — над самым ухом у спавших в снегу чушек.

Чушки как хрюкнут, как вскочат, как помчатся через кусты! Такой треск пошёл, что охотник издали услышал. Он плюнул со злости, повернул лыжи — и домой.

С такой эстафетой разве к зверям подкрадёшься!

***НЕОБЫЧАЙНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ, ИЛИ НОВЫЙ ВИД СПОРТА
В ЛЕСУ***

Лесные любители поспать объявили условия оригинального соревнования: Кто дольше всех проспит.

ПРАВИЛА СНА!

I — спать может кто, где и как захочет; единственное условие спать без просыпа. Тому, кто проснётся и хоть на минуту вылезет из своего логова, сразу засчитывается конец сна.

II — сны видеть не возбраняется: хочешь — видишь, хочешь — так спи, без снов.

III — спать залегать всем засоням в один день: в канун того дня, как выпадет первый зимний (нетающий) снег.

Примечание. Заходить в берлогу или нору до снега надо, чтобы скрыть свою пяту: след, ведущий к лёжке. Лесные звери без промаха чувствуют наступление зимы.

IV — выигрывает тот, кто дольше всех проспал. (Потому что чем дольше весна, тем теплей и сытней в лесу.)

В состязания вступили:

1 — медведь. Залёг в своей хорошо устроенной берлоге под двумя друг на друга поваленными елями.

2 — барсук. В собственной глубокой, сухой и тёплой норе, вырытой в песчаном холме среди леса.

3 — ушан — крупная летучая мышь. В глубокой пещере, вырытой людьми в высоком берегу реки Саблинки, ушан зацепился коготками задних ног за потолок пещеры, завернулся в свои крылья, как плащ, и заснул кверху ногами. Он находит, что спать в таком положении всего удобнее.

4 — мышь-малютка. В своём травяном гнёздышке на кусте можжевельника в полутора метрах от земли. Вход в гнездо заткнула пучком сухого мха.

Все четверо засонь забрались в свои логова в последний день осени: перед первым долгим зимним снегопадом.

Первая нарушила правила сонного соревнования мышь-малютка.

Поспала неделю-другую и ужасно проголодалась во сне... Прогнулась, тихонько вытащила мох, которым был закрыт выход из гнёздышка, осторожно выплянула из своей спаленки и, никого не увидав поблизости, незаметно выскользнула из неё. На том же кусте у неё было другое гнездо: гнездо-кладовая, где хранилось зерно, собранное про запас на чёрный день. Там мышь-малютка плотно набила себе животик, осторожно опять пробралась в свою спаленку,

заткнула вход в неё мхом, свернулась клубочком и заснула, уверенная, что её никто не видел. И приснился ей сладкий сон, что она выиграла сонное соревнование и ей достался сладкий-сладкий приз: целое кило пилёного сахара.

Но когда она в следующий раз проснулась и только ещё высунулась из спаленки, чтобы опять проскользнуть в свою кладовочку и там подкрепиться, её встретил громкий, дружный хохот лесных зверюшек и птиц.

Оказывается, одна белочка видела с дерева, как мышка пробиралась в свою кладовку, и рассказала сороке. Ну, а уж если сороке скажешь, — будьте уверены: сейчас же всё станет известным: растрежит по всему лесу!

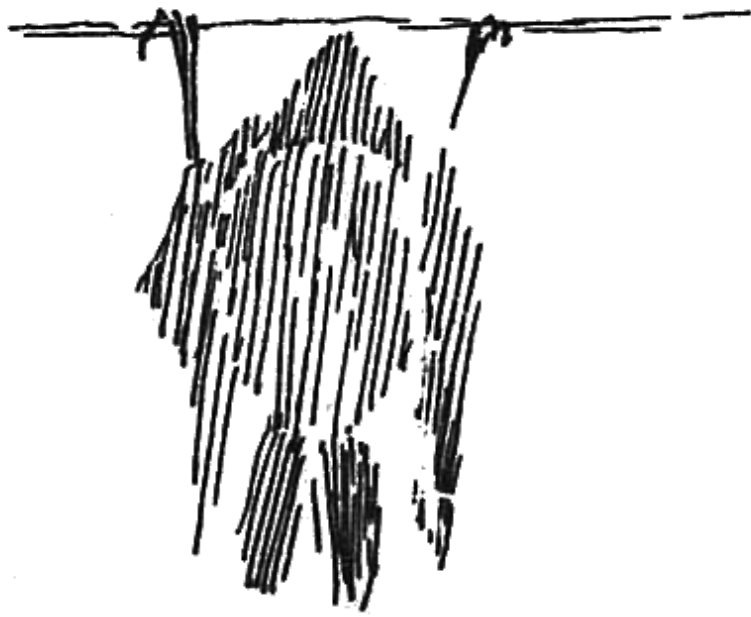
Не выдержала мышка долго без еды: малютка ведь. Но ничего не поделаешь: правила игры для всех одни.

Исключили мышку-малютку из числа участников сонного соревнования.

Вторым попался барсук. Обычно он всю зиму спит без просыпа в своей норе, а нынче то ли жирку мало запас на зиму, то ли оттепель у себя в норе почуял. Проснулся барсучина и, забыв правило, вылез сонный из норы. Ну, и конечно: ему тоже сразу засчитали конец сна.

Медведя тоже хотели исключить: зачем он среди зимы выплядывал мутно-зелёным глазом из окошечка в своей берлоге! Но медведь уверил всех, что он это во сне, что он и сейчас спит и раньше апреля из своей берлоги не вылезет, — справьтесь хоть в «Лесной газете».

Оказалось, — правда. Но приз всё-таки получил не медведь, а ушан — летучая мышь. Она без просыпа проспала вверх ногами до самого мая, когда залетали в воздухе крылатые насекомые и ей стало чем кормиться.

Месяц одиннадцатый

«Суд-маскарад». — Дело по обвинению в расхищении шишечных народных богатств.

— Дело по обвинению в угрызении лесов. — Дело по обвинению в убийстве пятерых. — Заключительная речь главного судьи.

На двери помещения Клуба Колумбов висело большое раскрашенное объявление:

ЗДЕСЬ
12 февраля в 20 час. 30 мин.
состоится большой
СУД — МАСКАРАД
Вход по билетам Клуба Колумбов

В назначенный час сюда собрались все члены Клуба Колумбов и многие приглашённые из числа читателей «Лесной газеты», почти все в костюмах и масках разных зверей и птиц. Они заполнили все свободные места для зрителей.

Позади судейского стола стояли три глубоких кресла — пока пустые. Над средним из них плакатик: **ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ**.

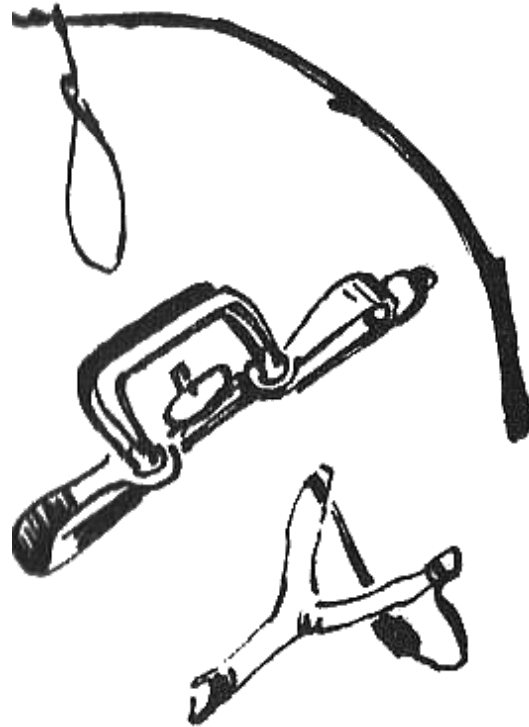
Над крайними плакатики поменьше: **ДЕНДРОЛОГ** (член суда) **ЛЕСОВОД** (член суда).

Слева за столом на стене над стулом значилось: **ПРОТОКОЛИСТ**. Справа — **ДОКЛАДЧИК**. За докладчиком — стулья **ЗАЩИТЫ**, за протоколистом — кресло **ОБВИНЕНИЯ**. Скамья подсудимых стояла впереди судейского стола, почти в публике. По бокам её сидели маски: остроухая Лайка и красный Сеттер. Вдруг они вскочили и прокричали:
— Встать! Суд идёт!

Все встали. В комнату вошли и расселись по креслам трое учёных. К председательскому креслу подошёл главный судья — доктор биологических наук Иванов. Остальные два судейских кресла заняли два бородача — дендролог и лесовод. Главный судья объявил:

— Обвинитель — главный прокурор П. Х. Реньо-Карб. — Главный судья опустился в кресло.

Си, Лав и Анд — все трое без масок — скромно заняли стулья Защиты. Обвинитель ворвался в зал суда с полными руками: связкой железных капканов и деревянных ловушек-поставушек, с двустволкой за плечами и торчащей из кармана рогаткой. Он свалил капканы и ловушки грудой на пол, повернулся к судьям, сказал: «Я только что из лесу!» — что должно было (так поняли в публике) объяснить появление в комнате отобранных им, надо полагать, в лесу у кого-то «вещественных доказательств», положил на капканы ружьё и бросился в кресло.

Тут судья объявил:

— Первым слушается дело по обвинению Белки, Пёстрого Дятла и Клеста-еловика в расхищении природных богатств, а именно: семенных фондов сосен и елей в шишках. Обвиняет П. Х. Реньо-Карб. Стража, введите обвиняемых.

Лайка и Сеттер сорвались с мест и через минуту привели и усадили на скамью подсудимых три маски: серенькую с пушистым хвостом Белочку, Дятла в пёстром костюме Пьеро, в розовой шапочке и ярко-розовых штанах, и красно-оранжевого Клеста с замысловато перекрещенным носом.

И тогда вскакивает прокурор:

— Граждане судьи, товарищи! Взгляните на этих правонарушителей, на этих поразительных паразитов, тысячами килограммов зиму и лето расхищающих природное народное достояние! Все трое обвиняемых пойманы мною с поличным на месте преступления. Все они — кто зубами, кто носом — срывали с живых елей и сосен шишки, выковыривали из них семена и нагло плотали их. Белка вскрывала шишки посредством своих острых, как стамесочки, резцов, Дятел — крепким, как долото, носом, а Клест — специальным инструментом вроде замысловатой воровской отмычки. Белка обгрызала даже большие еловые шишки целиком, оставляла только

стерженьки. Дятел устроил себе специальную мастерскую или кузню, вставлял в станок шишку и, обработав её своим долотом, сбрасывал на землю, чтобы приняться за новую. А Клётс — тот сплошь и рядом ковырнёт одну, другую чешуйку, съест два — три семечка — да и отстрижёт шишку от ветки, как ножницами, — бросает на землю. А это в моральном отношении ещё хуже — уж использовать, так до конца, а не разбрасывать казённое... это, как его! — народное имущество где попало! Клесты круглый год по хвойным лесам, лето и зиму, обдирают с деревьев шишки. Дятлы и белки отлично могли бы питаться сухими соснами и елями, — на сколько бы им одного дерева хватило! — так нет! — семенами питаются, лесных младенцев пожирают, злодеи!

Учитывая, какой огромный вред, какое зло приносят все трое обвиняемых шишечным запасам еловых и сосновых боров — гордости нашего Отечества, обвинение требует присудить всех белок, клестов и дятлов к высшей мере наказания — отстрелу!

По залу прошёл приглушённый, испуганный шёпот.
Вскочила художница Сигрид, подняла руку, спрашивая судей:
— Разрешите?
Судьи кивнули.
— Товарищи! — горячо обращается Си к маскам. — Это ужасно!
Ужасно! Я ушам своим не верю. Что такое наговорил тут Пэ Ха Реньо-

Карб об этих туземчиках нашей Земли Неведомой? Всех их расстрелять? А кого же любить останется? Вы только взгляните, какая красоточка Белка, как она мила, как грациозна во всех своих движениях! «Рыжих матросиков вижу хвосты!» И эту красотку в серебристо-серой беличьей шубке — расстрелять? И этого чудесного малиново-оранжевого, с таким смешным носишком, попугайчика — клеста? И этого — будто выскочившего из сказок — маленького крылатого носатика в чёрно-красной шапочке и розовых шароварах, — этого дятлика? С ума сойти! Да разве повернётся у кого-нибудь язык осудить на смерть этих милых красавчиков только за то, что они съели несколько шишечных семечек? Поднимется у кого-нибудь рука застрелить их из ружья?

— Стой! Я скажу! — попросил Лав.

Си села. Взволнованным голосом поэт читает:

Белочка, клёт и дятел —
Дети могучих лесов.
Зря обвинитель тратил
Против них столько слов.
Люди в младенчестве тоже
Мамок своих сосут.
Что же, он их, может,
Тоже отдаст под суд?

Кто любит птиц и зверей, — видит в них малых детей. А Пэ Ха Реньо-Карб ненавидит их, хочет видеть в каждом из них только преступника. Реньо-Карб не имеет права осуждать их. Я всё сказал.

Саркастически улыбаясь, чёрный прокурор бросил с места раньше, чем судья успел его остановить:

— Конечно, если смотреть, какой хорошенький да миленький...

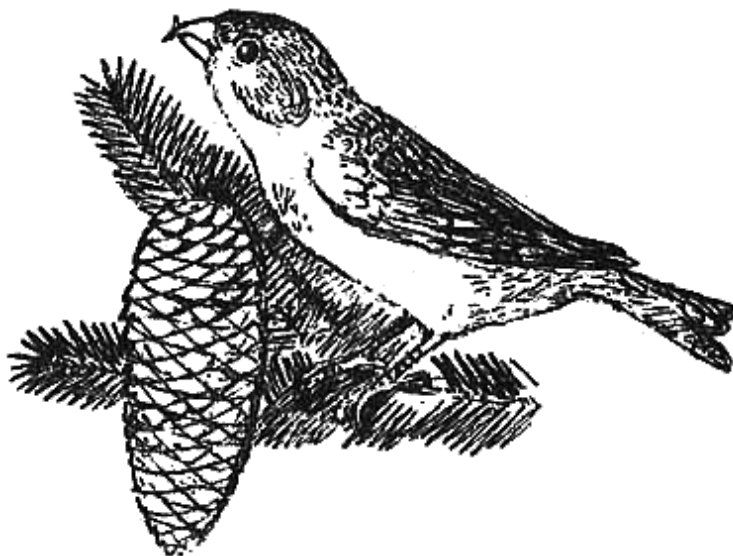
Но тут встаёт Анд, спокойный, как гора, и говорит:

— Прошу слова.

Обращается с вопросом к обвинителю:

— Скажите, а не вас ли встретила сия гражданочка, — и Анд указал на девочку, наряженную Сорокой, — в лесу пятнадцатого июля сего года с ружьём и ловушками?

— Так точно! — презрительно улыбаясь и не вставая чеканит Реньо-Карб. — Встретила с ружьём и ловушками, могла слышать, как я стрелял, и видеть, как я, находясь при исполнении служебных обязанностей, изловил ныне посаженных на скамью подсудимых преступников.

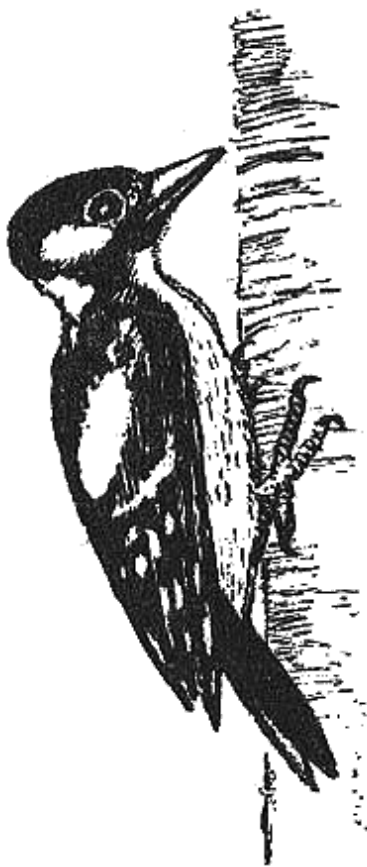
Но Анд спокойно продолжает:

— Граждане судьи! Как уж правильно отметил тут мой коллега по защите Лав, клесты, дятлы и белки не могут быть обвинены в том, что они пользуются дарами леса, по той простой причине, что сами они являются детьми леса. Прикиньте, какая тьма семечек ежегодно зря выбрасывается елями и соснами буквально «на ветер», — они сгнивают потом в неподходящей земле, и вам станет ясно, какая ничтожная часть этой «тьмы» попадает в желудки всех лесных птиц и зверей, вместе взятых.

Что и говорить, высокую мораль проповедует обвинитель: такой-сякой клёст неэкономно расходует шишки, не все семечки из них выбирает, неполную шишку бросает. Поклониться бы в ножки надо за то клесту: ведь сбрасывая на землю почти целые шишки, он зимой — в самое голодное время — подкармливает ценнейшего нашего зверька — всё ту же белку, шкурка которой составляет основу нашего пушного промысла и даёт ежегодно миллионы рублей золотом. Зимой белке очень трудно бывает доставать шишки с обледенелых, скользких и покрытых снегом веток сосен и елей. Она подбирает сброшенные клестами шишки и доедает их внизу, на каком-нибудь пенёчке.

Наконец — дятел. Наш поэт сказал, что надо любить животных, — тогда только можно вынести над ними правильный приговор. Я бы прибавил: и любить и знать! Правда, есть такой пёстрый дятел, который срывает шишки с деревьев, толкает их в свой пень-станок и раздалбливает крепким, как долото, носом. Но на скамью подсудимых посажен здесь совсем не тот пёстрый дятел. У этого сравнительно слабый нос, и шишек он никогда не долбит. У того пёстроного дятла на крыльях белые блямбы, спина чёрная и штаны красные. А это — житель лиственных лесов — белоспинный пёстрый дятел. У него — штанишки розовые, крылья чёрные, спина белая, и, если сравнить, какую громадную, незаменимую пользу приносит каждый дятел, а особенно чёрноспинный, так называемый большой, пёстрый, выстукивая, как настоящий врач, больные деревья, раздалбливая своим крепким носом твёрдую древесину и доставая из них личинок подкорышей, — то просто смехотворно станет обвинение дятлов в расхищении лесных богатств.

Анд кланяется судьям и, улыбаясь, садится на своё место.

Обвинитель, сидевший как на иголках во время неторопливой речи Анда, теперь едва дождался, пока судьи дадут ему слово.

— К вам взываю, граждане судьи! Нельзя же отрицать очевидное!

Вся тройка губит ценнейшие породы деревьев. Прощу помнить, что сосны идут на постройку домов, на мачты, на бумагу, а ель — самое музыкальное дерево в мире: из неё делают скрипки! Позором покроет себя тот, кто будет защищать этих преступников. Я кончил.

— Суд удаляется на совещание, — сказал, вставая, главный судья.

Пока судьи советовались, в зале стоял страшный шум. Одни кричали: «Засудят!» Другие: «Не дадим!» Третьи: «Не ты решаешь! Специалисты». Четвёртые: «Откуда взялся этот чёрный? Кто он?»

Суд вошёл — и наступила тишина. Главный судья доктор биологических наук стоя объявил приговор.

— Заслушав дело Белки, Клеста и Дятла по обвинению в расхищении семенных запасов хвойного леса и обсудив доводы сторон — обвинения и защиты, — биосуд в составе трёх учёных специалистов ПОСТАНОВИЛ:

— за отсутствием состава преступления Белку, Клеста и Дятла освободить и в иске обвинению полностью отказать.

Судьи садятся, и зал утихает.

— Слушается дело по обвинению Лесной Мыши и Рыжей Полёвки в угрызении лесов всех пород.

Поднялся обвинитель:

— Граждане судьи! Эти хорошенькие мышкы... подчёркиваю: хоро-шенькие! — повторил он с вызовом, глядя на защиту, — принадлежат к семейству самых вредных в мире грызунов. Летом они питаются семенами растений, чем приносят неисчислимый вред лесам всех пород. На зиму делают себе в норах громадные запасы зерна, набивая им свои подземные кладовые. Во всём мире известен чудовищный вред, приносимый угрызением лесов, полей и даже человеческих жилищ этими прелестными грызунчиками. И нет никакого смысла нашим милым, любвеобильным девочкам и мальчикам выступать здесь в защиту их, несмотря на то, что у мышкы хвостик длинный, а у полёвки — короткий: мышкы и есть мышкы! Они грызут. Призываю в свидетели этому моему утверждению... весь зал!

Председатель начал по очереди вызывать присутствующие маски.

Они поднимались, подходили к судейскому столу, и каждый из них произносил:

— Я близко знаком с мышкы и полёвкы. Свидетельствую, что они едят зёрна.

Прошли: Лисичка, Хорь, Горноста́й, крошечная Ласка, Медведь... Но тут кто-то крикнул:

— А ты-то, Миша, чего сюда затесался?

А он ответил, стыдливо прикрыв глаза лапой:

— Тоже ведь бывает: выцарапаешь мышкы из-под колоды. Знаком я с ними...

Дальше шли птицы: Сорока, Ворона, Сарыч-Мышатник, два соколкы: Кобчик и Пустельга, Ушастая Лесная Сова, Серая Неясыть, Ястребиный Сирин, Сыч Мохноногий, Сычик-Воробей.

— Итак, — с торжеством сказал П. Х. Реньо-Карб, — во всём зале суда не осталось ни одной маски, которая посмела бы утверждать, что лесные мышкы и полёвки не едят зёрен и тем не наносят страшнейшего урона нашим отечественным лесам. Вывод ясен! Требую вынесения постановления об уничтожении обвиняемых всеми средствами, как то:

заливание в норах, закладывание в них различных ядов, капканчики, мышедавки, мышеловки, устройство волчьих ям для мышей и полёвок. Вот и всё!

Трое защитников смущённо переглянулись и... не попросили слова. Только Лав твёрдо сказал с места: «Остаюсь при прежнем своём мнении». При полном смущённом и грустном молчании всех масок судьбы удалились на совещание.

Долго они не возвращались. Но вот судьи заняли свои места.

— Заслушав дело по обвинению Мыши Лесной и Полёвки Рыжей и подробно обсудив обвинение вышеупомянутых грызунов в угрызении лесов всех пород и тем самым нанесении непоправимого лесам ущерба, биосуд в составе трёх учёных специалистов постановил: на основании последних работ учёных признать деятельность Лесной Мыши и Рыжей Полёвки в условиях леса скорей полезной, чем вредной. Установлено, что грызуны эти не употребляют в пищу семян лесных пород, а в больших количествах истребляют лишь семена травяного покрова в лесах. Травяной покров в лесах настолько густ, что через него никогда бы не пробиться маленьким, слабым росткам деревьев: травы душили бы их сразу, лишь только они выплунут из земли. Но тут на помощь им приходят вышеупомянутые грызуны: поедая семена трав, они сильно разрежают травяной покров леса и таким образом дают возможность выбиться на свет новорождённым росткам всех пород. Не будь этих маленьких грызунов, все наши леса погибли бы.

Биосуд постановил:

— в полном уничтожении лесных мышей и полёвок категорически отказать. Лесную Мышь и Рыжую Полёвку в правах лесного гражданства восстановить и выпустить на свободу.

Длинный, но далеко ещё не полный хвост слишком близко знакомых с ними зверей и птиц, недавно выстроившийся здесь перед нами, убедительно свидетельствует, что у мышей и полёвок бесчисленное количество врагов, — какое бесконечное количество их поедают звери и птицы! И если человек не хочет совсем уничтожить этих полезных для леса грызунов — а с ними и самый лес, — то ему и записываться в истребители этих видов мышевидных ни в каком случае не следует.

Главный судья поклонился и сел.

На скамье подсудимых сидел теперь большой серый Ястреб, смертельный враг всей лесной дичи, — Ястреб-Тетеревятник.

В публике перешёптывались:

— ...Этого не жаль!

А судья читал:

— Семнадцатого июля гражданин П. Х. Реньо-Карб случайно поднял в лесу на моховом болоте выводок белых куропаток. Молодые

куропатки были в это время ростом уже в три четверти матки и давно стали на крыло. Не успел выводок долететь до леса, вдруг, как молния, метнулся на куропаток с опушки Ястреб. Случайно у охотника оказались разряженными оба ствола его дробовика, — и Ястреб, на глазах у обвинителя, скогтил куропатчонка и унёс в лес раньше, чем охотник успел перезарядить свою двустволку.

На следующий день на этом же болоте Ястреб-Тетеревятник на глазах у того же Реньо-Карба взял двух куропатков-подранков и молодого тетерева с перебитым крылом.

Но тягчайшее преступление было совершено этим убийцей ещё в начале лета, когда обвинитель нашёл в лесу выводок из шести крошечных — ещё в жёлтеньком пуху — глухарят. Случившаяся при детях мать-глухарка стала «отводить» охотника — как они это всегда делают — от притаившихся в папоротнике птенчиков. Она слетела на землю и тащила по ней с опущенными крыльями, представляясь раненой. Запустив в неё палкой, охотник поднял её на крыло, а притаившийся на дереве тетеревятник воспользовался глупостью глухарки, прикидывавшейся, что не может летать, кинулся на неё и скогтил за спину. Так все шесть глухарят и пропали без матери.

Когда докладчик кончил, Реньо-Карб встал и произнёс грозно:
— Дело настолько ясно, что я отказываюсь от обвинения.

Один за другим вставали защитники — их было по-прежнему трое, но Анда сменил в этом деле, касавшемся дичи, охотник Колк, — и отказывались от защиты подсудимого. Только Колк встал и сказал:

— Я очень прошу граждан судей вспомнить, что поведал нам всем Сергей Александрович Бутурлин о белых куропатках и тетеревятниках Норвегии.

Главный судья молча кивнул ему головой; судьи встали и покинули зал.

Так долго они ещё ни разу не совещались. Наконец появились.

Главный судья сказал:

— Позвольте довести до вашего сведения, о чём напомнил нам охотник Колк. Замечу в скобках: все охотники чрезвычайно, ненавидят Ястреба-Тетеревятника, ибо этот страшный хищник является, так сказать, специалистом по истреблению боровой дичи, особо ценимой охотниками.

Охотник Колк нашёл в себе мужество упомянуть в критический для подсудимого момент рассказ замечательного нашего орнитолога Сергея Александровича Бутурлина о том, что случилось с белыми куропатками в Норвегии — стране, соседней с нашей.

Бутурлин рассказал нам вот что.

В нагорных тундрах Норвегии много белой куропатки. Добыча её — подсобный промысел местного населения. Единственный серьёзный враг куропаток в тех местах — ястреб-тетеревятник: в его когтях гибнет немало их, особенно молодых. Вот норвежцы и уничтожили у себя всех тетеревятников. А через несколько лет им пришлось ввозить от нас этих ястребов: исчез хищник — быстро начала исчезать и его жертва!

На первый взгляд — абсурд, нелепость. Присмотришься — нет, это закономерность.

Естественно, что хищник вылавливает всех слабых и больных куропаток. Сильную, энергичную в полёте, внимательную куропатку ястребу скогтить трудно. Хилую, неосторожную — очень просто. Вот и получилось, что, когда не стало ястребов, некому стало отлавливать больных да хилых куропаток, — среди них стали распространяться болезни и род их быстро пришёл в упадок. Видно, как говорится, «на то и щука в море, чтобы карась не дремал».

На этом основании биосуд из трёх специалистов постановил:

— *первое — ни смертному приговору, ни оправданию Ястреб-Тетеревятник не подлежит;*

— *второе — П. Х. Реньо-Карб — обвинитель — подлежит немедленному заключению под стражу и привлечению к строжайшей ответственности по обвинению в преступном расхищении естественных богатств страны.*

Столь неожиданный поворот дела заставил всех присутствующих широко разинуть рты. Сразу никто не мог понять, что случилось.

Неожиданным смятением мгновенно воспользовался обвинитель: высокая чёрная фигура его мелькнула по направлению к выходу, Сеттер и Лайка, выпустив Ястреба, метнулись было за беглецом, но поздно; он крикнул: «Не пойман — не вор!» — захлопнул дверь у них под носом и исчез.

Все в зале опомнились только тогда, когда опять раздался спокойный голос главного судьи:

— Граждане, не волнуйтесь! Этот весь в чёрном и в чёрной полумаске, всех обвинявший и сам больше всех виноватый, не уйдёт от нас, не скроется. Заметили ли вы, как он сам себя выдал с головой?

Он подтвердил показание Сороки, что пятнадцатого июля — в разгаре лета, когда никому не разрешается охотиться или ловить зверей и птиц, — находился в лесу с ружьём и ловушками. Он берётся судить птиц, обвиняет их во всех смертных грехах, а сам не различает даже двух разных пёстрых дятлов. Он слышал, что «мыши вредны», и не дал себе труда разобраться даже в том, какие мыши, где, в каких условиях. Почему-то у него «случайно» оказались разряженными оба ствола его двустволки после того, как он поднял — заметьте: семнадцатого июля, когда охота запрещена, — поднял выводок белых куропаток на моховом болоте, а на следующий день он подарил Ястребу молодого тетерева с перебитым крылом и двух подранков-куропаток. Наконец, он сам признал, что пытался убить палкой глухарку-мать, «отводившую» от малых своих глухарят.

Пора разоблачить этого чёрного, плохого человека, раскрыть его псевдоним — имя, за которым он спрятался. Две буквы перед его фамилией: П. Х. означают: «плохой хозяин», а двойная фамилия его — Реньо-Карб — есть не что иное, как перевёрнутое слово «браконьер!». Он и есть самый мерзкий, самый страшный наш враг, самый тупой и упорный вредитель народного хозяйства, хотя и прикидывается ретивым его защитником.

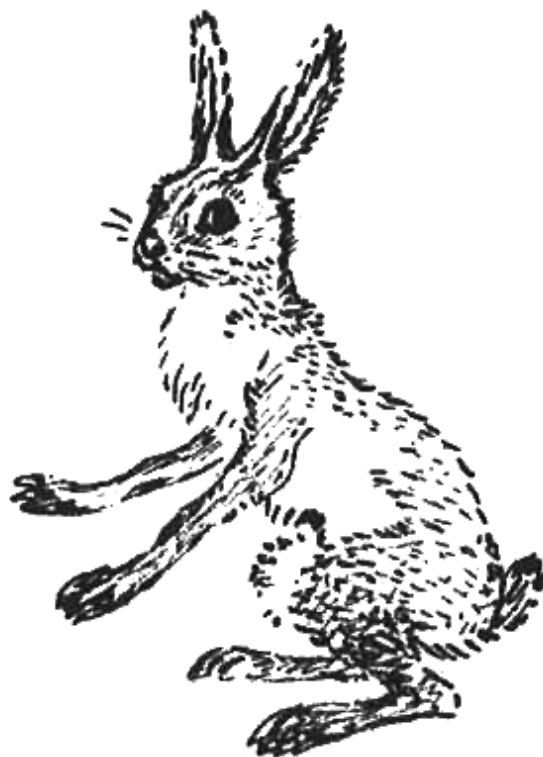
Прав поэт! Расширив первую строку его стихотворения, смело можно сказать:

Хищник, грызун и дятел —
Дети могучих лесов.
Зря обвинитель тратил
Против них столько слов!

Лес — отец, и все лесные растения и животные — его дети. Все они находятся между собой в сложнейших и тончайших взаимоотношениях. Тронь одного — скажется на всех. Как в лёгкой постройке карточного дома: только тронь одну карту — мгновенно нарушится равновесие и вся красота разрушится. Любовь к лесу, любовь ко всем его детям помогает узнавать хитрые их

взаимоотношения и постигать сложные законы жизни леса. Кто не любит, тот не знает. Браконьер не любит детей леса и не знает их. Он равнодушен. Значит, хуже, чем зол. Ни один зверь не в состоянии так навредить лесу, как браконьер.

Приговор биосуда: браконьера — на скамью подсудимых!

Месяц двенадцатый

Скачок в будущее. — Мысли юнестов. — Речь президента Клуба

За окном лютвала метель, выла, свистела, швыряла в стёкла пригоршни колкого снега. Прохожие зябко кутались в платки и шубы, втягивали головы в поднятые воротники. Вечерело.

В тёплом, светлом помещении редакции «Лесной газеты» пела тоненькая нежно-жёлтая птичка. Взяв несколько высоких нот, будто для пробы голоса, она залилась вдруг такой жаркой радостной трелью, что у всех колумбов стеснилось в груди дыхание. Споры смолкли. Тёмные и русые, вихрастые и гладко причёсанные головы повернулись к окну, где в тесной клетке пела чудесная певичка.

Казалось, она никогда не кончит: звучная трель лилась и лилась из золотого горлышка маленькой пленной феи — дочери воздуха, заключённой в проволочную тюрьму. И без всякой паузы, не переводя дыхания, певичка рассыпалась вдруг бисером звуков, взвилась фиоритурой и, неожиданно оборвав страстную свою песню, как ни в чём не бывало принялась чистить носиком свои мягкие пёрышки.

— Ух ты! — вскричал Колк, внезапно придя в себя от охватившего его сладкого оцепенения. — Клянусь, трель длилась дольше пятидесяти секунд! Вот это песня! У кого из наших дикарей такая? У жаворонка, у соловья — и обчёлся!

— Ид! — возбуждённо заговорила Ре, ударяя себя по лбу. — Блестящий ид, сверкающая идея! Земля Неведомая получит нового чудесного певца! И создадим его мы — колумбы!

— Что ты, что ты, что ты, что ты! — быстрой скороговоркой проговорила До. — Подумаешь, — боги-созидатели! Птицы — не растения: соединив два вида, не получишь мичуринских гибридов. Есть помеси канареек с чижами, с чечётками, с коноплянками, но они обычно просто не дают потомства, вот и всё! Как не дают потомства мулы.

— Ты меня не поняла, — мягко сказала Ре. — Не гибридизацией канарейки с нашими птицами я хочу создать новых лесных певцов, а *кукидизацией*. Представь себе только: в начале лета мы подкладываем сотни, нет — тысячи яиц канареек в гнёзда нашим маленьким диким певцам: чечевичкам, коноплянкам, чижам, зябликам, щеглам, зеленушкам... Они высидят нам канарейчат, выкормят их, как своих птенцов, и научат слётков всем правилам птичьей жизни. Поскольку родных родителей канарейчат в наших лесах нет, некому будет переманивать к себе слётков, — вот они и останутся с теми птицами, которые их выкормили и воспитали.

Неизвестно, что с ними будет дальше. Останутся ли они зимовать у нас в Земле Неведомой вместе с воспитавшими их чижиками — птицами, у нас оседлыми. Откочуют ли на юг с *лесными канарейками*, как зовут у нас зеленушек. Улетят ли на зимовку в Индию с воспитателями своими — *красными канарейками*, как мы, юнесты, прозвали чечевичек. Ведь никто ещё не производил таких опытов с акклиматизацией птиц-иностранцев с помощью кукида.

— Смелая мысль! — задумчиво сказал Анд. — Я был однажды в Колтушах, в Институте физиологии имени Ивана Петровича Павлова. Там заведующий орнитологической лабораторией, замечательный птицевод Александр Николаевич Промптов, рассказал нам о канарейках и своих опытах над ними.

Южная лесная птичка канарейка больше трёхсот лет живёт в плену у человека. Давно превратилась она в беспомощную клеточную птицу; еду добывать себе разучилась и гнёзда вить. В клетке у неё круглый год стоит кормушка с зёрнышками, очищенными от шелухи, поилка с чистой водой, купалка, а летом ей вешают верёвочные гнёзда, кладут вату и прочее, что требуется ей для подстилки. И жёрдочки у неё в клетке прямые, круглые, гладко выструганные, как раз по её тонким нежным пальчикам. Всем обеспечил её человек — только пой, пой да тут же, в неволе, выводи своих птенчиков. И, конечно, очень глупо, очень жестоко поступал человек, когда у нас в России в весенний праздник выпускал на волю вместе с нашими дикими птичками и давно отвыкшую от дикого житья, изнеженную в неволе барышню-канарейку.

Александр Николаевич задался целью выяснить, нельзя ли вернуть канарейкам те инстинкты, которые они утратили от долгого житья в клетках. Он заменил прямые, гладкие жёрдочки простыми сучками. Перестал подавать им в кормушках отборные зёрнышки, а стал разбрасывать корм по дну клетки, засовывать в щёлки овёс, ольховые шишечки, неочищенную коноплю, канареечное семя. Словом, отказал канарейкам во всех удобствах их клеточного житья. Их слёткам — а производил свои опыты Промптов именно над молодыми птицами — пришлось с самого начала упражнять свои клювы, пальчики, ножки. Садиться на кривые сучья и так и этак, тянуться к зёрнышкам и выцарапывать их носом из щёлок, освобождать от шелухи. И, когда подошло лето, не дал парочкам готовых верёвочных гнёзд-чаш, а просто положил им в клетки гибкие травинки, тонкие корешки, стебельки, конский волос, вату, — снабдил их хорошим строительным материалом для гнёзд.

И что же? В лаборатории молодые парочки канареек отлично начали вить себе гнёзда совсем так, как вьют у себя на родине, на Канарских островах, дикие канарейки. Вот, значит, как могут приспособливаться к новым условиям жизни птицы, даже сотнями

поколений отвыкавшие от вольной жизни, — от жизни, можно сказать, целиком на свою ответственность.

Надо полагать, что воспитанные нашими красными и лесными канарейками, чижами, коноплянками, рождённые у нас канареечки вполне могут обжиться в Земле Неведомой и стать у нас туземцами.

— Правильно! — гаркнул Колк. — А чтобы они не потеряли своего искусства, не разучились бы петь, как их пленные родичи, мы будем летом вывешивать в лесу клетки с лучшими певцами-кенарами: пускай у них учатся, наматывают себе на ус! Певчие птицы ведь здорово переимчивы. Может, у нас и чижики начнут петь по канареечному! Вот будет лесной хор в Земле Неведомой!

— Товарищи! — напомнила всем Ми. — Ведь сегодня мы собрались, чтобы отпраздновать годовщину открытия нашего Клуба. Чай подан, — пожалуйста за стол! Председательствовать за столом и сказать речь или хоть речешку попросим Президента нашего Клуба.

— Друзья! — сказал Таль-Тин, когда все заняли места. — Как радостно слышать, что наши колумбы открыли свою Америку, полную чудес в настоящем, прошлом и будущем! В настоящем вы открыли в ней такие маленькие неожиданности, как американского жителя ондатру, морских побережий странника камнешарку, медоносное дерево аллею. В прошлом — преисподнюю нору озера Прорвы, едва не стоившую жизни четверым из нас. В будущем — новую прекрасную певицу нашей Родины — переселенку с далёких Канарских островов.

На будущем нашем позвольте мне остановиться.

Вот затеяли вы акклиматизировать в Земле Неведомой канарейку. Дело хорошее — мечта! Только будьте внимательны, наблюдайте, размышляйте, не ныряйте со всех ног головой в воду. Помните, что обнаружилось на прошлом нашем собрании — на суде-маскараде. Сам себя губит тот, кто ничего не знает и никого не любит. Самое простое дело — разрушать, убивать. Ни любви для этого, ни знаний не требуется. В кромешной тьме незнания таится ненависть, таятся страхи, сама смерть таится. Каким страшным казался лес нашим предкам! «Лес — бес! Жить в лесу — видеть смерть на носу». И населяли наши предки и лес, и воды, и небо таинственными духами, жестокими богами и старались откупиться от них, приносили им жертвы, человеческие жертвы... И, чтобы избавиться от тёмного страха, рушили лес. И губили себя: наступала пустыня.

Строить, созидать прекрасное гораздо труднее. «Прекрасное — трудно», — сказал мудрец древности. Лес прекрасен. Беречь его надо и, если перестраивать в нем жизнь, перестраивать с любовью и глубоким знанием дела.

Вот вы хотите дать нашему лесу небывалую прекрасную певичку. Возможно, вам это и удастся, — удастся включить ещё один голос в хорошо слаженный лесной хор, подложить лишнюю карту в постройку карточного домика. Возможно, говорю. Но тут требуется точнейший расчёт и горячее внимание любящих сердец.

Не так-то просто обстоит дело: дескать, дать нашим птицам высидеть канарейчат из яиц, — а там они выкормят птенчиков и научат их всему, что требуется для благополучной жизни в наших краях. Тут возникает много тревожных вопросов. Да, Промптов доказал, что в клетках молодые канарейки могут, так сказать, вернуться к первобытному состоянию: научиться добывать себе клювом зёрнышки из шелухи, вить гнёзда. Неизвестно, однако, — сумеют ли они сами *находить* себе подходящую еду в нашем северном лесу, в не ведомой не только нам, но и им земле?

Неизвестно, оденутся ли у нас молодые канарейки осенью достаточно тепло, чтобы перенести нашу суровую зиму, или разовьётся ли у них с достаточной силой перелётный инстинкт, чтобы совершить длинное путешествие на зимовки. Ведь в тропиках, на старой родине всего их рода, вечное лето.

Неизвестно, достаточно ли быстро вернётся к рождённым в наших краях канарейкам инстинкт защиты от многочисленных врагов, или при виде ястреба они будут только приседать на ножках, как это делают на жёрдочках в клетке при виде опасности.

И — поскольку опыт будет производиться под открытым небом, на воле, — очень трудно будет учесть его результаты; неизвестно, что станет с каждым из маленьких переселенцев. Поэтому было бы лучше начать проделывать этот опыт акклиматизации в лабораторных всё же, хотя и больших, масштабах: экспериментировать со многими молодыми канарейками в каком-нибудь саду-вольере, целиком забранном сеткой. Кто знает, может быть, одичалых уже молодых канареек придётся первое время подкармливать около человеческого жилья.

Ещё надо иметь в виду, что необычайно длинная, так восхищающая вас песнь кенара — продукт человеческого воспитания, продукт культуры. Есть такой анекдот: американского миллиардера привёл в восхищение газон в саду какой-то английской виллы — невиданно ровный и густой. Богач вызвал садовника и спросил его, — как ему вырастить у себя в Америке такой же газон?

«Очень просто, — ответил садовник. — Купите у нас семян, на десять пенсов, посеете их у себя, а потом будете триста лет подстригать его аккуратно, ухаживать за ним, пока он и у вас станет таким же, как в Англии».

Триста лет, из поколения в поколение человек развивал у молодых кенаров естественные музыкальные способности: подвешивал их клетки к клеткам лучших певцов — кенаров и других птиц. Из поколения в поколение кенары совершенствовались своё пение, подражая старикам, внося своё в это искусство. Что тут приобреталось подражанием, что передавалось по наследству, — вопрос сложный. Но, будьте уверены, что без «науки», без «воспитания» ни один одичалый, выращенный в лесу кенарок не будет петь так, как этот вот наш певун у нас в комнате зимой. Поэтому очень интересна мысль Колка — развешивать клетки с кенарами в лесу.

Промптовские канарейки в Колтушах через открытые окна слышат песни полевых жаворонков, лесных коньков и вплетают в свои, песни целые музыкальные фразы из их песен. А дикие певцы в силу подражания начнут учиться у клеточных своих товарищей. Молоденькие птицы — настоящие обезьянки, у них это врождённое.

Знайте же: в вопросе об акклиматизации канарейки в Земле Неведомой жизнь сама идёт вам навстречу. Канареечный выюрок — тот самый, из которого человек сделал канарейку, — давно уже начал распространяться на север и восток. Раньше он жил на Канарских островах, в Африке, на берегах Средиземного моря, а в нашем столетии отдельные парочки начинают гнездиться всё ближе и ближе к нам. Уже поселяются канареечные выюрки всё севернее по берегу Балтийского моря: в Литве, Латвии, даже в Эстонии, а восточнее — в Белоруссии. Летом выводят здесь птенцов, а в октябре собираются в стаи и отлетают на юг. Становятся, выходит, перелётными птицами. И можно надеяться, что выведенные нашими маленькими перелётными,

на зиму улетающими из Земли Неведомой на юго-запад, канареечки последуют за ними, а весной снова вернутся к нам.

Так мы дадим Родине ещё одного прекрасного певца, который без нашего доброжелательного вмешательства добирался бы до нас ещё сотни, а то и тысячи лет.

Открывая Новый — Вечно-Новый, как сказал наш поэт, — Свет, исследуя Землю Неведомую и тайны ее раскрытия, мы — колумбы — приближаем прекрасное будущее. И чем больше будет на нашей планете таких колумбов, чем крепче они будут любить Землю, изучать её, разгадывать её загадки, тем скорее развеется окутывающая её тьма незнания, и тем скорее наступит на ней счастливое солнечное утро для всего живого.

Позвольте закончить мою речешку тостом Лава, произнесённым на открытии Клуба:

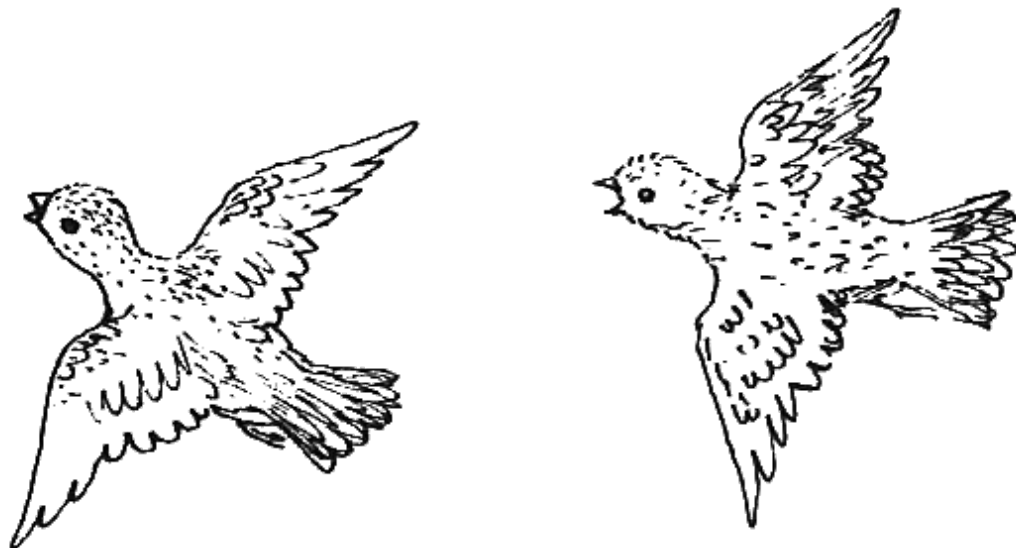
Да здравствуют колумбы
И Вечно-Новый Свет!
Привет ему, привет!
Пытливый глаз и ум бы
Сберечь нам до ста лет.

Всем членам Клуба Колумбов желаю в наступающем Новом Лесном году в Земле Неведомой сто новых вопросов, загадок и тайн!

Выпив обжигающий чай, съев обжигающее мороженое, колумбы разошлись по домам, горячо обсуждая свои будущие исследования и открытия.

Разные случаи, записанные в уют- компании Клуба Колумбов в Земле Неведомой

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто-то сказал: жизнь существует для того, чтобы о ней рассказали. Мы с этим согласны. Ведь если о нашей жизни не рассказать, — она бесследно канет во тьму времён, и потомки ничего о ней не узнают. А мы хотим, чтобы они узнали, что мы видели и пережили в нашем путешествии в Страну Неведомую. Может быть, наши товарищи-современники и товарищи-потомки заинтересуются и сами отправятся разыскивать новые земли, открывающиеся на старых землях пытливым глазам и умам.

Мы стараемся описать разные случаи в Стране Неведомой письменно. Ведь это лучший способ общения с современниками, а с потомками — единственный. Письменность — основа всей человеческой культуры.

Жизнь надо рассказать письменно: только так она дойдёт до всех людей. А это надо уметь, это не так-то просто. Вот мы и учимся.

У записанного рассказа — пером ли, карандашом или красками — свои законы. Их-то мы и стараемся постичь. Мы поняли уже, что описывать надо так, чтобы читателю было видно всё, о чём рассказываешь. А это может получиться, *только если сам видишь перед собой с закрытыми глазами*, что описываешь. Именно так всем надо учиться видеть. И тогда все будут находить слова для описания. И краски. Ведь настоящий рассказ — это не что иное, как наблюдения, чувства и мысли, облечённые в слова, написанные пером, карандашом или красками. Правда? Вот мы и стараемся, как должны, нам кажется, стараться все: ведь каждому хочется оставить после себя память о том, что он видел своими глазами, почувствовал и передумал.

А уж как это у нас получилось, — судить не нам. Мы уж сто раз обсуждали. Больше не можем.

Случаи на болоте

Ре остановилась: ей послышался за деревьями чей-то плач.

Прислушалась. Сомнений быть не могло: кто-то тоненько плакал, отчаянно, с надрывом. Как мог попасть сюда ребёнок, ещё чуть рассвело, кругом дремучий лес, рядом — болото. Но именно со стороны болота и слышался плач — отчаянная мольба о помощи, крик, понятный и без слов.

Не раздумывая, Ре бросилась через густой елушник — на помощь.

Не доходя до болота, елушник вдруг кончился. С опушки открылся широкий вид на кочковатую равнину, поросшую мхом, травой и мелкими корявыми сосёнками. Местами виднелись пятна очень яркой, светло-жёлтой травы. На одном из таких пятен что-то шевелилось, и оттуда нёсся тоненький голосок, почти свист, — теперь Ре показалось — птичий.

Но только что хотела Ре ступить на трясину, как совсем близко от неё за деревьями раздался низкий звериный рык. Ре невольно отпрянула назад в елушки. Писк тоже сразу смолк.

«Что делать? — быстро подумала Ре. — Может, это медвежонок? Медведица не хочет, чтобы я подошла к нему. А если это — ребёнок — и просто напугался зверя?»

И вдруг она вспомнила, что только что рассталась с Андом. Он пошёл по тропе и, верно, был ещё недалеко. «Вдвоём отпугнём медведицу и спасём малыша!»

Ре бросилась назад через елушки и через минуту уже была на тропе. Отбежав по ней шагов сто, она остановилась, набрала полную грудь воздуха и крикнула что было силы: «Андр-рей! Эй!»

Так было звончей, чем кричать просто «Анд!»

— Чего вопишь? — совсем близко и откуда-то сверху ответил голос Анда.

Через минуту всё выяснилось. Анд залез высоко на дерево: хотел посмотреть, что там в большом гнезде из сучьев.

Анд быстро слез, и они побежали к болоту.

Тоненький голосок опять кричал, переходя в свист. А когда Анд и Ре вышли на трясину, раздался страшный рык. Большой зверь как будто хотел отпугнуть отсюда людей.

Анд и Ре вооружились толстыми суками и стали разглядывать то, что шевелилось на светлом окне трясины.

— Да это же уши! — вдруг прошептала Ре. — Длинные уши! Но как сюда мог попасть ослёнок?!

— Понял! — сказал громко Анд. — Лосёнок попал в окошко трясины, а лосиха нас пугает. Пошли! Она ничего нам не сделает.

И правда, когда они стали подходить к отчаянно пищавшему малышу, большой горбоносый безрогий зверь вышел из чащи, но приблизиться к ним не решился и только всё время издавал низкий не то рёв, не то рык, казалось идущий у него из самой утробы. Это действительно была лосиха.

Её лосёнок провалился в болото и увяз в нём до половины тела. Горбоносенькая голова его с длинными ушами напоминала голову ослёнка, но, когда Анд вытащил его, — для этого потребовалась вся его сила, — всякое сходство с маленьким ослон у лосёнка исчезло: так высок он был на своих тонких ногах.

— Вот глупыш! — сказал Анд, продолжая обнимать лосёнка за шею. — Убежал, верно, от мамы, вот и попал в дыру. Мама-то отлично переходит трясины, а ты... Так и погиб бы, если б не Ре. Кланяйся, кланяйся ей, — благодари! — И Анд несколько раз наклонил голову лосёнка. — Маме-то твоей никак было не вытащить тебя из болота.

Анд и Ре вдвоём потащили дрожащего, слабенького лосёнка, — видно, он давно уже погрузился в болото и совсем выбился из сил, пытаясь выкарабкаться из него. Анд вёл его за шею, а Ре поддерживала сзади под крошечный, твёрдый хвостик. Доведя до твёрдой земли, отпустили его — и ногастый телёночек сразу зашатался и опустился на мох.

Анд и Ре отошли в сторону и стали смотреть, что будет дальше.

Замолчавшая теперь лосиха долго не решалась выйти из леса и приблизиться к своему детищу. Но материнская любовь пересилила даже страх перед людьми: она подошла, носом подняла телёночка с земли и тихонько увела его в чашу.

Ни к чему чутьё

— Боб! Боб! Да Бобик же! — сердито кричала Ля. — Пошёл домой! Слышишь? Фу, какой ты недислипи... как его? — недисциплинированный!

У неё даже язык заплёлся, — так она волновалась. Вчера, расставляя в лесу ловушки на мышей, она наткнулась на какую-то птицу, с шумом вырвавшуюся у неё из-под ног. Под птицей в небольшой ямке оказалось восемь в бурых крапинках яиц. Сейчас Ля вела Анда в лес — показать ему гнездо. За ней увязался Бобик — большой деревенский пёс. Нельзя же было допустить, чтобы он, увязавшись за ними, разорил птичье гнездо.

Бобик внял уговорам, только когда сердито прикрикнул на него и замахнулся Анд, поджал хвост и побежал обратно в деревню.

Гнездо было близко от опушки леса. Не доходя до него нескольких шагов, Ля сказала шёпотом:

— Вот тут, у самого осека, у изгороди. Под пятой парой колышков, у маленькой осинки с такими лопухими листьями. Видишь?

Анд долго всматривался — и наконец увидел совершенно неподвижный глаз. Этот глаз помог увидеть клюв, потом голову, потом всю птицу: её оперение удивительно сливалось с лесной землёй.

— Это рябушка, — тихо сказал Анд. — Не будем её беспокоить. Ты только проходи здесь каждый день — и сообщи мне, когда выведутся маленькие рябчики. Я запишу себе. Зная, сколько дней она высиживает, можно будет рассчитать, когда она села на яйца. Известно также, через сколько дней после выхода из яиц молодые рябчики поднимутся на крыло. Смотри только, чтобы кто-нибудь не разорил гнездо.

Сказав это, Анд углубился в лес, и Ля потеряла его из вида.

Постояв несколько минут на месте, Ля подивилась, как терпеливо и самоотверженно самочка рябчика высиживает своих ребятишек: ведь она рисковала жизнью, прикрывая собой яйца, лежащие в ямке совсем открыто. Потом повернулась и чуть не вскрикнула: опустив нос к земле, со всех ног догонял её непослушный Бобик.

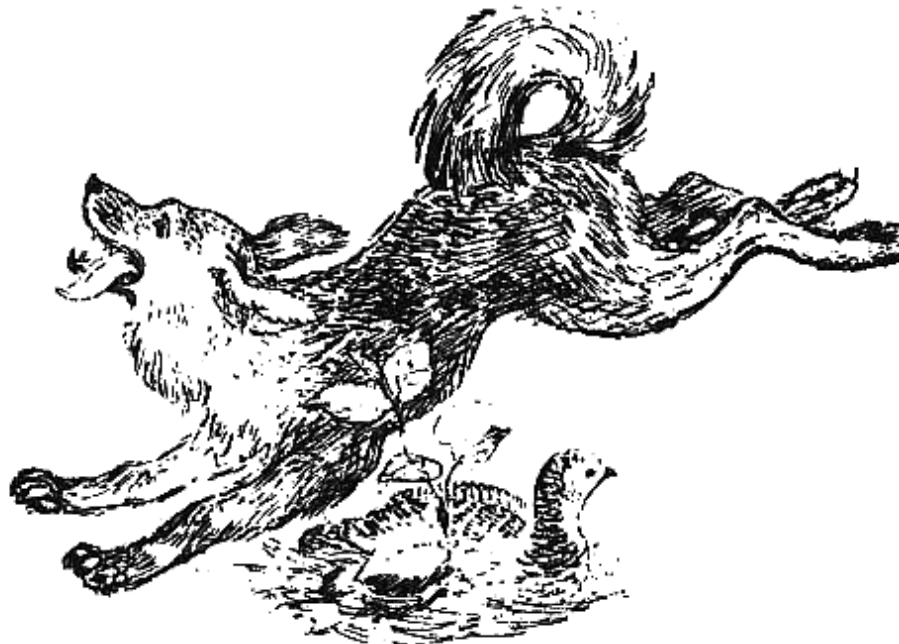
Вбежав на опушку, Бобик поднял голову, увидел девочку и, радостно тьякнув, понёсся к ней.

«Чутьём нашёл! — успела только подумать Ля. — Сейчас зачует рябушку...»

Тут Бобик подбежал, вскинулся передними лапами ей на грудь. Ля хотела схватить его за шею, но пёс, вообразив, верно, что и она ему обрадовалась, хочет поиграть с ним, — отскочил в сторону и, делая на бегу круг, помчался прямо на рябушку.

Крик замер в груди Ля. Пёс, двух шагов не добежав до сидящей птицы, сделал большой прыжок... и проскочил сквозь жерди осека.

Бобик *перескочил* через рябушку, явно её не заметив и не причуяв.

Поражённая Ля, едва опомнясь, побежала к опушке, чтобы увлечь за собой пса. У неё шибко билось сердце, и она никак не могла взять в толк, — почему пёс не зачуял птицы? Ля увела Бобика в деревню и привязала его там на верёвку.

Случай этот — хорошая иллюстрация к краткому сообщению Колка, что гнездящиеся на земле птицы, садясь высидывать, не смазывают, как обычно, свои перья жиром из кобчиковой железы, что у них над хвостом, теряют запах и так становятся «неслышимками» для чутья зверей. Иначе сколько наседок и высидываемых ими на земле яиц погибало бы от собак, волков, лисиц, хорьков, горностаев...

Хитро устроена птичья жизнь! Бывает, — против них даже у зверей ни к чему чутьё.

Таинственное исчезновение

Разве зверь *о* логам заказано ходить в лес вдвоём с птицей *о* гами? А может быть, Вовк случайно встретился с Ми в лесу, — об этом нам ничего не известно. Ми рассказала только, что, когда они дошли до Малой полянки, Вовк вдруг схватил её за руку, прошипел страшным голосом: — «Тишшше!» — и показал пальцем на какого-то серенького зверька, перепрыгивающего с дерева на дерево по направлению из глубины леса к поляне. Зверёк, верно, не заметил колумбов, потому что

совершенно открыто уселся на одной из верхних веток последней на опушке сосны, изогнулся и задней лапкой быстро-быстро почесал себя за ушком.

— Кто это? — шёпотом спросила Ми.

— Белка такая.

— Что, я не знаю, думаешь, что белки рыжие летом бывают! — рассердилась Ми. — Разыгрываешь! И хвост не такой.

Хвост действительно был не такой пушистый, как у белки, но в общем-то зверёк походил на белку — зимнюю, когда они серые бывают.

Не успел Вовк ответить, как зверёк добежал до конца ветки и метнулся в воздух. Он широко растопырил лапки и плавно пронёсся через полянку до высокого осинового пня. Приземлился на его стволе в самом низу, — летя через поляну, он потерял, конечно, высоту, — и сейчас же винтом, винтом вокруг ствола побежал вверх. Тут только я увидела на пне круглую чёрную дырку. Это было дупло, и зверёк исчез в нём.

— Я же тебе говорю, — уже не шёпотом сказал Вовк, — что особенная такая белка — летающая. Так и называется: летяга, полетуха. Понимаешь: это целое открытие! Редкий у нас туземец. Давай платок.

— Я думала, — рассказывала Ми, — он с ума сошёл от радости. Сдёрнул у меня с головы платок и побежал на поляну. Я испугалась и пустилась за ним: мало ли что человек может натворить в таком состоянии!

Вовк полез на высокий пенёк. Я стояла внизу и видела, как из дупла высунулась усатая мордочка с большущими задумчивыми глазами. Повертела крупной головой и втянулась обратно.

Вовк долез до дупла, держась ногами и одной рукой за ствол, другой скомкал мой зелёный штапельный платочек — хорошо, что он не мнётся! — и заткнул им дырку. Потом быстро соскользнул вниз и гордо объявил, с трудом переводя дыхание:

— Ну, теперь попалась! Будет сидеть тут, пока мы не сбегает за нашими. Помчали!

Запахавшись, мы примчались в Лысово, но никого там не застали, кроме Пафа и случайно задержавшегося Анда. Паф, конечно, отказался пойти помочь нам: у него же своей работы полно, а Анд, конечно, пошёл.

Прибежали назад на полянку. Смотрим, — мой платок по-прежнему торчит из дупла. Я обрадовалась: боялась, что белочка его сгрызёт.

Мы с Андом остались внизу, а Вовк полез, вытащил из дырки платок, приставил к ней прихваченный из дому мешок. Тут Анд принялся колотить сучком по стволу. По их расчёту, оглушённый зверёк должен был выскочить из дупла и попасть в подставленный мешок.

Но зверёк не давал о себе знать.

Ещё постучали. Никого! Тогда Вовк говорит:

— Слушай, Ми, — наверняка у тебя есть карманное зеркальце. Дай мне, — погляжу, где она там прячется, — глубоко ли дупло?

А Анд ему:

— Стой! Я всегда беру в лес зеркальце, насаженное на ручку. Это моё изобретение: плядеть, что в гнёздах у дуплогнездиков.

И он протянул Вовку маленькое круглое зеркальце на палочке.

Вовк убрал мешок и ввёл зеркальце в дупло.

— Никого! — смущённо сказал он. — Что за чертовщина! — И соскользнул на землю.

Анд расхохотался: уж очень был у Вовка глупый вид.

— Тоже мне!.. — разозлился Вовк. — А ты понимаешь, как она оттуда исчезла? Чтобы вылезти, она должна была вытолкнуть платок.

— Тонкая мысль! — насмешливо сказал Анд.

— А ты объясни, попробуй! — налетел на него Вовк и так сердито поглядел при этом на меня, будто я была виновата в том, что летяга исчезла.

— Очень просто: недомыслие, — спокойно сказал Анд. — Держи зеркальце и лезь опять к дуплу.

Вовк плюнул со злости, но послушал Анда.

— Ну? — спросил он, снова тщательно осмотрев дупло. — Никаких больше дырок в нём нет. Я ещё тогда осмотрел ствол кругом.

— А ты поверни зеркальце вверх, — сказал Анд.

Вовк повернул.

— Ах ты, штука какая! — удивился Вовк и стремительно прикатил вниз. — Кто ж его знал, что всё дерево внутри пустое!

— А как же бы иначе оно обломалось выше дупла? — сказал Анд. — Соображать надо, соображать, а не торопиться, друзья колумбы.

Пытливый глаз да ум бы нам, так, кажется, у Лава?

Знаменитый штапель Ми

Дремучий лес. Тропинка. По тропинке спокойно идёт хорошенькая Ми в своём знаменитом после происшествия с летягой зелёном штапельном платочке.

Откуда ни возьмись — большая серая птица.

С криком она налетает на Ми, срывает с её головы штапельный платок, поднимается с ним в воздух, запутывается в платке, падает на землю, как-то освобождается, взлетает с платком, висящим у неё на одном когте, задевает концом платка за ветку и исчезает за деревьями. А штапельный платок остаётся висеть высоко на дереве, и ветер раздувает его подобно вымпелу, поднятому на мачту.

Совершенно растерявшаяся Ми так и стоит на тропинке, глядя на свой штапельный платок, висящий на гладкоствольной сосне так высоко, что девочке и думать нечего долезть до него.

«Она бешеная!» — думает Ми.

Тут с отчаянным писком возвращается птица. Ми руками обхватывает голову, с криком бежит по тропинке, каждое мгновение ожидая получить удар в затылок, и вдруг натывается на Анда и в изнеможении опускается на землю. Серая птица с писком уносится прочь.

— Что это? — спросила Ми. — Она бешеная?

— Видишь ли, — смущённо отвечает Анд. — Это ястребиха. Она подумала, что ты хочешь разорить её гнездо. У неё гнездо тут, рядом с тропкой, — не заметила? Час назад я залезал на дерево и взял из гнезда одного из её птенцов.

Анд полез за пазуху и извлёк из-под рубахи довольно большого, уже пухового птенца. В пуху блестели испуганные жёлтые глазёнки и крючковатый клюв. Длиннопалые когтистые лапы судорожно сжимались.

— Она и на меня налетела, но я отбился, чуть не зашиб её сучком. Позволь! А где же твой знаменитый штапель?

— Она повесила его на высокое дерево. Он там и развеивается.

— Минутку! — И Анд быстро пошёл по тропе.

Ми, опасаясь возвращения ястребихи, забила под густые лапы ели. Минут через пять Анд вернулся с платком. Но что это была за

дырявая, жалкая тряпка! Ястребиха здорово поработала когтями и клювом, освобождаясь от неё.

— Вот упрямый! — сердито сказала Ми, незаметно вытирая слезинку. — То летягу ловил, то ястребиху. Возьми платочек себе вместо ловчей сети. Теперь он больше ни на что не годится.

Умиращее озеро

— Слушай, Пиф-паф! — сказал Анд, однажды утром собираясь в лес. — Ты совсем какой-то стал слабый до умеренного. Совсем закиснешь, если будешь сидеть дома. Ты уж и так поперёк себя шире. Как отец, тебе говорю: пошевеливайся давай! Идём-ка на Федушино — рыбачить. Давно у нас рыбки не было. Всех порадует.

— А где это Федушино?

— Да всего каких-нибудь три километра.

— Ещё поймает ли что? За десять вёрст киселя хлебать! Тоже мне! Не пойду.

Но силач Анд вынул толстяка из кровати, как куль муки из ларя, поставил на ноги и строго сказал:

— Одевайся! Довольно бездельничать.

По дороге, стараясь заинтересовать Пафа, Анд рассказал ему, что колумбам удалось узнать о лесном озёрке Федушине. «Образовалось оно из старицы когда-то протекавшей здесь рек». Древняя река пересохла, перестала существовать. Вода осталась только в ямах, куда сбегались роднички. Но их становилась все меньше, и озеро уменьшалось, берега его заросли травой. Уменьшается каждый год оно и сейчас. Пройдёт ещё несколько десятков лет — и озеро совсем зарастёт, превратится в велье, как говорят новгородцы, — окончательно заросшее озёрко. А пока, говорят, в нём развелось столько рыбы, что прямо хоть ведрами таскай.

Последнее сообщение Анда расшевелило Пафа, и, когда они дошли, до озера, толстяк с необычайной для него живостью начал разматывать принесённые с собой удочки и насаживать на них червей.

— Ну вот, — сказал довольный Анд, — закидывай удочки, а я пойду жерлицы поставлю. Назад пойдём, — проверим, может, и попадётся какой щурёнок: тут их много. Наживку я ещё с вечера

наловил в реке... Клёв тебе на уду! — И Анд, забрав жерлицы, отправился расставлять их по тому берегу, которым они только что пришли.

Заняло это у него немногим больше получаса. А когда он вернулся, Пафа он на месте не застал. Обе его удочки были воткнуты в землю, а сам рыболов исчез.

— Пошёл по своим ботаническим делам, — решил Анд, развернул свои удочки и стал ловить на все четыре.

Клёв был замечательным: Анд едва успевал вытаскивать попавшую то на один, то на другой крючок рыбу. К удивлению Анда, всё это были окуни, одни окуни.

Анд пошёл вокруг озера. Время от времени он останавливался и закидывал свои удочки. Так он обошёл пол-озера и, когда вернулся назад, в его улове было больше десятка рыб, — но опять-таки одни окуни. Пафа всё ещё не было, но Анд даже не встревожился: другое было в голове. Он сел на пенёк и глубоко задумался.

Думал он об умирающем озере Федушине и его жильцах — рыбах.

Ясно представился ему кусок реки, ставший озером. Всё рыбное население его попало в ловушку: выхода из озера не было. Но горевать не приходилось: еды в озере было даже больше, чем в реке. В зарастающем травой и водорослями замкнутом бассейне плодились во множестве рачки, насекомые и другая мелочь — лакомство для плотиц, подлещиков и другой рыбёшки. А она, в свою очередь, служила пищей хищным рыбам — окуням и щукам.

Озеро всё уменьшалось. Хищникам было всё удобнее ловить мирных рыб. Прошло время, когда они поели всех других рыб. Остались одни окуни да щуки. Анд и раньше слышал, что в этом озере живут только эти две породы рыб, но как-то не обратил на это внимания.

Теперь положение этих лютых хищников представилось ему во всём его безобразном ужасе. Очевидно, кто-то из них должен побеждать в страшной борьбе за существование. Или щуки поедят всех окуней, либо окуни — щук. И тогда начнётся настоящее самоедство: победители должны будут пожирать самих себя: щуки щук или окуни окуней. Взрослые, сильные рыбы начнут истреблять свою же молодь. И очень скоро хищный род сам себя истребит. Таков естественный

конец всех хищников на земле: сначала — других, потом — себя. Анд содрогнулся от пришедшей ему в голову мысли.

И в этот момент он услышал странный, жуткий звук: какой-то хрип и прерывающийся свист, точно кто-то кого-то душил, и дыхание с хрипом и свистом вырывалось из сдавленного горла.

Андрей не был трусом. Он поспешил на звуки.

За кустами лежал, раскинувшись на своём плаще, Паф. Он мирно спал, издавая горлом хрипящие звуки и свистя во все «носовые завёртки».

Андрей провёл рукой по лбу и волосам, как бы прогоняя сон, наклонился и невежливо встряхнул Пафа за плечо.

— А? Ты чего? — спросонья возмутился толстяк.

— Ничего, — жёстко сказал Анд. — Вставай. Пошли обедать.

И больше не стал с ним разговаривать, как Паф перед ним ни оправдывался.

По дороге назад Анд одну за другой снимал подвешенные к нижним веткам кустов жерлицы. На жерлицы ему ничего не попало. Только на последней ходила порядочная — больше полуметра длиной — щука. Анд вытащил её из воды и тут же оглушил обушком своего охотничьего топорика.

— Дай мне понести, — умильно попросил Паф. — Пожалуйста!

— Сделай одолжение, — равнодушно разрешил Анд, передёрнув плечами.

И, когда они стали подходить к деревне, Паф затеял разговор о том, что сегодня он не выспался, Анд слишком рано поднял его на рыбалку, что он любит удить, но сегодня так вышло, что он проспал в кустах и что его засмеют девочки, если Анд расскажет об этом, — так нельзя ли ему сказать, что щуку поймал он?...

Анд посмотрел на него долгим взглядом, потом сказал:

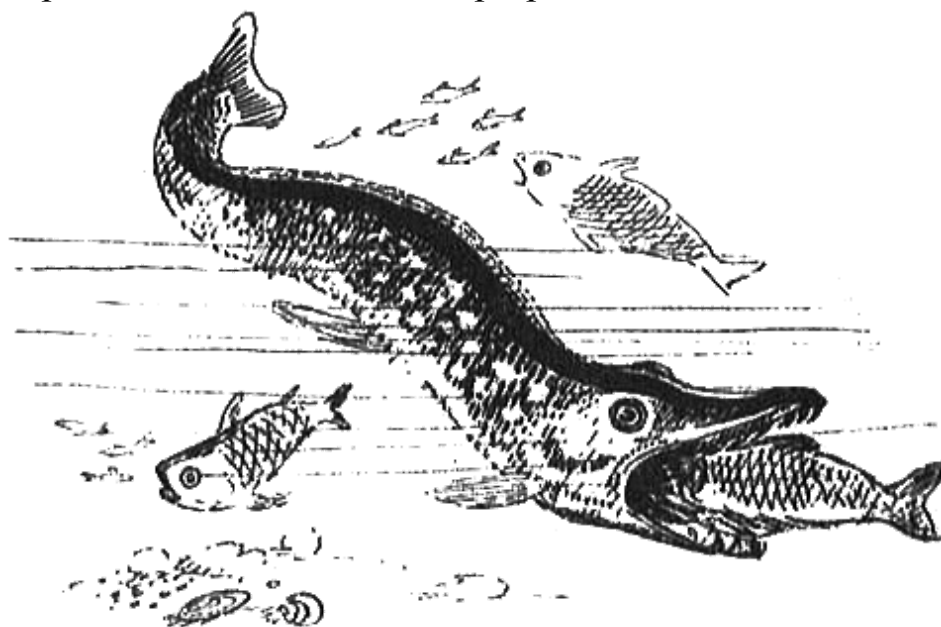
— Ладно.

Дежурили в тот день Ре и Ля. Они очень обрадовались хорошему улову и сразу принялись чистить рыбу. Паф не преминул как бы между прочим упомянуть, что щуку поймал он. Ля пришла в восхищение. Ре посмотрела на Пафа большими глазами: видно, усомнилась.

Вскрыв ножом толстую щуку, она ахнула:

— Смотрите, какой в ней окунище! Вот щучья пасть!

Но ещё больше она удивилась, когда в проглоченном щукой окуне нашла шурёнка, а в шурёнке — маленького окушка. Щука оказалась рыбой-матрёшкой: в ней было ещё три рыбы — мал мала меньше.

Вечером в уют-компании Анд рассказал о трагедии в озере Федушине, — как оставшиеся в нём два вида хищников ведут друг с другом непрерывную войну и как победитель должен будет прибегнуть к самоистреблению, должен будет поедать своих деток, чтобы ещё немного поддержать своё существование.

— Замечательной иллюстрацией к этой картине, — сказал Паф, — может служить пойманная мною щука-матрёшка. Пока ещё в этом умирающем озере идёт взаимное истребление щук и окуней.

Анд взмахнул ресницами, посмотрел на хвастуна прищуренным взглядом, переглянулся с улыбнувшейся Ре и ничего не сказал.

Неужели сообразила?

— Позвольте и мне, — сказал Таль-Тин, — рассказать вам один сличай. То, что я вам скажу сейчас, я видел собственными глазами, сидя вот тут, в нашей уют-компании, как вы её называете, за моим рабочим столом, у этого вот открытого окна. Случай, наводящий на большие размышления. Ручаюсь за каждую подробность. Но заранее вас предупреждаю: не спрашивайте у меня объяснений. Думайте сами.

Утром сегодня я, как уже говорил вам, сидел у раскрытого окна и писал. Подняв голову от бумаги, обратил внимание на воронка — городскую ласточку. Как видите, парочка воронков вылепила себе гнездо под крышей избы напротив. Гнездо уже закончено стройкой, и со вчерашнего дня птицы принялись таскать пёрышки и пух для подстилки. Похоже, что материал таскает самчик, а самочка сидит в гнезде и всё там устраивает, как ей надо. Ну, поскольку они с виду неразличимы, — не докажешь, так ли это. Впрочем, простите, для моего рассказа это и не важно, Я увидел, как воронок, — буду называть его самчиком, — принёс в клюве большую белую пушину и, прицепившись к летку глиняной своей постройке, хотел передать пушину высунувшейся из гнезда самочке.

Утром был сильный ветер, и передать ей свою находку ему не удалось: её у него вырвало и взметнуло выше крыши.

Самчик сразу же бросился её ловить. Лёгкая пушина, качнувшись два раза в воздухе, была схвачена, — и воронок вернулся с ней на гнездо.

Казалось бы, если птицы вообще что-нибудь соображают, — воронок должен был учесть неудачный свой опыт и поаккуратнее

передать пушину самочке. Но он просто сунул свой лёгкий груз в леток, даже не дождавшись самочки. И, конечно, пушину опять сразу вынесло оттуда сильной струёй воздуха.

Всё повторилось с начала: пушину взметнуло и понесло. Самчик кинулся за ней вдогон и ловко поймал её на лету.

И вот тут-то и произошло то, ради чего я и взялся рассказать вам эту маленькую историю.

Вместо того, чтобы вернуться с добычей к гнезду, воронок вдруг взмыл, сделал круг над избами, снизился и с бредущего полёта приземлился около вот этой лужи: она осталась у меня под окном после сегодняшнего ночного ливня. На краю этой лужи другие ласточки выковыривали кусочки размокшей земли и уносили в клювиках комочки её для лепки гнёзд.

Мой воронок прилетел сюда не за этим. Он просто обмакнул пушину в лужу, — вспорхнул — и помчался с ней к своей самочке.

На этот раз он благополучно передал хозяйке свою отяжелевшую добычу.

Вот и всё, что я хотел вам рассказать.

— М-да! — задумчиво сказал Анд. — «Есть много, друг Горацио, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам», — сказал Гамлет, принц датский. Впрочем, наш известный орнитолог из института великого Павлова писал же, что кроме стандартного видового поведения — рефлекторного, — у каждой птицы есть ряд индивидуальных отклонений от норм поведения. Как-то учитывают же птицы свой жизненный опыт в данном месте и при данных обстоятельствах. Без этого они не могли бы существовать.

— Стандарт видового поведения, — налетела на него Ми, — рефлексы, отклонения от норм, — нельзя ли не так учёно! А вы какого мнения о птичьём уме, Таль-Тин?

— Я не знаю, — улыбаясь сказал Таль-Тин.

Упрямый лягушонок

— Самое удивительное, — сказала Ре, — когда неожиданно вступают в общение совсем разные животные, в обычной жизни почти

не встречающиеся друг с другом. Разных классов животные. Замечательный видела я сегодня случай.

Помните, какое было холодное утро? Почти что «заморозок на почве», как объявляют в метеосводках. А я еще на заре пошла в лес и часам к девяти так замёрзла, что решила поскорей вернуться домой — погреться. Перехожу вырубку, вижу — лесной конёк с кормом. «Надо, — думаю, — последить, куда он полетит?» Стала неподвижно за кустиком. Он не стал долго ждать, — полетел к опушке и, не долетев до неё, шмыгнул в траву у берёзового пня. Через минутку вылетел — уже без корма.

«Ага! — думаю. — Всё понятно!» Подошла к пню, — там на земле гнёздышко. Да так интересно устроено: под большим древесным грибом, как под крышей!

Наклонилась — что за чудо! В гнезде четыре голых птенчика и с ними... лягушка! Обыкновенная коричневая травяная лягушка-турлушка. Сидит себе, прикрывая своим телом птенчиков, и лупит на меня глаза.

Я, конечно, вынула её оттуда, — ещё задавит птенчиков! — и бросила в траву. Пока рассматривала птенцов, — она опять тут! Прыг, скок — и прямо в гнездо!

Я возмутилась. «Ты что, — говорю, — с ума сошла! Где это видано, чтобы лягушки в птичьих гнёздах сидели! Марш отсюда!»

Схватила её и отнесла подальше, шагов, верно, за двадцать.

«Сиди тут!» — А сама вернулась к пеньку: зарисовать гнёздышко под крышей-грибом.

Стою, рисую в записной книжке, — минуты, пожалуй, три прошло. Глядь — опять лягушонок пожаловал! Уверенно так направление держит на гнездо. Раз! Раз! — и заскочил в него! Коньки, как я подошла, прилетели оба — и папа и мама — летают вокруг, пищат, беспокоятся страшно. Ну, я быстренько набросала гнездо и пошла.

— А лягушку в гнезде оставила? — ахнула Ля.

— Оставила, — сказала Ре. — Я так рассудила: когда конёк принёс корм детям в первый раз, он не беспокоился? Не беспокоился, хотя лягушонок уже сидел в гнезде. Я отошла от гнезда, стала издали за ним следить. Они сразу умолкли, хоть лягушонка я оставила в гнезде. Значит, их беспокоила я, а не лягуш. Вот и пусть сами разбираются. Кто их поймёт, — коньки, может, из милосердия лягуша пустили: погреться около их птенчиков.

Но это Ре, конечно, шутила.

Мышь-самоубийца

— Смотрите, смотрите! — вбегая в уют-компанию, кричала опоздавшая на собрание Ля. — Я нашла повесившуюся лесную мышь!

И она подняла за хвост большую жёлтогорлую мышь у себя над головой.

Колумбы обступили Ля и забросали её вопросами:

— Как так? Где? Бедненькая! Почему повесилась? Покончила самоубийством? Ты уверена в этом?

— Как же не уверена! Да в лесу у самой Земляничной горки, висит в развилочке ветки ивового куста! — отбивалась Ля. — Зачем бы её туда понесло? На куст-то! Очень ей надо! С голодухи, ясно: вон какая тощая, просто ужас!

— Пожалуйста, — попросил Таль-Тин, — покажите, дайте сюда..

Ля положила мышь ему на стол.

— Чудачка! — сказал Таль-Тин, внимательно осмотрев зверька. — Во-первых, она не тощая, а просто засохшая. Провисела, надо полагать, месяца два — с весны — на кусте, на ветру, на солнце. Вот и высохла. На шкурке, правда, никаких ни ранок, ни других признаков насильственной смерти. Это уж само по себе наводит на мысль о самоубийстве. Да она и есть самоубийца.

— Вот я и говорю! — перебила Ля. — Весной был мышиный голод и...

— А во-вторых что? — спросила Таль-Тина настойчивая Ре.

— Как так? — удивился Таль-Тин.

— Вы же сказали: «Во-первых, она засохшая». А во-вторых что?

— А-а! Верно, верно! Во-вторых, с голодухи мыши не вешаются. И в-третьих, ни зверь, ни птица, ни какое другое животное самоубийством нарочно не может покончить: это на земле, так сказать, привилегия одного человека. Для животного это слишком сложный акт сознания.

— А всё-таки повесилась эта, — настаивала Ре. — Вы же сами назвали её самоубийцей.

— Невольной, разумеется. На севере Сибири это явление распространенное. Там десятками находят повесившихся на таловых кустах — ивовых тоже. Весной. Когда после оттепели веточки кустов обледеневают. Мыши — сами знаете — не такие уж мастера лазать. Они часто обрываются с веток и, если ниже есть развилка, — застревают в ней головой и уж не могут освободиться. На таловых кустах они кормятся в это время их почками, барашками, цветами.

Поэт Лав тихим голосом спросил:

— Вы говорите, — никто в мире не кончает самоубийством, кроме людей. А как же быть с рассказами о том, как жестокий стрелок убил белую лебёдку, а лебедь тогда поднялся в небо и бросился из-под облаков об землю: не захотел жить без своей лебёдки.

— Очень трогательная легенда, — сказал Таль-Тин. — Но поступок любящего лебедя — чисто человеческий поступок. У многих птиц привязанность самца иногда очень сильна и глубока. Многие браки у них — в частности у лебедей — длятся иногда всю жизнь. Больше того: один из супругов, потеряв другого, может зачахнуть и умереть, — бывает и такое. Но зачем приписывать птице — совершенно отличному от нас существу — только нам свойственную психологию? Я более чем убеждён: *сознательно* пойти на самоубийство ни одно животное не может. Это абсурд.

Необычайная гроза

Чёрная туча медленно надвигалась по низу неба в той стороне, откуда километров за тридцать иногда чуть доносились до нас гудки паровозов. Там пролежала железная дорога Москва-Ленинград. Медленно туча шла на Ленинград.

Первый гром услышали мы в глубине леса, а ливень хлынул, когда мы дошли до опушки. Бежать домой было немыслимо: между нами и деревней лежали поля.

— Как жаль, что я не взяла с собой купального костюма! — сказала Ми. — Отлично можно бы выкупаться по дороге.

Все мы — До, Ре, Ми и я — Лав — с Вовком — отлично знали, что прятаться в грозу под елями не годится: в лесу молнии чаще всего ударяют, в высоченные остроконечные ели. Но сильный дождь картечью пробивал листву осин и берёз, хвою сосен, а под огромной елью было, как в шалаше. Мы все спрятались под елью, у самой просеки.

Над нами грозы не было, — только ливень. Но над горизонтом творилось что-то страшное. Там то и дело сверкали молнии. Они напоминали толстые, витые из проволочек огненные тросы. Но замечательнее всего было, что эти страшные молнии не из тучи извергались в землю, а били из земли в небо! Никто из нас никогда не видел таких удивительных молний. Мы только молча переглядывались. Жутко было. Думалось: «Уж не перевернулась ли Земля кверху ногами...» Вдали глухо ворчал гром. И казалось, — сейчас может случиться всё самое необычайное, самое невероятное.

И случилось.

Откуда он взялся, — никто из нас не заметил. Но все сразу вдруг увидели на прямом суке сосны по ту сторону просеки, всего шагах в сорока от нас, странный, светящийся, мерцающий шар величиной с детскую головку. Бледный огненный шар, совершенно непонятного происхождения — и этим наводящий жуть, — таинственный шар.

— Не шевелитесь! — грозным шёпотом прикрикнула на нас Ре. — Он может устремиться за нами.

А куда там было бежать? Мы от страха прилипли к месту.

И вдруг Вовк говорит во весь голос:

— Ну, чего трусили? Хотите, я сейчас подбегу к нему и сшибу суком?

Не знаю, перед Ми это он фигурировал своей храбростью или на самом деле подошёл бы к таинственному шару, но как раз тут шар сильнее замерцал, вдруг снялся с сука и медленно поплыл по воздуху. Казалось, его потянуло в просеку, как в трубу. Мы судорожно схватились за руки: ждали, — он вот-вот с громом и треском взорвётся, как бомба! И, может быть, убьёт нас. Ничего не взорвалось.

У нас на глазах шар стал бледнеть, бледнеть, мерцание становилось всё слабее, — и шар как растаял в воздухе, просто перестал существовать. Постояв ещё немного под елью, мы побежали домой.

Ливень, оказывается, давно кончился.

Конец рассказа «Необычайная гроза»

Когда мы собрались в уют-компани, Таль-Тин подошёл к книжной полке и достал с неё книжку «Словарь-справочник по физической географии» Баркова и прочёл вслух следующее:

«Молния — электрический разряд между отдельными слоями туч и между тучами и землёю.

Возникновение молнии обусловлено электризацией частиц трением. При падении крупных дождевых капель они, вследствие сопротивления воздуха, сплющиваются и разбиваются на более мелкие, причём сами капли приобретают положительный заряд, а воздух — отрицательный.

В результате дальнейшего падения капель между верхними и нижними слоями тучи, а также между последними и землёю, создаётся разность потенциалов, достигающая, в конце концов, таких размеров, что происходит электрический разряд, часто сопровождающийся громом.

Молнии бывают линейные, в виде ослепительно-яркой извилистой линии со множеством разветвлений, — плоские, без определенных контуров, — и шаровые».

— От себя скажу, — продолжал Таль-Тин, закрывая книгу, — что направление молнии зависит от распределения электрических зарядов между землёю и облаками. Различают положительные молнии, удар которых происходит из положительно заряженного облака в землю, и отрицательные, бьющие с земли в облако. Насколько редки эти «отрицательные молнии», — сказать вам не могу: сам в первый раз вижу такие...

Что касается светящегося шара, сидевшего на сосновом суку, то новейшая физическая гипотеза объясняет возникновение таких шаров прохождением искрового электрического разряда через газы. От искры в газах происходят различные химические изменения, в воздухе образуется при этом азот, отличающийся длительным послесвечением. Вы видели либо шаровую молнию, либо — огонь святого Эльма. Это

средневековое название пошло от церкви святого Эльма в Италии. На башне этой церкви такие огни почему-то частенько зажигались и пугали верующих.

Шаровая молния иногда распадается с треском. Раз у вас исчезновение шара сопровождалось только едва слышным пощёлкиванием, — значит, вы, надо полагать, видели огонь святого Эльма.

С чем вас и поздравляю: не каждому приходится в жизни наблюдать это замечательное явление!

Морлоки

Ля проснулась первая — ещё на зорьке. Вскочила и, чтобы не разбудить других девочек, тихонько, без стука открыла окно.

Радостные утренние сумерки пахнули ей в лицо, и так легко дышалось. Свет прибывал волнами, освещая всю Вселенную, и доброй Ля казалось, что всю землю сейчас зальёт солнце, всюду будет только его золотой свет, все тени скроются, всё кругом будет сиять. Ей вспомнилась строчка из Пушкина: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» И в это мгновенье — или это только причудилось ей? — в ещё не растаявших сумерках мелькнули у неё над головой какие-то быстрые тени. Она посмотрела вниз, на двор, — и там двигалась какая-то серая в тёмных пятнах тень: вроде толстой длинной змеи. Но через миг она поняла: это вышло из-под крыльца и не торопясь идёт по двору целое хорчиное семейство; впереди — большой хорёк, сзади — гуськом — три маленьких. Их серые — цвета сумерек — шкурки были едва различимы глазом, и если б Ля в своём юннатском кружке не присмотрелась заранее к ручному хорьку, ей ни за что бы не понять, что это звери. В живой предутренней тишине не слышалось ни малейшего шороха, и робкой Ля вдруг показалось, что перед ней — в воздухе и на земле — какие-то бесплотные тени спасаются от быстро разгорающегося света.

Четыре хорька беззвучно перешли двор и скрылись под полом сарайчика.

Очень скоро после этого показавшаяся над горизонтом макушка солнца брызнула в мир ослепительным светом, — и все виденные на заре тени стали как будто не существовавшими. С шумом начали подниматься До, Ре, Ми, Си, и Ля вспомнила о своих сумеречных призраках только уже за чаем.

— Девочки, что я вам расскажу!

Выслушав рассказ Ля, рассудительная Ре сразу же сообразила: «Верно, у хорчихи под нашим крыльцом было гнездо, а утром она перевела своих хорчат под сараюшку. Надо просить мальчиков посмотреть под сараюшкой и под крыльцом».

— Воображаю, — сказала художница Си, — сколько кур в деревне истребило это хорчиное семейство! Странно, почему наша хозяйка не жаловалась нам на этих бандитов?

В то же утро Вовк и Колк тщательно обследовали крыльцо дома девочек и нашли под ним ком тряпок и шерсти, явно служивший хорчихе гнездом. Однако под полом сараюшки никаких следов пребывания хищных зверьков обнаружить им не удалось. Хорчиха, очевидно, увела свою молодёжь куда-то дальше.

Из расспросов хозяйки выяснилось, что куры у неё не пропадали. Одну только у неё на глазах унесла большая сова, но тут уж виновата сама хозяйка: взяла эту курицу вечером из курятника перевязать ей сломанную ногу, да и пустила во двор в густых уже вечерних сумерках. Тут её и подхватила пролетающая над деревней сова.

— Где же мне теперь расставить капканы на этих чертей? — недоумевал Вовк. — В том-то и беда, что это обычная картина: хорьки не воруют кур в том хозяйстве, где выводят хорчат. Я читал об этом. И белая сова не трогает своих птиц-соседей, и волки не станут резать скотину вблизи своего логова. Такой у них закон, — верно, чтобы люди не обнаруживали, где они выводят. Вот тут и изучай жизнь и повадки таких ночных туземцев! Их и увидеть-то почти невозможно.

— А как всё-таки, должно быть, страшно птичкам и зверькам ложиться спать, — сказала Ля. — Лав, ты читал «Машину времени»

Герберта Уэллса? Помнишь: там спят в цветах крылатые человечки, а ночью из-под земли выходят ужасные морлоки — и хватают их. Я, когда читала, спать не могла.

— Вот уж не понимаю, — что тут страшного! — удивился Лав. — Впрочем, ты у нас известная трусиха, — даже грозы боишься. Р-раз молния — и всё! Очень даже гигиенично. Пожалуй, я напишу об этом стихи.

И на другой день Лав торжественно вручил Ля своё стихотворение

В тот тихий час, когда объемлет
Небесный свод ночная тень
И меркнет день, —
Всю натрудившуюся Землю
Одoleвает сон глубокий.
Но просыпаются в ночи
Хорьки, сычи —
Земли Неведомой морлоки.
Спокойно спят дневные птицы
И видят солнечные сны;
Сулят они
Весёлый день сынам денницы.
Но пары жадных глаз прожектор
Ночную темь уже прожёт.
И вот — прыжок
И цоп! — схватил пичугу некто.
Пичуга так и не узнала,
Кто съел её. В том красота:
Вдруг — ам! — и там.
Таких счастливиц в жизни мало.

Но Ля стихи Лава не понравились: она находит, что лучше, всё-таки, чтобы в Земле Неведомой морлоков совсем не было. И быть такой счастливицей, как у Лава, ей не очень хочется.

Гадание о погоде

Протоколы каюк-кампаний в уют- компании Клуба Колумбов

Часть I. ПРИМЕТЫ.

Слышали: Если вечером, при возвращении стада, впереди идёт корова светлой масти, — завтра будет ведро; тёмной масти, — ненастье.

Подумали, решили: Стадо — не бюро предсказания погоды. От коровы погода не зависит.

Всем таким глупым приметам — каюк!

Гадание, какая будет завтра погода, по зорьке

Слышали: ВЁДРО будет завтра, если *солнцесядет* при безоблачном небе, *ветерк* заходу стих, *росавыпала* обильная, *далив* дымке, *зелёный свет* на закате, *зорька* палевая, золотая или розовая.

Подумали, решили: *Небоза* ночь может затянуть тучей; *ветер* обычно поднимается на восходе (утренний бриз) и может перейти в бурю; *роса* при солнце испарится и превратится в дождевые облака; *дали* могут быть просто затянуты пылью; *зелёный свет* часто бывает на севере после хорошего дня, а не перед; *цвет зорьки* зависит от нижних слоёв атмосферы, — состояние, которое может за ночь измениться в неблагоприятную сторону.

Слышали: Если солнце на закате очень красное, — одни говорят: завтра будет погожий день, другие: ветер будет, третьи: к дождю.

Подумали, решили: Такой разнобой в предсказаниях сам по себе уже говорит о том, что красный, пурпуровый, багряный закат может предвещать всё, что угодно, от хорошей погоды до бури и ливня. Точнее: ничего не предвещает.

Слышали: НЕНАСТЬЕ будет завтра, если *солнцесядет* в тучу, *ветерк* закату усилится, *росас* вечера не выпадет, *небосметанится*, *лунавыйдет* в рубашке (тусклая).

Из *гнилого* угла потянуло.

Подумали, решили: *Туча* может уйти за ночь; *ветер* может улечься к утру; *росы* может и не быть после пасмурного дня; *появление сметанистых*, перисто-слоистых облаков действительно может означать перелом погоды, потому что они идут впереди циклона (см. о нём дальше), но не всегда циклон сразу несёт дождь или снег. Восход тусклой луны, так же, как и цвет зорьки, зависит от состояния атмосферы, которое может меняться и в благоприятную сторону. «Гнилой угол» у нас в Северной и Средней России на юго-западе. Оттуда чаще всего надвигается на нас ненастье.

Гадания по растениям

Слышали: *Клевер* среди дня сжимает свои листочки, клонит головки.

Одуванчик сжимают свои шары, все цветы начинают сильнее пахнуть — к дождю.

Подумали, решили: Растения чувствуют насыщение воздуха влагой и отзываются на чрезмерную влажность сжатием листков, цветов и других нежных частей своего тела. Водяные испарения поднимаются вверх, образуют дождевые облака, из которых может хлынуть дождь или пасть град.

Слышали: Шумит дубровушка к непогодушке.

Подумали, решили: Вершины высоких деревьев шелестят на ветру, ещё не заметном внизу, иногда предвещая этим бурю.

Слышали: Во дворе одного колхозника в деревне Лысово есть такой «предсказатель погоды» из длинного елового сучка.

А До сделала себе из соломинки такую штучку и называет ее своим оракулом.

Подумали, решили: Сухой сук представляет собой своего рода *гигроскоп*: прибор, показывающий влажность воздуха. Набирая в себя через поры водяные пары, он напрягается и свободный конец его поднимается; в сушь — опускается! Наверху лучше было написать: «Влажно», внизу: «Сухо».

Гигроскоп из разрезанной вдоль соломинки сближает свои усики при увеличении влажности воздуха; в сушь концы их расходятся. Так До узнаёт, будет дождь (может быть...) или сухая погода.

Гадания по поведению животных

Слышали: ВЁДРО будет, если: *стрижи и ласточки* летают высоко, *комары-толкуны* столбом, *мух* в избе гудят, *пауки* всюду плетут свои сети, летают на паутинках.

Лягушки во множестве скачут из травы в воду.

Пиявки лежат на дне.

Подумали, решили: *Стрижии ласточки*носятся над самой землёй и водой, охотясь за насекомыми. Нежный ворс на крылышках *летучих насекомых* легко впитывает в себя влагу из воздуха, крылышки тяжелеют, — насекомые опускаются к земле. В сухую погоду *комарики и мухи* гудят, летают высоко. *Стрижии ласточки* поднимаются за ними. *Пауки* всюду плетут для насекомых сети; осенью, пользуясь лёгким сухим ветром, молодые *паучки* расселяются на паутинках. Если всегда влажная кожа *лягушек* начинает подсыхать, они устремляются к воде. *Пиявки* в хорошую погоду ведут себя в воде спокойно, там им хорошо.

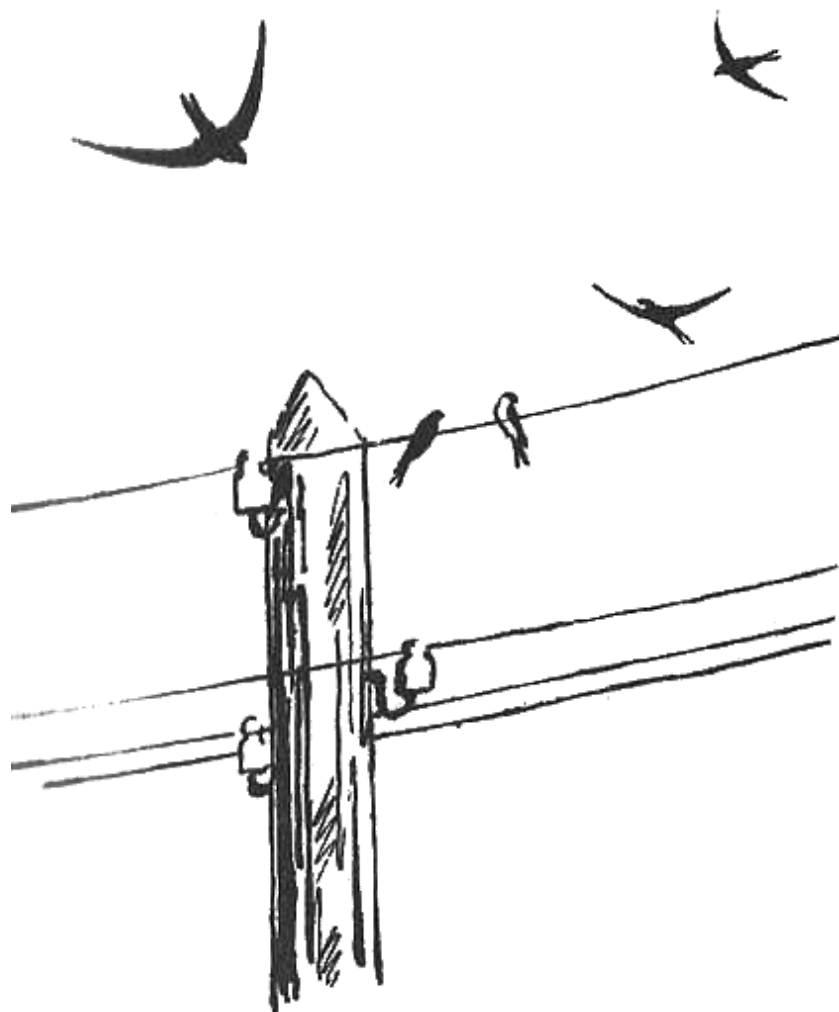
Слышали: ДОЖДЬ будет, если: *муравьи* закрывают входы в муравейники, *пауки* — скрываются с глаз.

Стрижи и *ласточки*носятся над землёй, *рыбы*« *играют*», выскакивают из воды, *лягушки*искачут из воды на землю, *пиявки*высовываются из воды, *ручейники*, *мушки*, *комары*летают над самой землёй и водой.

Ещё можно сказать, что, по нашим собственным наблюдениям, дым из печных труб в сухую и тихую погоду поднимается столбом в небо, а в сырую отклоняется в сторону, опускается до земли и стелется по ней клубами.

Подумали, решили: *Муравьи*, чувствуя насыщение воздуха влагой, не позволяют проникать ей в свои гнёзда, мочить их нежные коконы. Мохнатенькие *пауки*сами прячутся от влаги в норки и укрытия.

Стрижи и *ласточки*опускаются за отягощенными насекомыми вниз. *Рыбы*хватают насекомых, выскакивая из воды. *Лягушки*блаженствуют в сырой траве, а *пиявки*на воздухе под дождём. *Ручейники*, *комаришки*, *мухи*и другие летучие насекомые, отсырев, не могут взлететь высоко.

Такова сводка протоколов каюк-кампаний по борьбе с суевериями, ложными приметами и смешными предсказаниями погоды. Подробное обсуждение приведённых примет привело нас к убеждению, что большинство из них не может быть с уверенностью использовано для *предсказания* погоды на завтрашний день или даже более короткий срок, а просто служит доказательством, что в данное время погода «хорошая» — сухая, солнечная, безветренная, или «плохая»: воздух влажен или уже идёт дождь, град, холодеет, усиливается ветер, собираются облака... Ласточки и стрижи совсем не потому охотятся над самой землёй, что завтра будет дождь: просто им надо питаться, а питание их — крылатые насекомые — все внизу. Ночью собравшиеся в облака водяные пары могут осесть на землю или унести далеко от того места, где мы делали свои наблюдения, и тогда никакого дождя у нас завтра не будет, а наоборот — весь день простоит безоблачный и жаркий.

Можно ли на основании этого сделать вывод, что всем этим приметам грош цена? Отнюдь, отнюдь! Особенно совпадению нескольких из них. Многие из народных примет основаны на столетних, тысячелетних наблюдениях, и, прежде чем отвергать их, мы каждую из них должны много-много раз проверить. Ведь до сих пор наши учёные массовой проверки их не делают. А она могла бы быть поручена наблюдателям на метеорологических станциях, густой сетью покрывающих всю нашу и многие другие страны.

На дне Лёгкого океана

Учёные изыскания поэта, храбро скрывающегося под псевдонимом

Гадая о том, какая погода будет завтра, крепко помнить надо, что мы живём на дне Лёгкого океана. Два слова о его названии.

Мы нарекли его Лёгким не потому, что сам по себе он такой уж лёгкий. Ведь и Тихий океан назван так совсем не потому, что вода в нём всегда тихая, волны маленькие и морские течения его очень медленны. Тихий океан как разбушует, так — ого!

Лёгкий наш океан *сравнительно*. Если кубический метр обыкновенной океанской воды весит, как всем известно, одну тонну, то вес особой «воды» нашего лёгкого всемирного океана в 770 раз меньше. И всё же на поверхность всего земного шара наш океан давит — по подсчёту учёных — с силой 5 300 000 000 000 000 (пяти тысяч трёхсот трильонов тонн). Можете вы вообразить себе что-либо подобное?! По секрету скажу вам, что на простёртую вашу ладошку он давит с силой ста пятидесяти килограммов, — а это вес двух здоровеньких дяденек. Тяжело? Ещё бы! Такая тяжесть моментально раздавила, бы руку в лепёшку, если бы мы не были так хитро устроены, что изнутри нас она давит на нашу ладошку точно с такой же силой, как снаружи...

Поэтому-то нам и кажется, что «вода» океана, на дне которого все мы живём, до того лёгкая, что просто ничего не весит. К тому же она обычно совершенно прозрачная. Вот нам и кажется, что её вовсе нет, и мы просто забываем о ней. А ведь по ней ездят не хуже, чем по морской воде. Только уж не моряки, а лётчики.

Вы, конечно, давно уже догадались, что Лёгкий океан — это обтекающая весь земной шар *атмосфера*, а лёгкая «вода» его — воздух. Всемирный воздушный океан очень глубок, точнее — высок. Только нижний, самый плотный его слой — по-учёному *тропосфера*, — и то в нём добрых десять километров. Вот эта толща воздуха и давит на всех нас, живущих на дне воздушного океана, — давит и снаружи и изнутри.

А что такое *погода*? Да ведь это приливы и отливы Лёгкого океана, то и дело меняющиеся его течения, разные завитушки да завихрушки вечного его движения. И вот, чтобы предсказать погоду хотя бы только на завтра, необходимо знать, что сейчас творится над всей Землёй. Где больше давление, где меньше, где солнечно, где пасмурно, холодно, жарко, идёт дождь, снег... А этого-то мы и не знаем. Получает об этом сведения от огромного числа метеорологических станций, раскинутых по всей Земле, только Бюро Предсказаний Погоды.

Состояние Лёгкого океана над нами

зависит от множества самых различных причин. От ветра, направления и силы его, от температуры и влажности воздуха, облачности и так далее. Как было бы просто, если бы погода зависела от чего-нибудь одного. Скажем, — от Солнца. Ведь Солнце — первопричина вращения нашей планеты вокруг него и вокруг самой себя, причина всей и всяческой жизни на Земле и всякого на ней движения.

Было бы так: светит Солнышко, греет Землю, — у нас погода хорошая, и всё хорошо у нас. Повернулась Земля не тем боком к Солнцу — сразу небо тучей закрыло, — половину всего Лёгкого океана льдистым колпаком прикрыло. Прикрывает же Северный ледовитый океан сплошной крышкой льда на всю зиму, а Южный ледовитый — на другое полугодие. На всём нашем полушарии всю зиму стоял бы сплошной мороз. Ан нет! У нас и в середине зимы оттепели вдруг бывают. Да и летом Лёгкий океан нагревается не столько сверху Солнышком, как снизу, со дна — сам *о* й Землёй. Сквозь прозрачный воздух солнечный свет свободно проходит, нагревает нашу Землю, а как закатится Солнышко, так она — Земля — быстро начинает

отдавать своё тепло воздуху, покрываться испариной — капельками росы. Выше над землёй водяные пары превращаются в мельчайшие водяные капельки, составляющие туман и ещё выше превращающиеся в облака. А что такое облака? Не что иное, как земные одеяла, прикрывающие Землю и не пропускающие сквозь себя земное тепло. Сторожа, берегущие земной уют. Но сторожа не очень верные. Ветер гоняет их с места на место, да и сами они не прочь вернуться на родную Землю. Чуть только побольше тяжелеют, — проливаются ей на грудь дождём, обрушиваются крупой или градом, летят снегопадом.

Помните, всегда помните, что мы на дне Лёгкого океана. А этот океан во много-много раз больше всех наших солёных «морей-окиянов». У него нет берегов, он вечно в движении и обтекает весь свет. И дно его — Земля, по которой мы ходим, — летит в мировой пустоте с невообразимой скоростью: с быстротой тридцати километров в одну секунду — вращаясь вокруг своей воображаемой оси и, так сказать, всё время «уходит из-под ног» воздушного океана. Нрав этого океана прихотлив и капризен, воздух его где теплей, где свежей, вес воздуха меньше — если он влажный, насыщен водяными парами и, значит, больше разрежен. Жизнь Лёгкого океана со всеми его мелкими завитушками и захватывающими огромные пространства завихрениями подчиняется сложнейшим физическим законам. Разве думаем мы об этом, когда по маленьким приметам стараемся угадать, что принесёт нам завтра погода? Из всех приведённых нами выше примет (то всем бросающихся в глаза, как воспетые поэтами розово-перстые зорьки, то доступные лишь немногим внимательным наблюдателям, как особенности поведения крошечных сухопутных осьминожек-пауков), — кажется нам больше других заслуживающей внимания лишь одна. Это появление высоко в небе нежных перисто-слоистых облаков, когда «небо сметанится». Мы уже сказали, что это на самом деле может предвещать большое изменение погоды и на долгий срок, потому что перисто-слоистые облака обычно идут впереди циклона, сигналият о приближении циклона.

Циклон и антициклон

Некоторые думают, что «циклон» — это очень сильный ветер, буря, что-то вроде тайфуна. Другие путают его со смерчем. А общего в них ничего, кроме того, что каждый из них крутится, крутится, вертится сам вокруг себя.

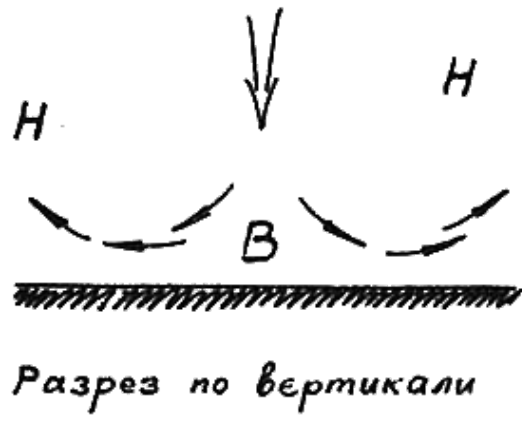
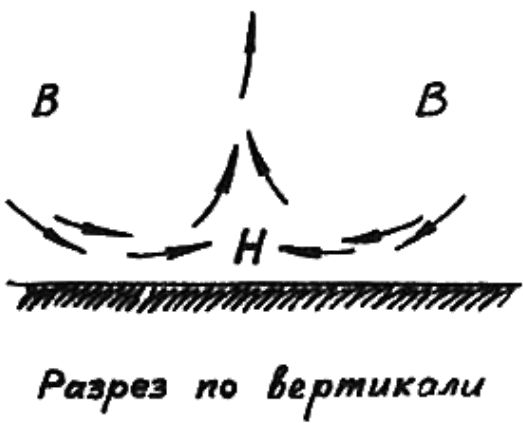
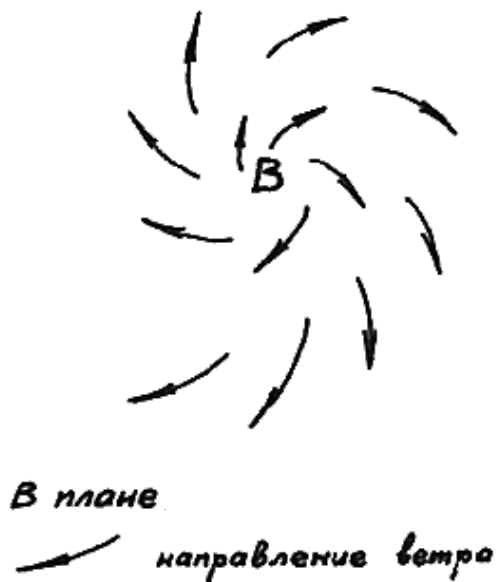
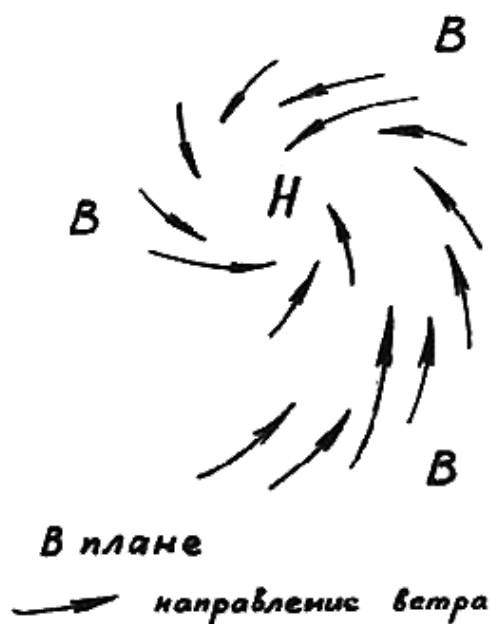
Тайфун— это сильнейший ураган, вздымающий огромные валы на океанах, с корнем вырывающий вековые деревья, уносящий крыши с домов. Зарождается только в тропиках, но достигает и средних широт.

Смерч— это узенькое завихрение воздуха и поднятой с земли пыли и разной лёготи, а если проходит над морем, рекой, болотом, — то и вод **ы** со всей мелкой водяной живностью. Завихрится над какой-нибудь красной пустыней — красную пыль в себя втянет; займётся над

прудом — головастика, рыбных мальков в себя втянет. С неба к нему — из облака — другой смерч протянется — как руку подаст, или, лучше сказать: хобот опустит. Покрутят, покрутят смерчи своими хоботами, да и сольются в один крутящийся столб с земли до неба. Облако вберёт его весь в себя и помчит по небу. И где-нибудь далеко-далеко — может быть, совсем в другой стране — хлынет дождь красной пыли на жёлтые поля или прольётся на головы людям головастиками и рыбёшкой. Попробуй-ка предвидь такой фокус Лёгкого океана!

Но смерч — это случай редкий, исключительный в жизни воздушного океана, как и тайфун. А вот циклоны и антициклоны возникают постоянно.

Циклон — такое завихрение широчайших воздушных течений, по краям которого сравнительно высокое, а в середине — низкое давление. Рыба ищет, где глубже, а воздух... воздух ищет, где давление на него меньше. Надави на поршень — и воздух, спокойно сидевший в насосе, устремится к выходам из него — туда, где на него не давят. И там — на просторе — закружится воздушным волчком. Вот такой — огромных размеров, иногда во многие сотни километров — воздушный волчок над землёй и есть *циклон*. Он движется по спирали, вращаясь против часовой стрелки.

Огромный воздушный волчок, вращающийся в противоположном направлении, по часовой стрелке, — называется *антициклоном*. В центре его давление высокое. Воздух всегда перемещается из того места, где давление сильнее, в ту сторону, где оно меньше.

Перемещение воздуха мы называем ветром. Значит, если стать носом по ветру, то центр циклона — область низкого давления — всегда будет у тебя за спиной?

Было бы, конечно, так, если бы и Земля тоже не была волчком и не крутилась бы с ужасной быстротой с запада на восток под циклоном и не мчалась бы в мировом пространстве вокруг Солнца, как сумасшедшая. Если стать носом по ветру и раскинуть руки направо и

налево, то низкое давление всегда будет у тебя по левую руку и немного впереди, а высокое — позади справа. На огромном пространстве, занимаемом циклоном или антициклоном, дуют ветры разных направлений и разной силы. Силу ветра в метеорологии — науке о Лёгком океане — принято расценивать так:

Ветру ставим баллы

Ветер нам друг, когда он маленький. Летом, в жаркий полдень, мы задыхаемся от зноя, если нет ни малейшего ветерка. Полный штиль. Дым из труб столбом поднимается в небо. Если ветер движется со скоростью меньшей, чем полметра в секунду, нам кажется, что ветра совсем нет, — и мы ставим ему в своем дневнике *ноль баллов* — 0.

Тихий ветер — от одного до полутора метров в секунду, или 60–90 метров в минуту, или $3 \frac{1}{2}$ — $5 \frac{1}{2}$ километра в час, — скорость пешехода. При *тихом* ветре дымовой столб отклоняется от трубы, а мы чувствуем освежающее дыхание на лице. *Тихому* ветру ставим — 1 балл.

Лёгкий ветерок дует со скоростью двух-трёх метров в секунду, то есть 120–180 метров в минуту или 7–11 километров в час. Примерно, значит, со скоростью бегуна. При нём шелестят листья на деревьях. *Лёгкому* ветерку запишем в своём журнале — 2 балла.

Слабым называется ветерок, дующий со скоростью 4–5 метров в секунду, 11 ½ — 18 километров в час. Он колышет тонкие ветки деревьев, весело подгоняет бумажные кораблики. Поставим ему — 3 балла.

Умеренным ветром называется в метеорологии тот, что вздымает пыль с дороги и болтает тонкие ветви деревьев, поднимает волнение на море. *Умеренному* ветру метеорологи ставят — 4 балла.

Свежий ветер дует со скоростью 9–10 метров в секунду, 32–36 километров в час. Примерно с быстротой полёта вороны. От него шумят верхушки деревьев, раскачиваются их тонкие стволы, на волнах появляются барашки. Исчезают комары и мошки. От *свежего* ветра и в жаркий день свежо. Отметим его баллом — 5.

Сильный ветер начинает уже хулиганить. Он швыряет на землю развешанное на верёвках бельё, срывает шляпы с голов, мешает играть в волейбол, относя в сторону мяч, широко раскачивает гибкие стволы деревьев. Дует он со скоростью пассажирского поезда, пробегающего по 39–43 километра в час. Хорошо, что у метеорологов двенадцатибалльная система отметок, а то по нашей школьной — пятибалльной — ему бы и отметки не хватило. Приходится ставить ему — 6 баллов.

Но это ещё цветочки. Ягоды поспевают осенью.

Крепкий ветер — 13–15 метров в секунду, 47–54 километра в час, — нередко дует осенью. Он заставляет гудеть провода, сгибает в дугу гибкие стволы деревьев, срывает пену с гребней волн; трудно идти против него. Он получает в журнале — 7 баллов.

Очень крепкий — 16–18 метров в секунду, 57–64 километра в час. Этот ветер ломает сучья и ветви, валит слабые деревья, столбы, сплошные заборы, затрудняет движение пешком — 8 баллов.

Шторм— несётся со скоростью 19–21 метр в секунду, 72–90 километров в час. Срывает черепицу с крыш, выбивает кирпичи из дымовых труб, топит рыбацьи суда. *Шторму*— 9 баллов.

Сильный шторм— 20–25 метров в секунду, 79–90 километров в час, — деревья вырывает с корнем, срывает крыши с домов — 10 баллов.

Жестокий шторм— 26–29 метров в секунду, 94–104 километра в час, — мчится с полной скоростью почтового голубя, валит с ног человека и приносит большие разрушения. Оценка — 11 баллов.

И наконец *ураган*— мчит со скоростью сокола: 30 метров в секунду и больше, несёт огромные разрушения и смерть многим людям. Ему — последний наш балл — 12.

В Антарктике — 60 метров в секунду.

Погоды в циклонах и антициклонах

Теперь продолжим наш рассказ о циклонах и антициклонах.

Огромный воздушный волчок — площадью у нас, в Европейской части СССР, обычно в 800–1000 квадратных километров! — называемый циклоном, набит ветрами всевозможных направлений и различной силы. В самой середине его всегда пониженное атмосферное давление, а по краям — повышенное. Поэтому ветры всех направлений и устремляются отовсюду, отклоняясь против часовой стрелки благодаря самоверчению Земли.

По этому направлению они несут с различной скоростью разные облака. Высокие перисто-слоистые облака, как уже было сказано, — признак приближения циклона. Таким образом, став носом по ветру и определив, с какой стороны от нас область пониженного давления, установив появление кажущихся неподвижными слоисто-перистых облаков, а потом взглянув в уют-компанию, можно довольно уверенно определить, откуда и с какой скоростью приближается к нам циклон.

Спр о сите: «А при чем тут наша уют-компания?»

Очень просто: на стенке в уют-компании висит у нас барометр-анероид. Круглый, как большой будильник, — только стрелка одна. Если она движется по направлению часовой стрелки, — значит, воздушное давление повышается; если против — значит, понижается.

Наши юнесты часто перед отправлением в лес легонько стучат костяшкой согнутого пальца по стеклу anerоида. Если при этом стрелка прыгнет вправо, то радуются: дождя не будет! А если влево, — нос вешают и берут с собой непромокаемые плащи.

Барометр тоже считается оракулом — предсказателем погоды. На циферблате его написано: «Буря — Осадки — Переменно — Ясно — Сушь». Но пользоваться им надо с умом. Конечно, если стрелка его ахнет вдруг на десяток делений влево, — жди дождя, грозы или бури. А если она тихонько, без особых скачков передвигается туда или сюда, — неизвестно еще, когда что будет.

Резкое падение давления даёт знать о быстром приближении области низкого давления — центра циклона. Значит, ветры пригонят толстые, низкие дождевые облака — и начнутся *осадки*, как говорят метеорологи, а по-нашему — дождь, град, а зимой снег. Циклоны, кружась, как в вальсе, движутся всё дальше и дальше. Обычно со скоростью неспешно идущего поезда: километров 20–40 в час. Появляются они у нас — то есть опять-таки в Европейской части Союза — чаще всего из *гнилого угла*: с юго-запада. Чтобы точно рассчитать, когда циклон будет над тем местом Лёгкого океана, где находимся мы, необходимо знать, где именно сейчас его середка, и ещё ряд дополнительных данных, получаемых в Бюро Предсказания Погоды от метеорологических станций со всей страны. Но бывает, что циклон вдруг да и задержится где-нибудь, погостит там, а потом неожиданно ринется дальше.

Хороших погод от циклона ждать не приходится: он не раз дождём вспрыснет или — зимой — посыплет снегом. Пасмурно в циклоне.

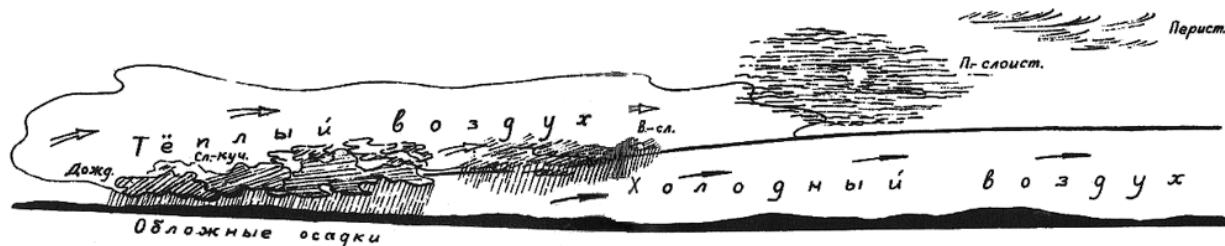
Другое дело — антициклон. О приближении его центра — области высокого давления — говорит движущаяся в направлении часовой стрелки стрелка барометра-анероида. В сердце антициклона всегда высокое, ясное небо, ярко светит солнышко, тишь да гладь. Обол *о* чины, — как называет народ у нас в Земле Неведомой, в Новгородской области, сплошную тучу во всё небо, — нет. *Обложных* дождей почти не бывает, когда над нами в Лёгком океане царствует антициклон.

Обязательно надо научиться различать и понимать облака. Знать, какие облака что с собой приносят. Учитывая общую картину неба, направление и силу ветра, иногда можно верно и точно угадать погоду.

Облака, как мы уже говорили, — это кучи водяных капелек, образующиеся от земной испарины — лёгких водяных паров, поднявшихся в небо и там остывших. Облака образуются в циклонах при низком атмосферном давлении и устремляются вверх, как в дырку, там, где оно ещё ниже. В антициклонах облака если и образуются из поднимающихся с земли в жару испарений, то, поднявшись в небо, они рассеиваются.

В циклоне тёплые и холодные течения схватываются в обнимку. Холодный воздух всегда тяжелее тёплого и, казалось бы, всегда должен побеждать его: вытеснять вверх. Но бывает так, что под сильным напором высокого давления лёгкий воздух бросается в лобовую атаку на холодный и, напирая на него, постепенно побеждает его.

Границу схватившихся в обнимку тёплого и холодного легкоокеанских течений метеорологи называют фронтом. Если тёплое и влажное течение, наступая, побеждает холодное, теснит его, то фронт называется тёплым. При этом тёплый воздух понемногу спокойно поднимается над холодным, берёт над ним верх. Задирай почаще голову и наблюдай, как на твоих глазах происходит эта борьба. Конечно, целиком огромные легкоокеанские течения необозримы с одного места, — ты увидишь только часть схватки небесных гигантов.

Ты увидишь, как вдали заметилось небо: появились высокие перистые облака, сменяющиеся *перисто-слоистыми*; как перисто-слоистые облака постепенно сменяются *высоко-слоистыми*, плывущими на такой высоте, — что *осадки* из них, не достигая земли, испаряются, не долетев до дна. А высоко-слоистые сменяются *слоисто-кучевыми* и *дождевыми*.

Но если над тобой холодный фронт, то есть холодное течение, побеждает тёплое, — ты увидишь на небе совсем другую картину.

Тяжёлое холодное течение, нападая, круто и быстро, как на копьё, поднимает своего лёгкого врага, налетают сильнее порывы ветра, мощные шквалы ливня.

При наступлении холодного фронта ты увидишь вдали высоко-слоистые облака, — потом на голову тебе обрушат потоки дождя *куче-дождевы* тучи, а когда они пройдут, покажутся сначала стада *высоко-кучевых*, наконец, *перисто-кучевых*. Холодный воздух понемножку нагрелся снизу — от земли — и валом вздымается в высокое небо.

Так, в непрестанном, вечном движении пребывает наш Лёгкий океан, и ничто в нём не движется прямолинейно, всё сейчас же образует хоть маленькую завитушку, а малейшая завитушка сейчас же завихряется, и, превратившись в огромный вихрь — циклон или антициклон, — несётся над нами в быстром вальсе, кружась справа налево или слева направо.

У нас с тобой не спрашиваясь,
Без устали, без роздыха
Кружатся волны воздуха
Над головами нашими.

Дождём нас огорчающие
На Лёгком океане том, —
Не к ночи будь помянутом! —
Циклоны приключаются.

И всеми здесь рассказанными
Хорошими приметами,
Воспетыми поэтами,
Пути им не заказаны.

Надо самим научиться быть здорово приметливыми, надо, став носом по ветру, узнавать, где от нас высокое, где низкое атмосферное давление, с умом пользоваться барометром, понимать облака и, сопоставляя целый ряд своих примет, предсказывая погоду на завтра, стараться не попасть пальцем в небо.

*На этом заканчиваются учёные изыскания
Завитушкина-Завихрюшкина-Завихряева на тему
«Гадание о погоде на дне Лёгкого океана».*

Заключение

Для конца книжки Лав написал стихотворение о юнестах в лесу, и хотел им закончить книжку. Но Колк сказал:

— Ты поэт, а я прозаик. Ты ужасный романтик; из твоих стихов всегда проглядывает какой-то волшебно-сказочный, таинственный мир,

закутанный в цветной туман. А я трезвый реалист, я вижу мир, когда взойдёт солнце, туман растает — и всё в лесу будет видно невооружённым глазом. Давай закончим книжку твоим стихотворением, но я сделаю к нему свои примечания в прозе. Согласен?

— Ну что ж, — сказал Лав. — Делай свои прозаические примечания. От этого наша книжка только выиграет. Вот моё стихотворение:

ЮНЕСТ

Юнест в лесу — глаза и слух
Всё для него необычайно,
От птиц до мух
Всё сказка для него и тайна.

Таясь сам, за всем следит.
Тут что-то только-только было,
Тут кто-то на ветвях сидит,
Тут чьё-то рыло землю рыло.

Следы копытцев на траве.
Но кто от них глаза отводит?
Мырит в ручье, свистит в листве,
Между стволами колобродит,

Мышом шуршит, скользит, как тень,
И пропадает где-то сбоку.
Юнест пытается ум весь день,
Стремясь от дум добиться проку.

Юнест в лесу — глаза и слух.
Ничто на свете не случайно.
От глаз до ух
Юнеет окутан дивной тайной.

— А вот мои грубо-реалистические пояснения к твоему стихотворению, — сказал Колк.

«От птиц до мух
Всё сказка для него и тайна».

Ну, птицы-то — это всем понятно! — конечно, сказка. Задумаешься даже, как эти воздушные, певучие существа живут с нами на одной планете. А мухи потому тайна, что неизвестно, что там, за кустами, когда над ними увидишь радужнокрылых мух: зверь какой, его труп, или ещё что.

«Таяся сам, за всем следит».

Конечно, если не научиться таиться за кустами, не треснув сучком, незаметно подтаиваться к птице или зверю, — никого в лесу не увидишь.

«Тут что-то только-только было».

Если на этом месте играли, дрались или просто только что прошли тяжёлые звери или птицы, это заметно по тому, как медленно поднимается придавленная трава.

«Тут кто-то на ветвях сидит».

...

«Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит». —

украдено у Пушкина.

«Тут чьё-то рыло землю рыло...»

Очень просто: может, барсук, а могут быть и кабаны. За последние годы дикие свиньи сильно расплодились и появляются под Москвой, Ленинградом и в Новгородской области — в нашей Земле Неведомой.

«Следы копытцев на траве».

Опять-таки могут быть кабаны. А может быть и небольшой наш олень — косуля.

Они всё ещё живут в наших северных лесах. А поэт, верно, намекает на козлоногого — на какого-нибудь фавна или Пана, что жили в лесах древней Эллады.

«Но кто от них глаза отводит?»

Ничего удивительного: всё новое, что неожиданно замечаешь, *отводит глаза* от того, на что ты смотрел.

«Мырит в ручье...»

«Мырит» — это наше охотничье выражение. «Мырит, мырит!» — шепчет охотник охотнику, заведя на воде под кустами круги неизвестного происхождения: то ли там утка, то ли водяная крыса, то ли ещё что.

«...свистит в листве».

Если сильно свистит, вроде флейты, — верно, иволга. Или певчий дрозд.

«Мышом шуршит...»

Мышь, по-охотничьи, мужского рода, без мягкого знака.

«...скользит, как тень...»

Когда солнце высоко в небе, по всему лесу — тени. Поди разбери, кто мимо тебя проскользнул, пробежал, пропорхнул!..

«И пропадает где-то сбоку».

Ясно, что сбоку: не станет же он удирать прямо впереди тебя.

«Юнест пытается ум весь день...»

Юнест — юный естества *испытатель, следопыт*— орудует своим умом, как охотник за зверьками — хорьками, горностаями, — *пытнем*. Так называется длинная железная палочка, которой промышленник *пытает*, щупает в норе: тут ли хозяин?

«...стремясь от дум добиться проку».

Думы, конечно, бывают всякие: сопоставляющие разные факты или просто фантастическое. Здесь поэт явно говорит про такие думы, от которых можно добиться проку, — понять смысл того, что наблюдал.

«Ничто на свете не случайно»

Вот в том-то и дело!

«От глаз до ух
Юнест окутан дивной тайной».

Это уж, конечно, «поэтическая вольность».

